This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

А. МАЙКОВА

СОЧИНЕНІЙ

ТОМЪ III

ИЗДАНІЕ
А. Ф. МАРКСА.
С.ПЕТЕРБУРГЪ.

300 A 20

✓ PRIV

NEVILL FORBES BEQUEST

PG3337. M2. A1. 1884 (3)
= Rep. Slav. 200

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ
СОЧИНЕНІЙ
А. Н. МАЙКОВА
III.

Пустынникъ.

И Ангелъ мнѣ сказалъ: иди, оставь ихъ грады,
Въ пустыню скройся ты ~~иди~~, чтобъ тамъ огонь лампады,
Тебѣ довѣренный, до срока уберечь;
Дабы когда тщету суетъ они познаютъ,
Возжаждутъ Истины и свѣта пожелаютъ,
Имъ было бъ чѣмъ свои свѣтильники возжечь.

А. Майковъ

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

А. Н. МАЙКОВА.

Изданіе четвертое,

исправленное и дополненное

АВТОРОМЪ.

Въ трехъ томахъ.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

Изданіе А. Ф. МАРКСА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія А. Ф МАРКСА. Прачешный пер., № 5.
1884.

LIBRARY OF THE TAYLOR INSTITUTION
UNIVERSITY
26 SEP 1936
OF OXFORD

1. Ем
2. Въ
3. Ска
4. Мен
5. Ска
6. Запа
7. Кня
8. Изъ
9. „По
10. Завѣ
11. Во в
12. На 2
колае
13. Моск
Имне
14. Судъ
15. Радо
16. Два
17. Юбил
18. Ломо
19. Крым

ОГЛАВЛЕНІЕ

ТРЕТЬЯГО ТОМА.

СТРАН

I. Отзывы исторіи. 1—50.

1. Емшанъ 3
2. Въ Городцѣ въ 1263 году 8
3. Сказаніе о Петрѣ Великомъ 13
4. Менуэтъ 17
5. Сказаніе о 1812 годѣ 20
6. Западная Русь 24
7. Князю Друцкому-Любецкому 27
8. Изъ Посланія 31
9. „По мѣстамъ! по мѣстамъ! 32
10. Завѣтъ Старины 35
11. Во время послѣдней войны:
    „Опять горитъ востокъ“ 36
    Къ картинѣ Айвазовскаго 37
12. На 25-лѣтіе царствованія Государя Императора Александра Николаевича 19 февраля 1880 г. 39
13. Москва. Кантата въ день вѣнчанія на царство Е. И. В. Государя Императора Александра Александровича 43

II. Поэмы. 51—77.

14. Судъ предковъ 53
15. Радойца 65
16. Два бѣса 71

III. Наставникамъ. 79—103.

17. Юбилей Шекспира 81
18. Ломоносовъ 84
19. Крыловъ 89

стран.
20. Карамзинъ 91
21. Жуковскій 96
22. Пушкину 100
23. Тютчеву 103

IV. Изъ дневника. 105—114.

24. Вопросъ 107
25. „Для нихъ свобода—что видѣнье“ 108
26. „Опытъ, скажи, чѣмъ гордишься ты?“ 109
27 „Бродитъ вино молодое“,.. . . . . —
28. „Въ этой толпѣ подъ волшебной силой искусства“ . . . . . —
29. „Всюду: „что новаго? слышишь“ . . . . . —
30. „Формы, мой другъ, совершенство“ 110
31. „Времени мстить предоставь“ . . . . . —
32. Другъ мой! Ученые, вѣрь, не такіе какъ кажутся боги“ . . . —
33. „О трепещущая птичка“ . . . . . —
34. „Чужой для всѣхъ“ 111
35. „Изъ темныхъ доловъ этихъ взоръ“ 113
36. „Такъ, добрымъ дѣломъ былъ отмѣченъ“ 114

V. Изъ гностиковъ. 115—120.

37. „Духъ вѣка вашъ кумиръ“ 117
38. „Вѣрю я въ Разумъ и Благость Великаго Духа“ . . . . . —
39. „Милыхъ что умерли“ 118
40. „Не говори, что нѣтъ спасенья“ . . . . . —
41. „Близится Вѣчная Ночь“... 119
42. Эпитафія 120

VI. Разныя стихотворенія. 121—157.

43. Пустынникъ 123
44. Денница 124
45. Весна 125
46. Вербная недѣля 127
47. Разсказъ Духа 128
48. „Утрата давняя досель свѣжа въ тебѣ“ 131
49. Художнику 132
50. „Осыпались желтые клены“ 133
51. Валкиріи 134

СТРАН.

52. Казакъ 137
53. Айвазовскому 140
54. Изъ Гафиза 142
55. Подражаніе Сафо 143
56. Изъ Гёте 144
57. Excelsior 145
58. „О царство вѣчной юности“ 148
59. Изъ Испанской антологіи 149
60. Альбомъ Антиноя:
а) „Высокая пальма“ 152
б) „Одинъ, безъ силъ, въ пустынѣ знойной“ 153
в) „Вдоль надъ рѣкой быстроводной“ . . . . . —
г) „Смерти нѣтъ!...“ 154
д) „Вы разбрелися, овцы заблудшія“ . . . . . —
е) „Ты не въ первый разъ живешь“ 155
ж) „Въ пустынѣ знойной онъ лежалъ“ . . . . . —
з) „Смотри, смотри на небеса“. 156

VII. Кассандра. 159—198.

Кассандра. Сцены изъ Эсхиловой трагедіи 159

VIII. Княжна. 199—253.

Княжна. Трагедія въ октавахъ 199

IX. Два міра. 255—292.

Два міра. Трагедія 255

X. Разсказы изъ русской исторіи, 393—481.

I. О святыхъ московскихъ митрополитахъ Петрѣ и Алексѣѣ и о славномъ Мамаевомъ побоищѣ 395
II. Взятіе турками Константинополя 415
III. Москва—Третій Римъ 431
IV. Царь Иванъ Васильевичъ Грозный. Покореніе Казани и Астрахани. 443
V. Завоеваніе Сибири. (Начало восточнаго вопроса) 461

ОТЗЫВЫ ИСТОРІИ.

Емшанъ *).

Степной травы пучокъ сухой
Онъ и сухой благоухаетъ!
И разомъ степи надо мной
Все обаянье воскрешаетъ...

Когда въ степяхъ, за станомъ станъ,
Бродили орды кочевыя,
Былъ ханъ Отрóкъ и ханъ Сырчанъ,
Два брата, батыри лихіе.

И разъ у нихъ шелъ пиръ горой—
Великъ полонъ былъ взятъ изъ Руси!
Пѣвецъ имъ славу пѣлъ, рѣкой
Лился кумысъ во всемъ улусѣ.

*) Разсказъ этотъ взятъ изъ Волынской лѣтописи. *Емшанъ* — названіе душистой травы, растущей въ нашихъ степяхъ, вѣроятно полынòкъ.

Вдругъ шумъ и крикъ, и стукъ мечей,
И кровь, и смерть, и нѣтъ пощады! —
Все врозь бѣжитъ, что лебедей
Ловцами спугнутое стадо.

То съ русской силой Мономахъ
Всесокрушающій явился —
Сырчанъ въ донскихъ залегъ меляхъ,
Отрóкъ въ горахъ кавказскихъ скрылся!

И шли года... Гулялъ въ степяхъ
Лишь буйный вѣтеръ на просторѣ...
Но вотъ—скончался Мономахъ
И по Руси—туга и горе —

Зоветъ пѣвца къ себѣ Сырчанъ,
И къ брату шлетъ его съ наказомъ:
„Онъ тамъ богатъ, онъ царь тѣхъ странъ,
Владыка надо всѣмъ Кавказомъ! —

Скажи ему чтобъ бросилъ все,
Что умеръ врагъ, что спали цѣпи,
Чтобъ шелъ въ наслѣдіе свое,
Въ благоухающія степи!

Ему ты пѣсенъ нашихъ спой,—
Когда-жъ на пѣснь не отзовется,
— Свяжи въ пучокъ емшанъ степной
И дай ему — и онъ вернется.

Отро́къ сидитъ въ златомъ шатрѣ,
Вкругъ—рой абхазянокъ прекрасныхъ;
На золотѣ и серебрѣ
Князей онъ чествуетъ подвластныхъ.

Введенъ пѣвецъ. Онъ говоритъ,
Чтобъ въ степи шелъ Отро̀къ безъ страха,
Что путь на Русь кругомъ открытъ,
Что нѣтъ ужъ больше Мономаха!

Отро́къ молчитъ, на братнинъ зовъ
Одной усмѣшкой отвѣчаетъ —
И пиръ идетъ, и хоръ рабовъ
Его что солнце величаетъ.

Встаетъ пѣвецъ и пѣсни онъ
Поетъ о быляхъ половецкихъ,
Про славу дѣдовскихъ временъ
И ихъ набѣговъ молодецкихъ —

Отро́къ угрюмый принялъ видъ
И, на пѣвца не глядя, знакомъ,
Чтобъ увели его — велитъ
Своимъ послушливымъ кунакамъ.

И взялъ пучокъ травы степной
Тогда пѣвецъ и подалъ хану —
И смотритъ ханъ — и, самъ не свой,
Какъ-бы почуя въ сердцѣ рану,

За грудь схватился... Всѣ глядятъ —
Онъ грозный ханъ, что-жь это значитъ?
Онъ, предъ которымъ всѣ дрожатъ, —
Пучокъ травы цѣлуя, плачетъ!

И вдругъ, взмахнувши кулакомъ,
„Не царь я больше вамъ отнынѣ!“
Воскликнулъ, „смерть въ краю родномъ
Милѣй, чѣмъ слава на чужбинѣ!“

На утро, чуть осѣлъ туманъ,
И озлатились горъ вершины,
Въ горахъ идетъ ужь караванъ —
Отро̀къ съ немногою дружиной.

Минуя гору за горой,
Все ждетъ онъ—скоро-ль степь родная—
И въ даль глядитъ, травы степной
Пучокъ изъ рукъ не выпуская.

1874.

Въ Городцѣ въ 1263 году *).

Ночь на дворѣ и морозъ.
Мѣсяцъ—два радужныхъ свѣтлыхъ вѣнца вкругъ него...
По небу словно идетъ торжество;
Въ кельѣ-жь игуменской зрѣлище скорби и слезъ..

Тихо лампада предъ образомъ Спаса горитъ;
Тихо игуменъ предъ нимъ на молитвѣ стоитъ;
Тихо бояре стоятъ по угламъ;
Тихъ и недвижимъ лежитъ, головой къ образамъ,
Князь Александръ, черной схимой покрытъ...
Страшнаго часа всѣ ждутъ: нѣтъ надежды, ужь нѣтъ!
Слышится въ кельѣ порой лишь болящаго бредъ.

---

*) Городецъ на Волгѣ; тамъ умеръ на возвратномъ пути В. К. Александръ Ярославичъ Невскій въ 1263 году.

Тихо лампада предъ образомъ Спаса горитъ...
Князь неподвижно во тьму, въ безпредѣльность глядитъ...
Сонъ ли проходитъ предъ нимъ, иль видѣній таинственныхъ цѣпь—
Видитъ онъ—степь, безпредѣльная бурая степь...
Войлокъ разосланъ на выжженной солнцемъ землѣ.
Видитъ: отецъ! смертный потъ на челѣ,
Весь изможденъ онъ, и блѣденъ и слабъ...
Шелъ изъ орды онъ, какъ данникъ, какъ рабъ...
Въ сердцѣ, знать, силъ не хватило обиду стерпѣть...
И простоналъ Александръ: „такъ и мнѣ умереть“...

Тихо лампада предъ образомъ Спаса горитъ...
Князь неподвижно во тьму, въ безпредѣльность глядитъ...
Видитъ—шатеръ, дорогой, златотканный шатеръ...
Тронъ золотой на пурпурный поставленъ коверъ...
Ханъ возсѣдаетъ средь тысячи мурзъ и князей...
Князь Михаилъ *) передъ ставкой стоитъ у дверей...
Подняты копья надъ княжеской свѣтлой главой...
Молятъ бояре горячей мольбой...
„Не поклонюсь истуканамъ во вѣкъ“ онъ твердитъ...
Мигъ—и поверженъ во прахъ онъ лежитъ...

*) Кн. Михаилъ Черниговскій.

Топчутъ ногами и копьями колютъ его...
Ханъ, изумленный, глядитъ изъ шатра своего...
Князь отвернулся со стономъ и, очи закрывъ,—
„Я жь, — говоритъ, поклонился болванамъ, чрезъ огнь
я прошелъ,
„Жизнь я святому вѣнцу предпочелъ...
Но“—на Спасителя взоръ устремивъ:
„Боже! Ты знаешь — не ради себя—
„Многострадальный народъ свой лишь паче души
возлюбя!..“
Слышатъ бояре и шепчутъ, крестясь:
„Грѣхъ твой, кормилецъ, на насъ!“

Тихо лампада предъ образомъ Спаса горитъ...
Князь неподвижно во тьму, въ безпредѣльность глядитъ...
Снится ему Ярославовъ въ Новгóродѣ дворъ...
Въ шумной толпѣ и мятежъ и раздоръ..
Всѣ собралися концы и шумятъ...
„Всѣ постоимъ за святую Софію!“ — вопятъ —
„Дань ей несутъ отъ Угорской земли до Ганзы...
„Нѣмцамъ и Шведамъ страшнѣй нѣтъ грозы...
„Самъ ты водилъ насъ, и—Биргеръ твое
„Помнитъ досель на лицѣ, чай, копье!..
„Рыцари,—памятенъ имъ поотаявшій ледъ!..
„Конница словно какъ въ морѣ летитъ кровяномъ!..

„Бейте, колите, берите живьемъ
„Лживый, коварный, пришельческій родъ!..
„Намъ ли баскаковъ пустить
„Грабить казну, на правежъ насъ водить?
„Злата и сѐребра горы у насъ въ погребахъ,—
„Намъ ли валяться у хана въ ногахъ!
„Бей ихъ, руби ихъ, баскаковъ поганыхъ татаръ!..“
И разлилася рѣка, взволновался пожаръ...
Князь приподнялся на ложѣ своемъ;
Очи сверкнули огнемъ,
Грозно сверкнули всѣмъ гнѣвомъ высокой души —
Крикнулъ: „эй вы, торгаши!“
„Богъ на всю землю послалъ злую мзду.
„Вы ли одни не хотите Его покориться суду?
„Ломятся тьмами ордынцы на Русь—я себя не щажу—
„Я лишь одинъ на плечахъ ихъ держу!..
„Бремя нести — такъ всѣмъ міромъ нести!
„Дружно, что боръ вѣковой, подыматься, расти,
„Вѣруя въ чаянье лучшихъ временъ,—
„Все лишь въ конецъ претерпѣвый — спасенъ!..“

Тихо лампада предъ образомъ Спаса горитъ...
Князь неподвижно во тьму, въ безпредѣльность глядитъ ..
Тьма, что завѣса, раздвинулась вдругъ передъ нимъ...
Видитъ онъ: облитый словно лучомъ золотымъ,

Берегъ Невы, гдѣ разилъ онъ врага...
Вдругъ возникаетъ тамъ городъ... народомъ кишатъ берега..
Флагами вѣютъ цвѣтными кругомъ корабли...
Громъ раздается; корабль показался вдали....
Правитъ имъ кормчій съ открытымъ высокимъ челомъ...
Кормчаго всѣ называютъ Царемъ...
Гробъ съ корабля поднимаютъ, ко храму несутъ,
Звонъ раздается, священные гимны поютъ...
Крышу открыли... Царь что-то толпѣ говоритъ...
Вотъ—передъ гробомъ земные поклоны творитъ...
Слѣдомъ—всѣ люди идутъ приложиться къ мощамъ...
Въ гробѣ-жь—князь видитъ—онъ самъ...

Тихо лампада предъ образомъ Спаса горитъ...
Князь неподвиженъ лежитъ...
Словно какъ свѣтъ надъ его просіялъ головой—
Чудной лицо озарилось красой—
Тихо игуменъ къ нему подошелъ и дрожащей рукой
Сердце ощупалъ его и чело —
И, зарыдавъ, возгласилъ: „наше солнце зашло!“

1875.

Сказаніе о Петрѣ Великомъ

въ преданіяхъ Сѣвернаго края. *)

Когда насъ еще на свѣтѣ нé было,
Да и дѣды дѣдовъ нашихъ еще нé жили.
И людей на свѣтѣ была малость мальская,
Цари въ ту пору земли себѣ дѣлили;
Въ ту ли пору былó стародавнюю,
Наше мѣсто было не завѣдомо
Никакимъ царемъ, ни бояриномъ,
Ни лихимъ человѣкомъ удалыимъ;
А въ лѣсу то звѣря разводилося

*) Разсказъ этотъ представленъ здѣсь почти безъ измѣненій какъ онъ записанъ Е. В. Барсовымъ въ Онежскомъ краѣ и напечатанъ между многихъ другихъ, въ Бесѣдѣ, подъ общимъ названіемъ „Петръ Великій въ преданіяхъ сѣвернаго края.“ Онъ записанъ собирателемъ со словъ разсказчика прозой; но и въ этой прозѣ сами собой сквозятъ стихи; я пытался только возстановить ихъ, почти нигдѣ ничего не прибавляя отъ себя. Петръ повелѣвающій стихіями—это такой колоссальный образъ Великаго Государя, а описаніе бури и потопленія свейскихъ лодокъ—такая живая, сжатая и вѣрная природѣ картина, что было бы жаль, еслибъ эти красоты народнаго творчества прошли незамѣтно въ исторіи нашей поэзіи.

Что ни кустъ—лисица со куницею,
Что ни пень — медвѣдь со вòлчищемъ;
А и рыбы въ рѣкахъ наплодилося
Хоть рукой имай, аль корцомъ черпай.

Полюбилось наше мѣсто вольное,
Полюбилось оно царю свейскому;
Запримѣтилъ тоже Пётра, русскій Царь,
Что ручьи у насъ глубокіе,
Рѣки долгія, широкія,
А морямъ—и нѣтъ конца!
Снарядился самъ на поиски
На своей ли лодкѣ изукрашенной,
Серебромъ ли пораскладенной,
Золотымъ рулемъ приправленной,
Самъ съ бояры и вельможами.
Царь же свейскій заспѣсивѣлся,
Не поѣхалъ самъ, послалъ начальниковъ
Во полонъ забрать всю воду съ рыбою,
И лѣса со звѣремъ всякіимъ,
Чтобъ владѣти ему пò вѣки.

Какъ по морю, морю ладожску
Ѣдетъ—катитъ Пётра-царь на поиски;
Самъ сидитъ въ кормѣ на лодочкѣ,

Золотымъ рулемъ поворачиваетъ,—
Анъ на встрѣчу супостатъ ему,
Въ лодкахъ писанныхъ, узорочатыхъ,
Съ шелковой покрышкой алою.

Не ясенъ-соколъ налеталъ на лебедь бѣлую,
И не лебедь смутилъ воду синюю:
То летятъ, воду—рябятъ, лодки свейскія,
На цареву лодку крѣпкую;
Съ шумомъ, свистомъ порываючись,
Въ мелкій черень искрошить хотятъ.

Не стерпѣлъ тутъ Цётра, понасупился,
Очи ясныя поразсвѣтились,
И румянецъ сталъ во всю щеку—
Да какъ крикнетъ онъ вельможамъ-бо́ярамъ:
„Поубавимъ спѣси Царю Свейскому!
„Силой что ль сгубить его начальниковъ?
„Аль пустить съ бѣлымъ-вало́мъ пучинистымъ?“
И промолвили вельможи-бо̀яры:
„Не по что̀ намъ, Царь, грѣха брать на̀ душу,
„Души грѣшныя ихъ, некрещеныя,
„Все же души человѣческія—
„Пусть умрутъ отъ вѣтра—сивера,
„Отъ валовъ умрутъ разсыпчатыхъ!“

Какъ промолвили вельможи-бóяры,
Отъ ремня, съ груди, отвязывалъ,
Царь взялъ въ руки золотой рожокъ,
Протрубилъ на всѣ четыре стороны...

Разносился голосъ по темнымъ водамъ—
Становилася вдругъ темень Божія,
Собирались вѣтры въ тучу густую,
Расходились воды ярыя:
Валъ вала встаетъ подталкиваетъ,
Вѣтры гребни имъ подтягиваютъ;
Налетѣлъ вѣтеръ на лодки свейскія,
Посрывалъ покровы алые,
Побросалъ далеко пó морю;
Нагнала тутъ ихъ вода ярая:
Валъ живой горой идетъ-тянется,
Бѣлымъ гребнемъ отливается;
Подошелъ тутъ первый валъ: онъ приподнялъ,
Стоймя приподнялъ онъ лодки свейскія;
Налетѣлъ второй валъ: принакренилъ ихъ;
А и третій: онъ ужь тутъ какъ тутъ,
Захлестнулъ навѣкъ начальниковъ...
Разступилась вода нá-двое,
Ушли камнемъ въ топь глубокую
Души грѣшныя, некрещеныя...

1874.

Менуэтъ.

(Разсказъ стараго бригадира).

Да—съ, видалъ я менуэтецъ —
Ого-го-го!.. посыланъ былъ
Въ Петербургъ я разъ—пакетецъ
Къ Государынѣ возилъ...

Ну—дворецъ—само собою
Ужь Армидины сады!
И гирляндою цвѣтною
Колыхаются ряды.

Только спросишь: въ этой парѣ
Кто, скажите?—Назовутъ—
И стоишь ты какъ въ угарѣ!
Вмѣсто музыки-то тутъ

Взрывы слышишь, бой трескучій,
Пушки залпами палятъ,
И отъ брандеровъ подъ тучи
Флоты цѣлые летятъ!

Спросишь, напримѣръ,—кто это?
„Графъ Орловъ-Чесменскій.—„Онъ!
Ну-съ а тамъ?—„Суворовъ".—Свѣта
Преставленье! чисто сонъ!

А съ Самой—позвольте—кто же?
—„Князь Таврическій"—горитъ
Въ брилліантахъ весь и—Боже!
Что за поступь! что за видъ!

Скажешь: духи бурь и грома
Потрясающіе міръ,
Всѣ, въ урочный часъ, здѣсь, дома
Собираются на пиръ.

И вступая въ домъ къ царицѣ,
Волшебствомъ какимъ то, тутъ
Вдругъ изящной вереницей
Кавалеровъ предстаютъ,

Передъ Ней склоняютъ выи,
И Она лишь, какъ живой
Образъ—такъ сказать—Россіи
И видна надъ всей толпой.

1875.

Сказаніе о 1812 годѣ.

Вѣтеръ гонитъ отъ востока
Съ воемъ снѣжныя мятели...
Дикой пѣснью злая вьюга
Заливается въ пустынѣ...
По безлюдному простору,
Безъ ночлега, безъ привала,
Точно сонмъ тѣней, проходятъ
Славной арміи остатки,
Егеря и гренадеры,
Кто окутанъ дамской шалью,
Кто церковною завѣсой, —
То въ сугробахъ снѣжныхъ вязнутъ,
То скользятъ, въ разбродъ взбираясь
На подъемъ оледенѣлый...
Гдѣ пройдутъ—по всей дорогѣ
Пушки брошены, лафеты;

Снѣгъ заноситъ трупы коней,
И людей, и колымаги,
Нагруженныя добычей
Изъ святыхъ московскихъ храмовъ...
Посреди разбитой рати
Ѣдетъ вождь ея, привыкшій
Къ торжествамъ лишь да побѣдамъ...
Въ пошевняхъ на жалкихъ клячахъ,
Ѣдетъ той же онъ дорогой,
Гдѣ прошелъ еще недавно
Полной гордости и славы,
Къ той загадочной столицѣ
Съ золотыми куполами,
Гдѣ, казалось, совершится
Въ полномъ блескѣ чудный жребій
Повелителя вселенной,
Сокрушителя имперій...

Гдѣ-жъ вы, пышныя мечтанья!
Гордый замыселъ!.. надежды
И глубокіе расчеты
Прахомъ стали—и упорно
Ищетъ онъ всему разгадки,
Гдѣ и въ чемъ его ошибка?
Все напрасно!...

И поникъ онъ, и, въ дремотѣ,
Видитъ—какъ въ пріемномъ залѣ—
Не за долго до похода—
Въ Тюльери, стоитъ онъ, гнѣвный;
Вѣнценосцевъ всей Европы
Передъ нимъ послы: всѣ внемлютъ
Съ трепетомъ его угрозамъ...
Лишь одинъ стоитъ посланникъ,
Не склонивъ покорно взгляда,
Съ затаенною улыбкой...
И, вспыливши, Императоръ—
„Князь, вы видите“—воскликнулъ—
„Мнѣ никто во всей Европѣ
„Не дерзаетъ поперечить:
„Императоръ вашъ—на что же
„Онъ надѣется—на что же?“

„Государь!“ въ отвѣтъ посланникъ,
Взять въ расчетъ вы позабыли,
„Что за русскимъ государемъ
„Русскій весь стоитъ народъ!“

Онъ тогда расхохотался
А теперь—теперь онъ вздрогнулъ...

И глядитъ: утихла вьюга,
На морозномъ небѣ звѣзды,
А кругомъ на горизонтѣ
Всюду зарева пожаровъ...

Вспомнилъ онъ дворецъ петровскій,
Гдѣ бояръ онъ ждалъ съ поклономъ
И ключами отъ столицы...
Вспомнилъ онъ пустынный городъ,
Вдругъ со всѣхъ сторонъ объятый
Моремъ пламени... А мира—
Мира нѣтъ!.. и днемъ и ночью
Неустанная погоня
Вслѣдъ за нимъ враговъ незримыхъ...
Справа, слѣва—ихъ мильоны
Тамъ въ лѣсахъ... „Такъ вотъ что значитъ—
„Весь народъ!..“
И безнадежно
Вдаль онъ взоры устремляетъ:
Что то грозное таится
Тамъ за синими лѣсами,
Въ необъятной этой дали...

1876.

Западная Русь.

(Посвящается западно-русскимъ братствамъ.)

Великолѣпные костелы,
Гдѣ блещетъ яхонтъ и янтарь,
И раззолоченный, тяжелый,
Огнями залитый алтарь.

Паны колѣнопреклоненны,
Ксендзъ, потрясающій крестомъ,
Вопятъ въ молитвѣ изступленной:
„Да грянетъ Богъ своимъ судомъ!

„Да окрылитъ на бой ихъ рати
Противъ московскихъ мужиковъ,
Что въ сонмы европейской знати
Взошли по лѣстницѣ чиновъ!

„Да снова Рѣчи Посполитой
Онъ дастъ имъ гордыя права,—
И не смутитъ ужь хлопъ забитый
Пановъ веселыхъ торжества!...“

А тамъ, вдали, другіе храмы—
Лачуги съ погнутымъ крестомъ!
Тамъ *хлопы* молятся, тамъ—*хамы*,
Съ ихъ *подлымъ* русскимъ языкомъ!

Тамъ—гниль и ветошь! мракъ и сыро!
И причащается тамъ хлопъ
Изъ оловяннаго потира,
И въ крашенинной ризѣ попъ!

Но духомъ церкви первобытной
Все дышетъ въ бѣдныхъ здѣсь стѣнахъ,
И также бродитъ ненасытный,
Вкругъ этихъ стѣнъ, исконный врагъ,

И эти вѣрные, всечасно
Дрожа за ветхій свой алтарь,
О томъ лишь молятъ, молятъ страстно—
Чтобъ вспомнилъ ихъ и русскій царь,

И русскій людъ, передъ которымъ
Вотще слеза не пролита,
Который, подъ земнымъ позоромъ
Въ убогомъ нищемъ,—чтитъ Христа....

1863.

Князю Друцкому-Любецкому.

Литовскихъ смутъ печальныя картины,
Исторія, въ скрижаль свою внося,
Давно ждала, чтобъ въ этотъ мракъ—единый
Правдивый лучъ сознанья пролился.
Давно ждала, что вотъ на сеймѣ шумномъ,
Тамъ, гдѣ нибудь, на берегахъ Днѣпра,
Какъ свѣтлый вождь предъ сонмищемъ безумнымъ,
Подымется мужъ правды и добра,
И скажетъ онъ: „Высокое собранье!
„Чины Литвы и Руси! полно намъ
„Метаться вѣкъ безъ цѣли и призванья,
„Какъ съ дерева оборваннымъ листамъ!
„Очнемтеся, проснемся, вспомнимъ—кто мы?
„Гдѣ начались, откуда истекли
„Дворянскіе и княжескіе домы,
„Которыхъ гербъ и честь къ намъ перешли?

„Увы! къ кому ни протяну я руки,
„И на кого очей ни вскину я—
„Все Рюрика, все Гедимина внуки,
„Литовскіе и русскіе князья!
„Владиміра потомки, Ярослава,
„Потомки тѣхъ князей и ихъ дружинъ,
„Отъ коихъ Руси зачалася слава,
„И понеслась на Бельтъ и на Эвксинъ!
„Какими же свершилося судьбами
„Что стыдно намъ назваться ихъ дѣтьми,
„И стали мы всему тому врагами,
„За что они ложилися костьми?...
„Но горшее въ печальной нашей долѣ—
„То, что она смѣшнѣй все каждый часъ....
„По чьей все то содѣялося волѣ?
„И русскій духъ что извратило въ насъ?...

„Смѣшно сказать!... Тутъ Полька замѣшалась!
„Оно бъ ни што литовско-польскій бракъ—
„Да пани-то ксендзами вдохновлялась,
„И мужа—хлопъ сейчасъ же подъ башмакъ!
„Была она, хотя и богомольна,
„Но демонски въ мазуркѣ хороша!
„Такъ хороша, что вздумать даже больно,

„Что между тѣмъ, какъ вся ея душа
„Горитъ огнемъ, и станъ крутится гибкій,
„Чело впередъ, и каблучекъ стучитъ—
„Мазурку-то, смѣяся безъ улыбки,
„Наигрывалъ ей римскій езуитъ!
„Мы понеслись, прельстившись шумнымъ танцемъ, —
„И какъ ужь самъ не вѣдая того,
„Вдругъ русскій князь врагомъ и иностранцемъ
„Сталъ посреди народа своего!...

„Межь тѣмъ отъ бурь татарскаго погрома
„Очнулася и поднялась Москва,
„Гдѣ вся то Русь была уже какъ дома—
„Подолъ, Волынь, и Галичъ, и Литва—
„Да, да, Литва—съ своей Еленой Глинской
„И тысячьми искавшихъ крова тамъ
„Отъ папежства и уніи латинской,
„Чтобъ дѣдовскимъ быть вѣрну алтарямъ!
„Народъ къ Москвѣ примкнулъ, не думавъ дольше,
„А мы, князья, вождей его синклитъ,
„Все носимся въ мазуркѣ, что для Польши
„Безъ устали играетъ езуитъ,
„И скрипкою ведетъ своей бѣсовской
„Все дальше насъ и отъ семьи Славянъ,

„И отъ родныхъ святынь земли отцовской,
„Къ исконнымъ ихъ врагамъ, изъ стана въ станъ!...
„О нѣтъ, бѣги кто хочетъ за вампиромъ!
„Какъ коренной, природный русскій князь,
„Я съ предками теперь, предъ цѣлымъ міромъ,
„Возобновляю порванную связь;
„Всѣ съ Польшею и Римомъ узы рушу;
„Какъ блудный сынъ вернувшись въ отчій домъ,
„Съ народомъ жить хочу въ едину душу,
„И быть своимъ въ краю своемъ родномъ!...“

То слово, князь, такъ поздно, только нынѣ,
Изъ устъ твоихъ по Руси разнеслось...
О дай-то Богъ, чтобы не какъ въ пустынѣ
Оно въ сердцахъ заблудшихъ раздалось!
Да сгинетъ рознь въ семьѣ единородной,
И дружно Русь, свободна и свѣтла,
Пойдетъ свершать свой подвигъ всенародно,
Подъ знаменемъ двуглаваго орла!

1863.

Изъ посланія.

Мы—Москвичи! что дѣлать, милый другъ!
Кинь насъ судьба на сѣверъ иль на югъ,—
У насъ вездѣ, со всей своею славой,
Въ душѣ—Москва и Кремль золотоглавый:
Въ насъ заповѣдь великая жива,
И вѣра въ насъ досель не извелася,
На коихъ древле создалась Москва,
И чрезъ нее—Россія создалася.
Тамъ у гробовъ іерарховъ и царей,
Намѣтившихъ великія ей цѣли,
Онѣ виднѣй, и ты поймешь яснѣй
Куда идти,—и какъ мы шли доселѣ,
И отчего, во дни народныхъ бѣдъ,
И внѣшнихъ бурь, и всякаго шатанья,
Для всей Руси, какъ дѣдовскій завѣтъ,
Родной Москвы звучало увѣщанье.

Храни жь его, отцовъ завѣтъ святой,
Какъ Ермогенъ въ цѣпяхъ, въ тюрьмѣ сырой,—
И въ жизни путь всегда увидишь правый,
И посрамишь всякъ умыселъ лихой,
Всякъ вражій ковъ, и всякъ соблазнъ лукавый.

1867.

* * *

„По мѣстамъ! по мѣстамъ! грозный окликъ идетъ...
Поднялся старый нашъ воевода,
Поднялся и надъ Русью летитъ и зоветъ,
И всѣ чуютъ—идетъ, знать, невзгода!

„По мѣстамъ, по мѣстамъ!“ воевода зоветъ—
„Всякъ радѣй Государеву дѣлу—
„Вѣру тверду держи, совѣсть чисту и бѣлу,
„Ибо часъ настаетъ, настаетъ!..

„Врачъ могучъ и хитеръ: по мѣстамъ, по мѣстамъ!
„И на сторожѣ око и ухо:
„Бой повсюду пойдетъ, по землѣ, по морямъ,
„И въ невидимой области духа.

1870.

Завѣтъ старины.

(На манифестъ 19-го февраля 1861 г.)

Снилось мнѣ: по всей Россіи
Свѣтлый праздникъ—древній храмъ —
Звонъ, служенье литургіи,
Блескъ свѣчей и ѳиміамъ, —

На амвонѣ-жь, въ ѳиміамѣ
Точно въ облакѣ, стоитъ
Старцевъ сонмъ, и намъ, во храмѣ
Преклоненнымъ, говоритъ:

„Труденъ въ мірѣ, Русь родная,
Былъ твой путь; но дни пришли —
И, въ свой новый вѣкъ вступая,
Ты у Господа моли,

„Чтобъ въ сынахъ твоихъ свободныхъ
Коренилось и росло
То, что въ годы бѣдъ народныхъ,
Осѣнивъ тебя, спасло;

„Чтобы ты была готова, —
Сердце чисто, духъ великъ, —
Стать на Судище Христово
Всѣмъ народомъ каждый мигъ;

„Чтобъ въ вождяхъ своихъ сіяя
Силъ духовныхъ полнотой,
Богоносица святая,
Міръ вела ты за собой

„Въ свѣтъ, — къ свободѣ безконечной
Изъ-подъ рабства суеты, —
На исканье правды вѣчной
И душевной красоты“...

1880.

Во время послѣдней войны 1877—1878 года.

1.

Опять горитъ Востокъ! Опять и кровь, и стонъ,
Спаленныя поля, насилье, смерть, проклятья!
Опять—блуждающихъ въ горахъ дѣтей и женъ
Ко братьямъ о Христѣ молящія объятья!

Европа на сей разъ внимаетъ ихъ мольбамъ...
Но взоры ихъ слѣдятъ за дальнею Россіей,
Тамъ –Царь-помазанникъ! стратигъ Востока—тамъ!
Туда указано, предъ смертью, Византіей...

И знаетъ это Русь... и долгъ свой приняла—
И былъ онъ для нея, что́ свѣтъ для морехода;
И мысль великая въ ней крѣпла и росла
И въ разумѣ царей и въ чаяньяхъ народа...

Ужь близокъ Николай у цѣли былъ... Но Богъ
Еще отсрочилъ день... Настала-ли година?
Чего могучій духъ отца свершить не могъ,
Не суждено-ль свершить, быть можетъ, сердцу сына?

2.

Къ картинѣ Айвазовскаго.

Воздушный этотъ крестъ—ты понялъ—онъ всегда
Съ таинственныхъ высотъ всегда сіялъ надъ нами!..
Онъ шелъ предъ нашими полками
Какъ виѳлеемская звѣзда
Въ чудесную ту ночь, предъ тѣми пастухами,
Что первые привѣтствовать пришли
Благую вѣсть любви и мира на земли...

Онъ велъ насъ за Дунай, въ трудахъ во дни и ночи,
На высоты Балканъ, гоня предъ нами тьму...
И падшихъ, съ поля битвъ, тускнѣющія очи
Съ послѣднею мольбой стремйлися къ нему...

Сіялъ онъ—надъ простымъ, походнымъ лазаретомъ,
Въ сердца тѣхъ чудныхъ женъ, что бросивъ домъ и кровъ,
И нѣгу и покой,—простилися со свѣтомъ
И погреблись въ трудѣ—святѣйшемъ изъ трудовъ...

Онъ—вождь нашъ искони; и имъ лишь предводима,
И чувствуя его сіянье надъ собой,
Какъ Божье воинство, съ безтрепетной душой,
Русь отъ начала лѣтъ поднесь непобѣдима.

На 25-лѣтіе царствованія

Государя Императора Александра Николаевича 19 февраля 1880 г.

Когда въ разрывѣ бурныхъ тучъ
За пролетѣвшимъ ураганомъ
Блеснетъ внезапно солнца лучъ
По залитымъ водой полянамъ,
По бурей взломаннымъ лѣсамъ,—
А вкругъ по сушѣ и морямъ
Гремятъ раскаты громовые,
И тучи новыя кругомъ,—
Такой явилася Россія
Предъ молодымъ своимъ царемъ.
И Онъ еще сжимая руку
Похолодѣвшую отца,—
Взглянулъ кругомъ—какую муку
Тутъ испыталъ Онъ... безъ конца
Казались бѣды и напасти,

Но въ Бога и народъ Свой Онъ
Великой вѣрой укрѣпленъ,
Покорно принялъ бремя власти...

И двадцать пять минуло лѣтъ,
Надъ Русью новый свѣтитъ свѣтъ,
А съ затаенными громами
Все тѣ-же тучи, тьмы за тьмами,
Обволокли со всѣхъ сторонъ—
Нашъ прояснѣвшій небосклонъ.
И не пойметъ нашъ взоръ смущенный,
Чѣмъ наша Русь для нихъ страшна?
Мы сила въ мірѣ—насъ мильоны—
Но эта сила—въ чемъ она?
Смотрите: вотъ алтарь походный;
Царь передъ нимъ; полки кругомъ,
И нѣтъ конца толпѣ народной.
И мигъ!—предъ поднятымъ крестомъ
Священный шелестъ пробѣгаетъ,
Склонились долу знамена,
И Царь колѣно преклоняетъ
И все за нимъ— бѣжитъ волна
Во все людское это море!...
Одна молитва въ каждомъ взорѣ,

Одна у всѣхъ звучитъ струна,
Одно роднитъ всѣхъ умиленье,
Одинъ у всѣхъ источникъ слезъ,
Одинъ въ сердцахъ у всѣхъ—смиренья
Примѣръ подавшій намъ Христосъ!

Мы сильны— лишь боряся съ ложью,
Въ дѣяньѣ чуя правду Божью,
Христа миротворящій духъ.
И полонъ имъ Царь молвитъ слово:
„Да разрѣшатся узы!“—вдругъ
Спадаютъ узы. Молвитъ снова:
„Тамъ страждетъ братъ нашъ о Христѣ...“
И Русь идетъ, и какъ вожатый
Ей всей предносится Распятый
Насъ искупившій на крестѣ.

Ты, Государь, съ Твоимъ народомъ
Одна душа! Господь продли
Твой вѣкъ земной, да съ каждымъ годомъ
Крѣпчаетъ мощь родной земли!
Да просвѣтляется въ сознаньѣ

И въ заблудившихся умахъ
То, что святится какъ преданье,
Какъ долгъ, какъ Божье указанье
По всей Руси, во всѣхъ сердцахъ!

Кантата,

исполнявшаяся на парадномъ обѣдѣ въ день вѣнчанія на Царство Е. И. В. Государя Императора АЛЕКСАНДРА АЛЕКСАНДРОВИЧА.

Съ мала ключика студёна потекла рѣка;
Съ невелика зачиналась каменна Москва,
Наѣзжали тутъ князья тѣшиться,
По темнымъ лѣсамъ кабана ловить.
Въ тихихъ заводяхъ лебедей стрѣлять.

Гой, не туча въ синемъ небѣ разстилается:
Злы татары, валъ за валомъ, по Руси валятъ...
Не видать въ дыму красна солнышка,
Стономъ стонъ стоитъ по лицу земли,
Гдѣ не бьютъ людей, гонятъ полоны...

Полоняннички идутъ, другъ друга спрашиваютъ:
„Изъ которой веси ты, какого города?“
„Я изъ Кіева—изъ Чернигова—

Я изъ Суздаля—изъ Владиміра—
Ты прости навѣкъ, милъ родимый градъ!“

Ты ли, Господи, въ конецъ на Русь прогнѣвался!
Ни пощады ей не будетъ, ни спасенія?...
Въ людяхъ рознь идетъ, въ князьяхъ которы,
Гдѣ ни глянь кругомъ—темна ночь лежитъ,
Темна ночь лежитъ, непроглядная...

* * *

То не звѣздочка
Засвѣтилася
Въ непроглядной тьмѣ;

То зажглась свѣча
Воску яраго
Въ каменной Москвѣ;

Зажигалъ ее
Тамъ святитель Петръ
Да Московскій князь...

Запримѣтили
Люди русскіе
Съ далека ее;

Ободрились,
На нее глядятъ,
Богу молятся...

А она горитъ,
Разгорается,
Свѣтитъ всей Руси;

А Московскій князь
Возвышается,
Думу думаетъ...

Думу думаетъ,
Дѣло дѣлаетъ,
Не торопится.

* * *

Часъ ударилъ жданный, радостный!
Колокольный звонъ по всей Руси,
И молебны по церквамъ поютъ!
И по всей землѣ веселіе!
Словно мутны воды вешнія
Золота-Орда растаяла,
Отъ святой Руси отхлынула.
Пронеслися тучи черныя,

Вышло солнце изъ-за черныхъ тучъ:
Засвѣтился имъ Московскій Кремль,
Золотыя церквей маковки,
А въ палатѣ узорочатой
Всѣхъ свѣтлѣй сидитъ и радостнѣй
На престолѣ самъ Московскій князь,
Самодержецъ всея Русіи,
А не ханскій уже данничекъ:
Его ноженькой растоптана
Басма ханская тутъ валяется,
И бѣгутъ съ метлою конюхи
Выметать ее на задній дворъ.

* * *

Ужь какъ изъ лѣса, лѣса темнаго
Богатырь выѣзжалъ въ поле чистое,
Въ поле чистое, во великій свѣтъ.
Погулять ему-бъ, да потѣшиться,
Силой-удалью похвалитися...
Да какъ вышелъ онъ во великій свѣтъ,
Увидали его люди Божіи
Ото всей страны, отъ восточныя,
И взмолилися, громко плачутся:
„Одолѣли насъ силы темныя!
Церкви Божьи у насъ всѣ поруганы,

Наши царства всѣ ниспровергнуты,
Царство Сербское и Иверское,
И Болгарское, и великъ-престолъ
Константинова Царя-города!
Ты для всѣхъ теперь для восточныхъ странъ
Что звѣзда взошла Виѳлеемская,
Во своей святой каменной Москвѣ!
Возлюбилъ тебя и избралъ Господь—
Повязать тебѣ Константиновъ мечъ
И вѣнчаться вѣнцомъ Мономаховымъ,
Сирыхъ быть тебѣ да защитникомъ,
Поплѣненныхъ быть избавителемъ,
Вѣры правыя быть поборникомъ!
О Москвѣ-жь твоей се пророчество:
„Пали два Рима — третій стоитъ, —
А четвертому не быть.“

* * *

Мнѣ ли, Господи,
Мнѣ-ль по силамъ Ты
Тяжкій крестъ даешь!
Недостоинъ есмь
Твоея любви!
Развѣ Ты мнѣ дашь
Силу крѣпкую...

Умудришь меня
Своей мудростью...
Я какъ вѣрный рабъ
Предаюсь Тебѣ,
И готовъ въ огонь
И во всяку скорбь,
Ибо дорогъ мнѣ
Не земной почетъ,
А Христовъ вѣнецъ.

* * *

По Руси пошелъ стукъ и громъ большой
Чтобъ сковать себѣ броню крѣпкую,
Броню крѣпкую—не себѣ одной,
А что́ есть людей межь пяти морей,
Чтобы жить имъ всѣмъ за одну семью,
За одну семью, подъ однимъ Вождемъ,
Правды Божеской только ищучи
И за ближняго не жалѣючи
Во спасеніе сложить голову,
Ибо выше нѣтъ какъ сія любовь...
Ради славы той потрудилися
Всѣ Цари ея благовѣрные
И всѣ предки Твои, Царь Возлюбленный,
Днесь на царствіе намъ помазанный,

Добродѣтельми изукрашенный,
Божьей милостью намъ дарованный!

* * *

И гряди жь въ ихъ путь, Православный Царь!
Да великимъ Твоимъ Царскимъ дѣланьемъ
И смиреньемъ Твоимъ передъ Господомъ,
О Тебѣ сердца Твоихъ подданныхъ
Да возрадуются!
И пройдетъ Твоя далеко во людяхъ
Слава!

* * *

Слава Богу на небѣ, слава!
Государю Нашему на сей землѣ — слава!
Государынѣ Супругѣ Его — слава!
Государю Наслѣдничку Его — слава!
Всему Царскому Дому Его — слава!
И всему народу Его — слава!
Его вѣрнымъ слугамъ — слава!
Именитымъ гостямъ Его — слава!
Чтобы правда была на Руси
Краше солнца свѣтла — слава!

А эту пѣсню мы хлѣбу поемъ,
Хлѣбу честь воздаемъ — слава!
Старымъ людямъ на утѣшенье,
Добрымъ людямъ на услышанье — слава!
Слава во́ вѣки вѣковъ — слава!

1883.

ПОЭМЫ.

Судъ предковъ.

(Посв. К. К. Случевскому).

Pauvre feuille desséchée
De ta tige détachée,
Où vas-tu? Je n'en sais rien...
Je vais où le vent me mène ..
Arnault.

„Попы увели народъ въ унію, попы и назадъ приведутъ... Такъ и наука“...
(Изъ одного разговора).

Къ кончинѣ близокъ князь Андрей.
Онъ причастился. Слабый свѣтъ
Лишь тонкихъ нѣсколькихъ лучей
Прорвался въ темный кабинетъ.

Предъ умирающимъ сидитъ
На креслахъ сынъ. Примчался съ водъ,
Отцомъ былъ выписанъ. Глядитъ
И думаетъ: ну что-же?... вотъ

„Два вѣка тутъ лицомъ къ лицу!
Какая-жь между нами связь?
Давно душой я чуждъ отцу,
Давно всѣмъ чуждъ мнѣ старый князь!

„Во Франціи—легитимистъ;
Здѣсь—недовольный камергеръ,
Спиритъ, ханжа и піэтистъ
И bel'ésprit à la Вольтеръ;

„Какъ совмѣщалось это въ немъ—
Богъ вѣсть!... Но онъ себя считалъ
Какой-то истины столпомъ,
Какой—и самъ не понималъ!“

Въ то-жь время думалъ старый князь:
„Да, мы уходимъ!... Да, огни
Всѣ другъ за другомъ гаснутъ!... Грязь
Встаетъ, идетъ... tout est fini!...

„И тотъ изящный, внѣшній блескъ,
И грація, и умъ, и вкусъ,
Et cet ésprit chevaleresque!...
Вотъ съ сыномъ даже расхожусь!

„Онъ—фантазеръ! стоялъ горой
За „эти мѣры„—дождался,
Да между небомъ и землей
Повисъ!... и все не унялся—

„Опоры ищетъ—да ихъ нѣтъ!“...
Но вдругъ старикъ раскрылъ глаза,
Какой-то новой мысли свѣтъ
Блеснулъ въ лицѣ—онъ поднялся

И—„Serge“, промолвилъ: „обѣщай—
Положимъ ужь капризъ такой—
Когда умру, приди, читай
Псалтырь ты въ церкви надо мной.

„Какъ разсказать тебѣ! Хоть ночь!
Вотъ видишь, я вѣдь тоже былъ“...
Но стало старику не въ мочь,
И онъ въ постель упалъ безъ силъ,—

Да и на вѣки замолчалъ!
И черезъ мигъ въ дому, крестясь,
Въ испугѣ каждый повторялъ,
(Хоть ждали всѣ): скончался князь!

II.

И вотъ въ сосѣдній монастырь
Свезенъ онъ съ должнымъ торжествомъ,
И сынъ идетъ читать Псалтырь
Въ старинной церкви надъ отцомъ.

Онъ пренебрегъ бы, можетъ-быть,
Но поднялся кругомъ ужь толкъ,
Да кто-то вздумалъ подтрунить—
Выходитъ: тутъ ужь чести долгъ!

Въ загробный міръ, ни въ міръ чертей
Конечно ужь не вѣрилъ онъ...
Но—мракъ, мерцаніе свѣчей,
И лики строгіе иконъ,

И храмъ весь полный старины,
Гдѣ все о предкахъ говоритъ,
Гдѣ всѣ они схоронены,
Гдѣ полъ изъ ихъ надгробныхъ плитъ,

Отецъ, вступающій въ ихъ кругъ
Теперь-же, какъ пришлецъ домой—
И въ этомъ царствѣ мертвыхъ вдругъ
Одинъ лишь онъ стоитъ живой...

И князь внимательнѣй глядитъ
Во мракъ по нишамъ и угламъ...
Вонъ отъ хоругвей тѣнь дрожитъ
До самыхъ сводовъ по стѣнамъ...

Вонъ мѣсто княжеское, гдѣ
Подъ балдахиномъ, съ ихъ гербомъ,
Отъ предка павшаго въ Ордѣ,
Преемственно, сынъ за отцомъ,

Стоялъ старѣйшій въ родѣ... Былъ
Когда-то княжескій престолъ
На этомъ мѣстѣ... Князь открылъ
Псалтырь; псаломъ иль два прочелъ,

А мысль идетъ сама собой:
„Всей этой древности—князей
Когда-то споривших съ Москвой,
Потомъ служившихъ вѣрно ей,

„Всѣхъ этихъ жизней—я итогъ!
Со всѣмъ народомъ, вся семья,
Всѣ жили какъ велѣлъ имъ Богъ,
Росли какъ боръ сплошной... А я?

Что̀ я?... Отпадшій листъ для нихъ..
А могъ—ли не отпасть?... Вопросъ!...
Теперь бы на землѣ такихъ
Отпадшихъ листьевъ набралось

На добрый островъ! всѣхъ племенъ
И всѣхъ народовъ!... Человѣкъ
Повсюду рвется изъ пеленъ,
Идемъ куда ведетъ насъ вѣкъ“...

Читаетъ князь, а мысль опять:
„Но были-жь и у нихъ умы...
Съ умѣли жь изъ клочковъ создать
Они—имперію!... А мы?...

Что̀ начинаемъ мы собой?...
„Бѣдняжка, сорванный листокъ
Въ разлукѣ съ вѣткою родной
Куда летишь“?... и князь не могъ

Чтобъ не вздохнуть... невольно сталъ
Читать все тише... Вотъ пѣтухъ
Пропѣлъ въ деревнѣ... Князь усталъ,
Онъ опустился въ кресла. Вдругъ

Онъ слышитъ шорохъ, легкій шумъ—
Какъ бы пронесся вѣтерокъ—
Князь—этотъ здравый, бодрый умъ—
Взглянулъ— и ужь дохнуть не могъ...

Какъ будто на туманъ иль дымъ
Фонарь волшебный наведенъ—
Полупрозрачные—предъ нимъ—
Толпа людей—мужей и женъ,

Дѣтей и старцевъ... Впереди
Въ камзолахъ шитыхъ, въ парикахъ,
Звѣзда и лента на груди,
А дамы съ мушкой на щекахъ...

За стариками въ парикахъ
Другіе были старики
Въ боярскихъ шапкахъ, въ бородахъ,
Виднѣлись шлемы, клобуки...

Былъ на однихъ нарядъ свѣжѣй,
На комъ давно ужь полинялъ,
Чѣмъ дальше—то тускнѣй, темнѣй,
И лишь металлъ одинъ сверкалъ...

И вотъ, противъ амвона, вдругъ
Всѣ разодвинулись—сидитъ
Подъ балдахиномъ витязь... Вкругъ
Какъ будто судій сонмъ стоитъ...

Свѣтъ прямо падаетъ на нихъ...
На витязѣ—вѣнецъ. Всѣ ждутъ.
Торжественное что-то... Мигъ—
И двое, видитъ князь, ведутъ

—Его отца!... знакомый фракъ—
И камергерскій ключъ... Да! онъ!. .
Что-жь это?... Судятъ?... Судятъ?.. Такъ!
Отецъ поникъ, совсѣмъ смущенъ...

Судъ предковъ—за душу свою
Отвѣтишь Богу, молъ, а намъ
Повѣдай какъ служилъ царю,
Хулы не нажилъ—ли отцамъ...

Никакъ читаютъ приговоръ?...
Старикъ шатнулся и закрылъ
Лицо руками... Къ сыну взоръ,
Къ нему, съ мольбою обратилъ,

Зоветъ его, и князь спѣшитъ
На зовъ отца, вскочилъ... Но въ мигъ
Исчезло все... въ гробу лежитъ,
Сквозясь чрезъ кисею, старикъ...

Пылаютъ свѣчи... мракъ кругомъ
Въ мерцаньѣ ихъ какъ бы дрожитъ...
Вотъ Спасъ въ окладѣ золотомъ
Въ возглавьи гроба... Князь глядитъ—

И—какъ случилось—по сей часъ
Не помнитъ онъ: сама тогда
Рука невольно поднялась
И онъ—перекрестился!.. Да,

Перекрестился въ первый разъ
По многихъ лѣтахъ... „Это сонъ,“
Онъ повторялъ, но мысль неслась
Туда, въ ту глубину временъ,

Что́ вдругъ раскрылась передъ нимъ
Уже не мертвой пустотой,
А чѣмъ-то цѣлымъ и живымъ—
Какой-то силой роковой,

Которой все уже давно,
Что́ насъ волнуетъ и крушитъ,
Разрѣшено, умирено...
„Ахъ, сонъ все это!“ князь твердитъ...

III.

Но сонъ иль нѣтъ—не въ томъ вопросъ;
А только послѣ похоронъ
Уѣхать тотчасъ не пришлось
Въ чужіе краи князю. Онъ

Занялся склепомъ. Много въ немъ
Затѣялъ передѣлокъ. Крестъ
Велѣлъ позолотить. Потомъ
Опять замедлился отъѣздъ:

Сталъ очищать онъ старый домъ;
Открылъ что это вѣдь музей!
Сокровища нашлися въ немъ
Вѣдь отъ временъ еще царей!

И кипы грамотъ въ кладовыхъ
И писемъ цѣлая гора!
Да вѣдь какія между нихъ —
Екатерины и Петра!

Ну какъ-же ихъ не разобрать!
И принялся читать ихъ князь,
Межь ними связь возстановлять,
Съ исторіей вводить ихъ въ связь...

Понадобилось книгъ—и годъ
За годомъ время въ вѣчность мчитъ,—
Одинъ, всѣ ночи напролетъ,
Зарывшись въ книги, онъ сидитъ

И пишетъ рода своего
Исторію... И чудно всѣмъ:
Совсѣмъ нельзя узнать его!
Другой сталъ человѣкъ совсѣмъ!

Россія стала для него
Святыней, избранной страной;
Ея началамъ торжество
Пророчитъ въ жизни міровой.

„Не могутъ-де ея понять;
Все точку зрѣнія берутъ
На міръ изъ Рима! надо взять
Изъ Византіи—и поймутъ“!..

Такое свойство впрочемъ есть
Въ исторіи россійской: тотъ
Кто вздумалъ за нее засѣсть,—
Пиши пропалъ: съ ума сойдетъ!

Одинъ профессоръ,—онъ въ Москвѣ
Средь нашихъ умственныхъ свѣтилъ
Стоялъ едва-ль не во главѣ,—
Серьезно это говорилъ.

1880.

Радойца.

(Изъ Сербскихъ пѣсень).

Что за чудо, Господи мой Боже!
Громъ гремитъ, или земля трясется?
Или море подъ скалой грохочетъ?
Или Вилы на горахъ воюютъ?
Нѣтъ, не громъ и не земля трясется,
И не Вилы горныя, не море, —
То паша на радости стрѣляетъ,
Самъ Бекиръ-ага палитъ изъ пушекъ,
Ажно въ Зарѣ всѣ домà трясутся!
Да еще-бъ не радость, не веселье!
Удалось ему словить Радойцу,
Гайдука Радойцу удалаго!

И Радойцу привели въ темницу,
А ужь тамъ давно сидитъ ихъ двадцать,

Цѣлыхъ двадцать гайдукóвъ удалыхъ.
Какъ Радойцу только увидали,
На него накинулись всѣ двадцать:
„Эхъ, Радойца, чтобъ-те пусто было!
„Что хвалился, молъ, своихъ не выдамъ,
„Отыщу, на днѣ морскомъ достану!
„Вотъ теперь сиди и хныкай съ нами!“

Отвѣчалъ имъ удалой Радойца:
„Вы покуда знай-молчите, братцы;
„Ужь сказалъ—васъ выпущу на волю,
„Не живой освобожу, такъ мертвый“.

Какъ свѣтало и взошло ужь солнце,
Только слышатъ гвалтъ въ тюрьмѣ и крики:
„Чортовъ кусъ! Бекиръ-ага проклятый!
„Что привелъ ты къ намъ еще Радойцу!
„Околѣлъ онъ тутъ сегодня за̀ ночь!
„Убирай отъ насъ его скорѣе“.

Унесли Радойцу изъ темницы,
Приказалъ ага, чтобъ схоронили.
На дворѣ народъ толпится, смотритъ,
И жена Бекира тоже вышла,
Поглядѣла, да и молвитъ мужу.

„Господинъ мой, какъ ужь тамъ ты знаешь,
„Только мнѣ сдается—живъ Радойца!
„Ну, какъ что недоброе затѣялъ?
„Испытать его-бы не мѣшало.
„Ты вели-ко накалить желѣзо,
„Припеки ему бока крутые,
„Коли живъ,—поморщится, разбойникъ!“

Накалили до́-красна желѣзо,
Припекать бока Радойцѣ стали—
Онъ лежитъ, не шевельнетъ и бровью.

На своемъ-таки стоитъ Бекирша.
„Хоть убей меня, а живъ бездѣльникъ!
„Ты возьми-ко вотъ гвоздей желѣзныхъ,
„Вбей ему по гвоздику за ногти,—
„Тутъ посмотримъ: шевельнется, нѣтъ-ли!“

Принесли гвоздей; за каждый ноготь
На рукахъ и на ногахъ вбиваютъ:
Онъ лежитъ—ни-ни, не шевельнется,
Ни однимъ суставчикомъ не дрогнетъ.

Мало все еще ехидной бабѣ:
„Разрази Господь меня на мѣстѣ“,

Говоритъ,— „а живъ-таки, собака!
„Вотъ что сдѣлай,—научаетъ мужа:—
„Ты скажи-ко кликнуть кличъ дѣвицамъ,
„Что-бы шли во дворъ къ пашѣ на праздникъ;
„Пусть вокругъ Радойцю пляшутъ ко́ло,
„А заводитъ ко́ло пусть Гайкуна:
„Знаю я мужскую вашу совѣсть,—
„Коли живъ — не стерпитъ, шевельнется!“

Собрались дѣвицы, пляшутъ ко́ло,
Вкругъ Радойцы прыгаютъ и ходятъ,
Впереди — красавица Гайкуна...
А Гайкуна ужь была такая, —
Богъ съ ней, право! — красота, что чудо!
Всѣмъ взяла — и станомъ, что твой тополь,
И лицомъ — заря съ него не сходитъ,
А идетъ — такъ словно вѣтеръ въ листьяхъ
Шелестятъ шелко́выя шальвары!
Стало виться, развиваться ко́ло;
Голоса дѣвичьи загудѣли;
Мѣрно-звонко звякаютъ червонцы;
Что весна вокругъ Радойцы вѣетъ,
На лицо что жаръ полдневный пышетъ...
Будь-ко живъ онъ — какъ-бы застучало,

Какъ-бы сердце у него забилось,—
Хоть однимъ глазкомъ, а ужь-бы глянулъ!
Тихо, ровно вкругъ идетъ Гайкуна,
И съ лица Радойцы глазъ не сводитъ;
Только вдругъ — вздрогнула, улыбнулась,
И платочекъ — будто ненарокомъ —
На лицо ему съ плеча сронила —
И плясать не стала: „Какъ ты хочешь, —
Говоритъ, — „родитель мой любезный,
„А постыдно тѣшиться надъ мертвымъ!“
И Бекиръ уважилъ дочку, тотчасъ
Приказалъ похоронить Радойцу;
Но старуха все не унялася:
„Брось его по крайности ты въ море!
„Пусть съѣдятъ его морскіе гады!“
— „Все одно!“ Бекиръ сказалъ, не спорилъ,
И велѣлъ Радойцу бросить въ море.

Веселъ въ этотъ день онъ сѣлъ за ужинъ,
„Въ первый разъ, молъ, въ девять лѣтъ сегодня
„Съ легкимъ сердцемъ ужинать сажуся.
„Девять лѣтъ мнѣ не давалъ покоя
„Этотъ воръ анаѳемскій Радойца!
„Да—Аллаху слава!—съ нимъ покончилъ!

„Завтра тѣхъ двадцатерыхъ повѣшу!“
Только это онъ успѣлъ промолвить,
Глядь—а передъ нимъ стоитъ Радойца,
Живъ и здравъ и съ поднятою саблей!
Не успѣлъ онъ ни вскочить, ни крикнуть,
Не успѣлъ—безъ головы свалился.
А Бекирша только увидала —
Какъ на мѣстѣ-жь померла со страху.
„Ты-же, свѣтъ очей моихъ, Гайкуна“,—
Молвилъ онъ ей, руку подавая,—
„Отыщи ключи ты отъ темницы,
„Да сама въ дорогу собирайся!
„Выпустимъ товарищей удалыхъ,
„И скорѣй въ Шумадію уѣдемъ“.

Не корили ужь его гайдуки,
Разнесли объ немъ далеко славу,
Что ужь слово скажетъ, такъ ужь сдержитъ.
Въ ту-же ночь ушли они съ Гайкуной;
Покрестилъ ее онъ въ первой церкви,
Во крещеньи назвалъ Ангеликой,
Да потомъ и повѣнчался съ нею.

1880.

Два бѣса.

Въ скиту давно забытомъ, въ чащѣ лѣса,
Укрылися отъ бури, въ дождь, два бѣса

Продрогшіе, промокши отъ дождя,
Они тряслясь, зубъ съ зубомъ не сводя.

Одинъ былъ толстъ,—коротенькія ножки,
А головою—смѣсь вола и кошки;

Другой—высокъ, съ собачьей головой,
И хвостъ крючкомъ, самъ тонкій и худой.

Тотъ, какъ вломился, и присѣлъ у печки,
И съ виду былъ смиреннѣе овечки;

Другой за то метался и ворчалъ
И въ бѣшенствѣ зубами скрежеталъ.

„Ну, ужь житье!—ворчалъ онъ—мокни, дрогни,
„И все одно что завтра, что сегодни!

„Ждать мочи нѣтъ! ужь такъ подведено,
„Что, кажется, все рухнуть бы должно,—

„Анъ—держится!“—онъ плюнулъ отъ досады—
„Работаешь, и нѣтъ тебѣ награды!“

Толстякъ смотрѣлъ прищуря лѣвый глазъ,
Надъ бѣшенымъ товарищемъ смѣясь,

И молвилъ: „Эхъ вы, бѣсы нетерпѣнья!
„Такой ли вѣкъ теперь и поколѣнье,

„Чтобъ намъ роптать? Я каждый день тащу
„Десятокъ душъ—самъ цѣлъ и не грущу!

„То ль было прежде? Вспомни хоть, какъ сѣкли
„Святые насъ! Здѣсь выпорютъ, а въ пеклѣ

„Еще потомъ подбавятъ, какъ прійдешь!
„И вспомнить то, кидаетъ въ жаръ и дрожь!

„На этомъ мѣстѣ, помню я, спасался
„Блаженный. Я ль надъ нимъ не постарался!

„Топилъ въ болотахъ, по лѣсамъ
„Дней по пяти кружилъ; являлся самъ,

„То дѣвицей являлся, то во звѣрѣ,—
„Онъ аки столбъ неколебимъ былъ въ вѣрѣ!

„Я наконецъ оставилъ. Заходить
„Сталъ такъ къ нему, что-бы поговорить,

„Погрѣться. Онъ, бывало, тутъ читаетъ,
„А я въ углу. И вотъ онъ начинаетъ

„Мнѣ проповѣдь: не стыдно ли, о бѣсъ,
„Ты мечешься весь вѣкъ свой, аки песъ,

„Чтобъ совратить людей съ пути блаженства!..
„Ахъ, говорю я, ваше, молъ, степенство,

„Чай знаете, я развѣ самъ собой?
„У каждаго у насъ начальникъ свой,

„И видишь самъ, хоть изъ моей же хари,
„Какая жизнь для подначальной твари!

„Да я бъ тебя не тронулъ и вовѣкъ,—
„Анъ спросятъ вѣдь: что оный человѣкъ

„Сіяетъ все еще, свѣчѣ подобно?
„Да на спинѣ и выпишутъ подробно

„Зачѣмъ еще сіяетъ!.. Вотъ и знай,
„И нынѣшній народъ ты не ругай!

„Гдѣ къ кабаку лишь покажи дорогу,
„Гдѣ подтолкни, а гдѣ подставь лишь ногу,—

„И всѣ твои!..“ „Эхъ вы, вскричалъ другой,
„Рутина! ветошь!.. Вѣкъ бы только свой

„Вамъ прѣть вокругъ купчихъ, чтобъ ихъ скоромить,
„Иль дочекъ ихъ съ гусарами знакомить!

„Не то ужь нынче принято у насъ;
„Мы дѣйствуемъ на убѣжденья массъ,

„Такъ ихъ ведемъ, чтобъ имъ ни пить, ни кушать,—
„А безъ разбору только бъ рушить, рушить!

„Въ нихъ разожги всѣ страсти, раздразни,
„Всѣ заповѣди имъ переверни:

„Пусть вмѣсто „не убій“ — „убій“ читаютъ,
„(Седьмую ужь и такъ не соблюдаютъ!)

„Не пожелай“—десятая—пускай
„Напишутъ на скрыжаляхъ: „пожелай“,—

„Тутъ дѣло о принципахъ. Пусть ихъ сами
„Работаютъ подтолкнутые нами!

„Объ насъ же пусть помину нѣтъ! Зачѣмъ!
„Пусть думаютъ, что насъ и нѣтъ совсѣмъ,

„Что мы—мечта, невѣжества созданье,
„Что намъ и мѣста нѣтъ средь мірозданья!

„Пусть убѣдятся въ этомъ... И тогда,
„Тогда, любезный другъ, прійдетъ чреда,

„Мы явимся въ своемъ природномъ видѣ,
„И скажемъ имъ: „пожалуйте“...

* * *

Вы примете, читатель дорогой,
За выдумку все сказанное мной,—

Напрасно! Видѣлъ все и слышалъ это
Одинъ семинаристъ. Онъ шелъ на лѣто

Домой, къ отцу,—но тутъ главнѣйше то,—
Онъ въ сущности не вѣрилъ ни во что,

И—сапоги на палкѣ—шелъ мечтая,
Что будетъ свѣтомъ цѣлаго онъ края...

О братьяхъ, сестрахъ—что и говорить!
Одна бѣда—со старикомъ какъ быть?

А старикашка у него чудесный—
Сердечный—но кругъ зрѣнья очень тѣсный,

Понятія давно былыхъ вѣковъ—
Онъ вѣрилъ крѣпко—даже и въ бѣсовъ.

Такъ шелъ онъ, шелъ—вдругъ туча налетѣла.
И по́ лѣсу завыло, загудѣло;

Дождь хлынулъ,—какъ, по счастію, глядитъ
Тутъ, въ двухъ шагахъ забытый, старый скитъ.

Онъ въ келійку и за-печь—слѣдомъ двое
Бѣсовъ, и вамъ извѣстно остальное.

Что онъ ихъ видѣлъ— онъ стоялъ на томъ!
И поплатился жь, бѣдненькій, потомъ!

Товарищамъ за долгъ почелъ открыться,
А тѣ надъ нимъ—смѣяться и глумиться,

Проникла вѣсть въ учительскій совѣтъ,
Составили особый комитетъ;

Вошли къ начальству съ форменнымъ докладомъ—
Что дѣлать, молъ, съ подобнымъ ретроградомъ,

Что, вообще, опасный прецедентъ—
И напослѣдокъ вышелъ документъ,

Подписанный самимъ преосвященнымъ,—
„Считать его въ разсудкѣ поврежденнымъ“.

1876.

НАСТАВНИКАМЪ.

Юбилей Шекспира.

Преданья сѣвера изображаютъ бога
Сѣдящимъ высоко надъ областью громовъ:
Спокойный, видитъ онъ изъ свѣтлаго чертога
И землю, и моря, движенье облаковъ,
Полетъ воздушный птицъ, могучій ходъ китовъ,
И быстрый лани бѣгъ; онъ взглядомъ проникаетъ
Какъ накипаетъ мѣдь и золото въ горахъ,
Какъ дубъ растетъ, какъ травка прозябаетъ,
Какъ въ человѣческихъ сердцахъ
Родится мысль, растетъ и созрѣваетъ...
Таковъ и ты, Шекспиръ!

Какъ сѣверный Одинъ
На человѣчество съ заоблачныхъ вершинъ
Взиралъ ты! зналъ его—и у кормила власти,
Въ лохмотьяхъ нищаго, въ порокахъ, во враждѣ;

Но кистью смѣлою его рисуя страсти,
Давалъ угадывать вездѣ
Высокій идеалъ, который предъ тобою
Въ величьи божескомъ сіялъ,
И темный міръ людей, съ ихъ злобой и враждою,
Какъ солнце бурную пучину, озарялъ...

И триста лѣтъ прошло—и этотъ идеалъ
Вездѣ теперь родной для всѣхъ народовъ сталъ.
Съ запасомъ всѣхъ личинъ, костюмовъ, декорацій,
Съ толпой царей, принцессъ, шутовъ, и фей, и грацій,
По шумнымъ ярмонкамъ, средь городовъ и селъ—
Ты тріумфаторомъ по всей землѣ прошелъ:
Вездѣ къ тебѣ толпа восторженно стремилась,
И за тобой, какъ за орломъ,
Глубоко въ небо уносилась,
И съ этой высоты на міръ глядѣть училась
Съ боязни полнымъ торжествомъ!

Счастливъ, счастливъ народъ, котораго ты сынъ,
Чья мощь, чей смѣлый духъ твой воспитали геній!
Какъ гордъ онъ въ этотъ день, подъ гулъ земныхъ хва-
леній
Несущихся къ тебѣ, искусства исполинъ!

Но въ дни, когда ты цвѣлъ, и смѣло и свободно
Британскій флагъ вступалъ ужь въ чуждыя моря,
Ты смутно лишь слыхалъ объ *Руссіи* холодной,
Великолѣпіи Московскаго Царя,
Боярахъ въ золотой одеждѣ, свѣтозарныхъ
Палатахъ, гдѣ стоитъ слоновой кости тронъ,
И возсѣдаетъ самъ владыко странъ полярныхъ,
Безмолвіемъ и славой окруженъ...

Товарищъ сильному быть можетъ только сильный!
Изнѣженныхъ племенъ искусство чуждо намъ!
Ты, строгій сердцевѣдъ, ты, истиной обильный,
Какъ свой ты на Руси пришелся по сердцамъ!
По русскимъ городамъ, по сценамъ полудикимъ,
Рукоплесканія не по̀пусту гремятъ
Твоимъ созданіямъ великимъ,
И музы русскія подъ сѣнь твою спѣшатъ!
Ты нашъ—по ширинѣ могучаго размаха,
Ты нашъ затѣмъ, что мы предъ правдой не дрожимъ,
И смотримъ въ пропасти безъ страха,
И вдаль увѣренно глядимъ.

1864.

Ломоносовъ.

Въ печали невская столица;
Въ церквахъ унылый перезвонъ;
Всѣ въ черномъ: царскій домъ, царица,
Синодъ, сенатъ. Со всѣхъ сторонъ

Чины отъ арміи и флота
Спѣшатъ въ соборъ; войска, народъ.
Во всѣхъ—испугъ, у всѣхъ забота:
Великій въ мірѣ недочетъ!

Іерей, — смотря на ликъ безмолвный,
Но и во гробѣ какъ живой,
Несокрушимой мысли полный, —
Отъ слезъ не властенъ надъ собой.

„О чемъ мы плачемъ? что мы стонемъ?
Что, Россіяне, мы творимъ?
Петра Великаго хоронимъ!
И что хоронимъ въ Немъ и съ Нимъ“...

„Вѣдь въ бытіе Онъ насъ, Великій,
Воздвигъ изъ тьмы небытія!..“
И вопли безъ конца и клики:
„Теперь чтожь будетъ—безъ Тебя!“

Въ честь Императора раздался
Послѣдній пушечный салютъ,—
Свершилось,— но въ сердцахъ остался
Вопросъ: чему же быть?.. Всѣ ждутъ...

* * *

Какъ будто послѣ бурной тучи
Осталась вся теперь страна,
Владыки мыслію могучей
Какъ молніей избраждена.

Вездѣ глубокія основы
И жизни новые пути —
И—нѣтъ Вождя! и мракъ суровый,
И неизвѣстность впереди!

Одинъ Онъ—кормчій былъ, который
Куда вести корабль свой зналъ,
Одинъ увѣренные взоры
Вдаль, въ безпредѣльность устремлялъ—

Отъ зундскихъ водъ до Гималая,
Съ Невы — на Тихій океанъ...
Иль это все — мечта пустая,
И честолюбія обманъ?

И все, что насаждалъ Онъ—сгинетъ?
Труды, ученье, кровь и потъ —
Пройдутъ вотще, и слава минетъ,
И въ прежній мракъ все отойдетъ?..

А главари межъ тѣмъ престоломъ
Уже играть пошли, служа
Своимъ лишь видамъ и крамоламъ,
И царскимъ дѣломъ небрежа!..

Лишь пришлецы, которыхъ знанья
Царь покупалъ „на сѣмяна“,
Торжествовали въ упованьѣ
Что ихъ отнынѣ вся страна!

И, пробираясь ловко къ цѣли,
Они надъ Русскою землей
На ступеняхъ престола сѣли,
Какъ надъ забранною страной;

И средь смятенія и страха,
Средь казней, пытокъ и опалъ,
Ужь руку къ бармамъ Мономаха
Курляндскій конюхъ простиралъ.

* * *

Но не вотще отъ Бога геній
Ниспосылается въ народъ.
Опять къ нему своихъ велѣній
Истолкователя Онъ шлетъ.

Въ странѣ угрюмой и суровой,
Гдѣ, отливаясь на снѣгахъ,
По долгимъ зимамъ блескъ багровый
Колышется на небесахъ;

Гдѣ горы льдовъ вздымаютъ волны,
Гдѣ все — лѣсовъ и неба ширь,—
Величьемъ дѣлъ Господнихъ полны,
Встаетъ избранный богатырь:

Великъ, могучъ какъ та природа,
Самъ — какъ одно изъ тѣхъ чудесъ, —
Встаетъ для русскаго народа
Желаннымъ по́сланцемъ съ небесъ...

О, дивный мужъ!.. Съ челомъ открытымъ,
Съ орлинымъ взглядомъ, какъ глядѣлъ
На ономъ морѣ Ледовитомъ
На чудеса Господнихъ дѣлъ,—

Наукой осіянъ и рвеньемъ
Къ величью родины горя,
Явился ты—осуществленьемъ
Мечты Великаго Царя!

Твоею ревностью согрѣтый,
Очнулся русскій духъ съ тобой:
Ты лучшихъ дѣлъ Елизаветы
Былъ животворною душой,

Ты далъ пѣвца Екатеринѣ,
Всецѣло жилъ въ ея орлахъ,
И отблескъ твой горитъ и нынѣ
На лучшихъ русскихъ именахъ!..

1865, 1882.

Крыловъ.

Когда стою въ толпѣ средь городскаго сада
Предъ этимъ образомъ изъ бронзы отлитымъ,
И къ намъ склонившися, и къ малымъ, и къ большимъ,
Съ улыбкой доброю, съ привѣтливостью взгляда,
Онъ точно, съ старческой неспѣшностью рѣчей
Разсказываетъ намъ, съ своихъ высокихъ креселъ,
Про нравы странные и глупости звѣрей,
И всѣ смѣются вкругъ, и самъ онъ тихо-веселъ,—
Мнѣ часто кажется, что вотъ — толпа уйдетъ,
И ласковый старикъ впадетъ сейчасъ же въ думу,
Улыбка кроткая съ лица его спорхнетъ
Въ слѣдъ умолкающему шуму,
И лобъ наморщится, и, покачавъ главой,
Проводитъ взглядомъ насъ онъ строгимъ, и съ тоской
Промолвитъ: „всѣ-то вы, какъ посмотрю я, дѣти!

„Вотъ—побасенками старикъ потѣшилъ васъ,
„Вы посмѣялися и прочь пошли смѣясь,
„Того не угадавъ, какъ побасенки эти
„Достались старику, и какъ неразъ пришлось
„Ему, слагая ихъ, смѣяться—но сквозь слезъ,
„Ужь жало испытавъ ехидны ядовитой,
„И когти всяческихъ, большихъ и малыхъ, птицъ,
„И язвины на пальцахъ отъ лисицъ,
„И на спинѣ своей ослиное копыто...
„И то, что въ басенкѣ является моей
„Какъ шутка,—оттого во времена былыя,
„Вся, можетъ, плакала Россія,
„Да—плачетъ, можетъ быть, еще и до сихъ дней!“

1868.

Карамзинъ.

(Посв. Мих. Петр. Погодину).

Вхожу ли въ старый Кремль, откуда взглядъ привольно
Покоится на всей Москвѣ первопрестольной,
Въ соборы-ль древніе съ гробницами Царей,
Первосвятителей; когда кругомъ читаю
На дскахъ ихъ имена, и возлѣ ихъ, внимаю
Молитвы шопоту притекшихъ къ нимъ людей,—
А тамъ иконостасъ, и пресвятые лики,
И мѣсто царское, и патріаршій тронъ,
А между тѣмъ гудитъ, гудитъ Иванъ Великій—
Какъ бы изъ глубины вѣковъ идущій звонъ—
Благоговѣніемъ душа моя объята;
И все мнѣ говоритъ: „сіе есть мѣсто свято!
„Смотри: когда кругомъ лишь боръ густой шумѣлъ
„А на горѣ сіялъ лишь храмъ святаго Спаса
„Да княжій теремокъ, гдѣ бѣдный князь сидѣлъ,—

„Бесѣда вѣщая таинственно велася
„Здѣсь межъ святителемъ и княземъ. Здѣсь его
„Какъ древній Самуилъ благословилъ владыко
„На собираніе народа своего...
„Святителя завѣтъ исполнился великой!
„Помалу собралась вкругъ бѣлаго Кремля
„Какъ подъ надежный щитъ вся русская земля,
„И каждый градъ ея свою здѣсь церковь ставилъ.
„И высилась Москва! и чингисхановъ родъ,
„Кончаясь, Азію въ наслѣдье ей оставилъ,
„А тамъ отъ Балтики и до Эгейскихъ водъ
„Славяне подняли съ надеждою къ ней очи,
„И со священнаго Аѳона гласъ пророчій
„Призвавъ святую Русь для доблестной борьбы
„Востока древняго ей передалъ судьбы".

Такъ говоритъ намъ Кремль. Но поколѣнья были
Что здѣсь какъ пришлецы чужіе проходили.
Вельможи русскіе являлися сюда
Съ иными вкусами. Ломали безъ слѣда
Святыни старины. Ни память Іоанновъ
Не удержала ихъ, ни прахъ святыхъ гробовъ,
Ломали зданіе, что строилъ Годуновъ,
Ломали зданіе, гдѣ избранъ былъ Романовъ.
Весь этотъ старый Кремль, съ соборами, съ дворцомъ

Съ рѣзными башнями назначенъ былъ на сломъ.
И вмѣсто ихъ уже, питомецъ музъ Эллинскихъ,
Художникъ созидалъ классическимъ умомъ
Рядъ портиковъ, колоннъ и арокъ исполинскихъ...
Скажи ему тогда: ужель, о вандалъ, нѣтъ
Въ тебѣ присущей здѣсь святыни пониманья—
Вѣдь что ни камень здѣсь, то крови отчей слѣдъ,
Что столбъ—то памятникъ, что церковь—то сказанье--
Сердечный этотъ вопль въ пустынѣ-бъ прозвучалъ
Художникъ злобился-бъ, вельможа хохоталъ...

То были граждане совсѣмъ другаго міра!

Давно ужь Франція купалася въ крови.
Къ намъ отклики неслись невѣдомаго пира,
Неслися возгласы свободы и любви...
То троновъ падавшихъ летѣли къ намъ обломки,
То дребезги трибунъ выкидывалъ волканъ—
Все поглощала Русь—и вотъ пройдохъ всѣхъ странъ
Явилися у насъ питомцы и питомки.
Кто набожно вздыхалъ по чуждомъ королѣ,
Кто новымъ Цезаремъ восхищенный, мечтами
Носился за его побѣдными орлами,
Кто бредилъ равенствомъ и братствомъ на землѣ,
И при воззваніи „всемірная свобода“

Вселенскій гражданинъ отрекся отъ народа!
Объ человѣчествѣ здѣсь каждый помышлялъ,
Но человѣчествѣ во образѣ француза...
Кто въ демагогіи судебъ его искалъ,
Кто въ темной мистикѣ священнаго союза.
Въ Россіи-жь видѣли удобный матерьялъ,
Въ которомъ каждый могъ кроить себѣ свободно—
На всякій образецъ и что кому угодно—
Парламентъ съ лордами, или республикъ рядъ,
Аркадскихъ пастуховъ иль пахатныхъ солдатъ.

Одинъ изъ этого ушелъ водоворота.
Одинъ почувствовалъ, что нѣтъ подъ нимъ оплота,
Что эти странные адепты тайныхъ ложъ,
Вся эта дѣтская, блистательная ложь,
Весь этотъ маскарадъ съ своею пестротою,
Стоитъ какъ облако надъ русскою землею...

. . . . . .

То былъ великій мужъ... одинъ онъ видѣлъ ясно,
Что силы родины теряются напрасно,
Что лучшіе умы, какъ бѣдные цвѣты
Со стебля сбитые грозой, кружатъ въ пустынѣ—
Чужіе у себя, чужіе на чужбинѣ...
Но пусть свершаются надъ ними ихъ судьбы!
Есть русской крѣпости незримые столбы,

Есть царства русскаго основы вѣковыя...
Во всемъ величіи судебъ своихъ, Россія
Ему являлася изъ сумрака временъ...
Тамъ изцѣленіе! тамъ правда! вѣрилъ онъ—
И этой вѣры полнъ, сошелъ во мракъ архивовъ—
И тамъ, какъ въ сказочной странѣ чудесъ и дивовъ,
Увидѣлъ образы князей бойцовъ лихихъ;
Князей ходатаевъ за Русь у грозныхъ хановъ—
Тамъ умирающихъ въ пути среди бурановъ...
Явились образы подвижниковъ святыхъ,
Строителей въ лѣсныхъ пустыняхъ общежитья,
И образъ земскаго великаго царя,
Предъ коимъ всѣ равны съ вельможи до псаря,
И къ коему отъ всѣхъ доступны челобитья;
И образъ цѣлаго народа, что пронесъ
Сквозь всяческихъ невзгодъ имъ созданное царство,
И всѣмъ, всѣмъ жертвовалъ во имя государства,
Жива бо церковь въ немъ, а въ ней Господь Христосъ...

И эти образы вмѣстивъ въ душѣ всецѣло,
Онъ словно отлилъ ихъ изъ мѣди въ рѣчи смѣлой,
И вдругъ свою скрыжаль воздвигъ какъ Моисей
На поученіе народовъ и царей...
Очнулся русскій духъ... туманъ заколебался...

1865.

Жуковскій.

Въ младенческихъ годахъ моихъ далеко
Мнѣ видится его чудесный образъ...
Какъ будто бы меня, еще ребенка,
При факелахъ—въ готическомъ соборѣ,
Средь рыцарей—онъ, величавый старецъ,
Въ таинственный союзъ ихъ посвящаетъ...
И рыцарства высокіе обѣты
Я говорю за нимъ—и чую въ страхѣ,
Что прозрѣваю въ міръ, тогда впервые
Открывшійся очамъ моимъ духовнымъ...
Онъ говоритъ о Вѣрѣ, и Надеждѣ
И о Любви, и о загробной жизни,
И самъ какъ бы на рубежѣ земнаго
Стоитъ, вперяя взоръ открытый въ Вѣчность..
И у меня въ восторгѣ бьется сердце,

И отдаюсь я весь святому старцу
И странствовать иду за нимъ по свѣту...

По манію жезла его повсюду
Изъ глубины временъ міры выходятъ.
Таинственный востокъ разоблачился—
Та даль вѣковъ, когда между людьми,
Пріявъ ихъ образъ, странствовали боги
Ихъ посвящая въ тайны искупленья,—
Та даль вѣковъ, когда богатыри,
Какъ первые избранники изъ смертныхъ,
Вступали въ бой со злобной силой мрака,
И обществамъ въ основу полагали
Служенье Духу и Предвѣчной Правдѣ...
Отъ Индіи и отъ пустынь Турана,
Отъ вѣчнаго Голгоѳскаго креста,
Сквозь темный міръ Европы феодальный,—
Къ горящему меня привелъ онъ граду...
Я увидалъ средь пламени и дыма
Порою разрывавшихся отъ вихря,
Кремлевскія бѣлѣющія стѣны—
„Вотъ, онъ сказалъ, вотъ жертва Искупленья,
Предъ коей выше—только Крестъ Голгоѳскій!
Мы принесли ту жертву всѣмъ народомъ,
Да тлѣнныя сокровища искупятъ

Сокровища, которыя пріяли
Съ Евангельемъ въ свой духъ мы съ дня крещенья,
И множили вѣками бѣдъ великихъ,—
Сокровища, которыми въ народахъ
Отличена и создалась Россія!
Пади жь предъ ней, пылающей Москвой!
Ея святынь уразумѣй глаголы!
Пади предъ ней, благодаря Творца,
Что жребій данъ тебѣ ея быть сыномъ!
Моли Творца, чтобъ и свою крупицу
Ты въ общее принесъ бы достоянье!
Для высшаго приготовляясь міра,
Здѣсь свято долгъ свой на землѣ исполни,—
Да общимъ всѣхъ трудомъ на благо ближнихъ,
Проникновеньемъ сердца благодатью,
И просвѣтлѣньемъ разума любовью,—
Разсѣется господство лжи—и будетъ
Миръ на землѣ, благоволенье въ людяхъ
И прославленье здѣсь и въ Вышнихъ Бога!“

Великій старецъ! Онъ свою „крупицу“
Принесъ и, свѣтлый,—въ міръ переселился,
Въ который здѣсь, какъ бы сквозь тонкій завѣсъ.
Ужь прозрѣвалъ душою дѣтски чистой...

И на Руси не даромъ прозвучали
Его слова... Нѣтъ!.. падали какъ зерна
Они въ сердца, уготовляя ихъ
Къ великому... И между посвященныхъ
Имъ отроковъ и Тотъ былъ—кроткій сердцемъ—
Кого Господь благословилъ на дѣлѣ
Осуществить во благо милліоновъ
Учителя высокіе завѣты...

1883.

Пушкину.

Русь сбирали и скрѣпляли
И ковали броню ей
Всѣхъ чиновъ и званій люди
Подъ рукой ея царей;

Люди Божьи, проникая
Въ глушь и дикія мѣста,
Въ духъ народный насаждали
Образъ чистаго Христа...

Что жь взойдетъ на общей нивѣ?..
Русь ужъ многое дала
Въ царство выросши подъ сѣнью
Византійскаго орла...

Что взойдетъ? Виссонъ и злато
Только мелкихъ душъ кумиръ!
Лишь созданья духа вѣчны,
Вѣченъ въ нихъ живущій міръ;

Не пройдутъ во вѣкъ побѣды
Въ свѣтломъ царствѣ красоты,
Звуки пѣсень полны правды
И сердечной чистоты...

Пушкинъ! ты въ своихъ созданьяхъ
Первый намъ самимъ открылъ
Что таится въ духѣ русскомъ
Глубины и свѣжихъ силъ!

Во всемірномъ Пантеонѣ
Твой уже воздвигся ликъ;
Ужь тебя честитъ и славитъ
Всякъ народъ и всякъ языкъ,—

Но, юнѣйшіе въ народахъ,
Мы, узнавшіе себя
Въ первый разъ въ твоихъ твореньяхъ,
Мы привѣтствуемъ тебя—

—Нашу гордость—какъ задатокъ
Тѣхъ чудесъ, что, можетъ быть,
Намъ въ разцвѣтѣ нашемъ полномъ,
Суждено еще явить!

1883.

Ѳ. И. Тютчеву.

Народы, племена, ихъ геній, ихъ судьбы
Стоятъ передъ тобой своей идеи полны,
Какъ вдругъ застывшія въ разбѣгѣ бурномъ волны,
Какъ въ самый жаркій мигъ отчаянной борьбы
Окаменѣвшіе атлеты...
Ты видишь ихъ насквозь, ихъ тайну ты постигъ,
И ясенъ для тебя и настоящій мигъ,
И тайные грядущаго обѣты...

Но грустно зрячему бродить между слѣпыхъ
„*Поймите лишь*—твердить"— и будетъ вамъ прозрѣнье!
„*Поймите лишь* какихъ носители вы силъ,—
И путь освѣтится, и всѣ падутъ сомнѣнья,
И дастся вамъ само́, что жребій намъ судилъ!

1874.

ИЗЪ ДНЕВНИКА.

Вопросъ.

Мы всѣ, блюстители огня на алтарѣ,
Вверху стоящіе, что городъ на горѣ
Дабы всѣмъ видѣнъ былъ; мы, соль земли, мы, свѣтъ,—
Когда голодныя толпы въ годину бѣдъ
Изъ темныхъ доловъ къ намъ о хлѣбѣ вопіютъ,—
О, мы прокормимъ ихъ, весь этотъ темный людъ!
Чтобы не умереть ему, не голодать—
Намъ есть ему что дать!

Но... еслибъ умеръ въ немъ живущій идеалъ,
И жгучимъ голодомъ духовнымъ онъ взалкалъ,
И вдругъ о помощи возопіялъ бы къ намъ,
Своимъ учителямъ, пророкамъ и вождямъ,—
Мы всѣ—хранители огня на алтарѣ,
Вверху стоящіе что городъ на горѣ
Дабы всѣмъ видѣнъ былъ, и въ ту свѣтилъ бы тьму,—
Что бъ дали мы ему?

* * *

Для нихъ свобода—что видѣнье...
Плыветъ въ туманѣ золотомъ—
Они бѣгутъ за нимъ и въ немъ
Народамъ чаютъ все спасенье...

Но что она, и въ чемъ она,
Что скрыто золотымъ покровомъ,—
Ошеломленные лишь словомъ,
Имъ дѣла нѣтъ! ихъ мчитъ волна,

У нихъ ни зрѣнья нѣтъ, ни слуха,
И тщетно Роспятый стоитъ
У всѣхъ въ глазахъ и говоритъ:
„Свобода—только въ царствѣ духа!“

* * *

Опытъ! скажи, чѣмъ гордишься ты? что ты такое?
Ты—плодъ ошибокъ и слезъ, силамъ потраченнымъ счетъ.

Бродитъ вино молодое: не должно броженью мѣшать;
Но и разумный уходъ, крѣпкіе нужны мѣха.

Въ этой толпѣ, подъ волшебною силой искусства
Всѣ въ одну душу слились—чистую душу на мигъ;
Но разбредутся—и въ каждомъ проснется опять своя совѣсть,
Въ каждомъ опять заскребетъ въ сердцѣ таящійся гадъ.

Всюду: „что новаго?“ слышишь. Да вдумайся въ старое прежде!
Въ немъ для себя ты найдешь новаго много, повѣрь!

Формы, мой другъ, совершенство — не все еще въ дѣлѣ
искусства:
Чистая пусть извнутри свѣтится въ ней мнѣ душа.

Времени мстить предоставь за порѣченье, ложь и обиды:
Тайныхъ агентовъ оно въ каждой имѣетъ душѣ.

Другъ мой! Ученые, вѣрь, не такіе какъ кажутся боги;
Наше невѣжество—вотъ въ чемъ нерѣдко ихъ сила!

1882—1883.

О трепещущая птичка,
Пѣснь рожденная въ слезахъ!
Что, неловко, знать, у этихъ
Умныхъ критиковъ въ рукахъ?
Ты бы имъ про солнце пѣла,
А они тебя корятъ,
Отчего подъ ихъ органчикъ
Не выводишь ты руладъ!

1872.

* * *

Чужой для всѣхъ,
Со всѣми въ мирѣ —
Таковъ, поэтъ
Твой жребій въ мірѣ!

Ты — на горѣ;
Они — въ долинѣ,
Но — Богъ и свѣтъ
Въ твоей пустынѣ.

Ихъ духъ привыкъ
Ко тьмѣ и ночи,
И голый свѣтъ
Имъ рѣжетъ очи—

Но вѣдь и имъ,
На самомъ пирѣ,
Имъ *нужно* знать,
Что *есть* онъ въ мірѣ,

Что гдѣ нибудь
Еще онъ свѣтитъ,
Что воззовешь,—
И онъ отвѣтитъ!

1872.

* * *

(Посв. Всеволоду Сергѣевичу Соловьеву).

Изъ темныхъ доловъ этихъ взоръ
Все къ нимъ стремится, къ высямъ горъ:
Все чудится, что тамъ идетъ
Какой-то звонъ, и все зоветъ
„Сюда! сюда!..“ Ужели тамъ
Въ льдяныхъ пустыняхъ—Божій храмъ?

И я иду на чудный зовъ;
Достигъ предѣла вѣчныхъ льдовъ;
Но храма—нѣтъ!.. все пусто вкругъ;
Послѣдній замеръ жизни звукъ;
Туманомъ міръ внизу сокрытъ,—
Но надо мною все гудитъ
Во весь широкій небосклонъ
—Сюда! сюда!—все тотъ же звонъ...

1883.

* * *

Такъ!.. Добрымъ дѣломъ былъ отмѣченъ
Твой день сегодня!.. О, блаженъ
Тотъ, чей приходъ враждой былъ встрѣченъ,
Потомъ—въ слезахъ благословенъ!
Ты самъ какъ будто въ новомъ мірѣ,
И новый свѣтъ тебѣ пахнулъ,
И въ сердцѣ — точно струнный гулъ
На только что умолкшей лирѣ...

1883.

ИЗЪ ГНОСТИКОВЪ.

I.

Духъ вѣка вашъ кумиръ; а вѣкъ вашъ—краткій мигъ.
Кумиры валятся въ забвенье, въ безконечность...
Безумные! ужель вашъ разумъ не постигъ,
Что выше всѣхъ вѣковъ—есть Вѣчность!...

II.

Вѣрю я въ Разумъ и Благость Великаго Духа; зову Его—
Богомъ;
Въ сонмъ неизсчетныхъ духовъ, вызванныхъ Имъ въ бытіе.
Міръ сотворенъ чтобы имъ, воплощеннымъ, въ пути къ
совершенству,
Въ срочной борьбѣ съ естествомъ, вящую силу пріять.

III.

Милыхъ, что умерли,
Образы свѣтлые
Въ сердцѣ своемъ схорони!

Тамъ они—ангелы
Будутъ Хранители
Въ жизненныхъ буряхъ тебѣ!

IV.

Не говори, что нѣтъ спасенья,
Что ты въ печаляхъ изнемогъ:
Чѣмъ ночь темнѣй, тѣмъ ярче звѣзды,
Чѣмъ глуже скорбь, тѣмъ ближе Богъ...

V.

Близится Вѣчная Ночь... Въ страхѣ дрогнуло сердце...
Пристальнѣй сталъ я глядѣть въ тотъ ужасающій мракъ...
Вдругъ въ немъ звѣзда проглянула, за нею другая, и третья,
И наконецъ засіялъ звѣздами весь небосклонъ.
Новая въ каждой изъ нихъ мнѣ краса открывалась всечасно,
Глубже мнѣ въ душу онѣ, глубже я въ нихъ проникалъ...
Въ каждой сказалося слово свое, и на каждое слово,
Съ радостью чувствовалъ я, откликъ въ душѣ моей есть;
Всѣ говорили, что гдѣ-то, за ними есть Вѣчное Солнце,
Солнце, котораго свѣтъ—блескъ и красу имъ даетъ...

О, какъ ты блѣдно предъ Нимъ, юныхъ дней моихъ солнце!
Какъ онъ ничтоженъ и пустъ гимнъ, что мы пѣли тебѣ!

1882.

Эпитафія

(Списано съ гробницы).

Здѣсь почивающей жребій выпалъ не тотъ что всѣмъ
людямъ.
Да! умерла — и живетъ, и немеркнущій свѣтъ созер-
цаетъ;
Вѣчно жива — для живыхъ! кто же мертвой ее почи-
таетъ—
Мертвъ тотъ, по истинѣ, самъ!.. О земля! что дивишься
Новой еще для тебя этой тѣни? Что значитъ твой
страхъ?..

1881.

РАЗНЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

Пустынникъ.

И Ангелъ мнѣ сказалъ: иди, оставь ихъ грады,
Въ пустыню скройся ты, чтобъ тамъ огонь лампады,
Тебѣ повѣренный, до срока уберечь,
Дабы когда тщету суетъ они познаютъ,
Возжаждутъ Истины и свѣта пожелаютъ,
Имъ было бъ чѣмъ свои свѣтильники возжечь.

Денница.

Луна—опальная съ двором своимъ царица
Идетъ изъ терема прохладою дохнуть,
Но вотъ бѣжитъ разсвѣтъ, царю готовя путь,—
Царица дрогнула... лишь свѣтлая Денница
Царевна юная, краса-отроковица,
Средь звѣздъ блѣднѣющихъ, не меркнешь ты предъ нимъ.
Что грозный царь тебѣ? Отринутая имъ,
Царица скорбная пусть ждетъ минуты сладкой
Супруга издали увидѣть хоть украдкой,
И скрыться въ теремъ свой, опять къ слезамъ своимъ...
Царевна-жь юная—тебѣ какое дѣло!
Свѣтясь веселіемъ безпечныхъ юныхъ лѣтъ,
Идешь за матерью опальною во-слѣдъ,
На грознаго царя оглядываясь смѣло.

1874.

Весна.

(Посвящается Колѣ Трескину).

Уходи, зима сѣдая!
Ужь красавицы Весны
Колесница золотая
Мчится съ горней вышины!

Старой спорить ли, щедушной,
Съ ней—царицею цвѣтовъ
Съ цѣлой арміей воздушной
Благовонныхъ вѣтерковъ!

А что шума, что гудѣнья,
Теплыхъ ливней и лучей,
И чиликанья, и пѣнья!...
Уходи себѣ скорѣй!

У нея не лукъ, не стрѣлы,
Улыбнулась лишь — и ты,
Подобравъ свой саванъ бѣлый,
Поползла въ оврагъ, въ кусты!..

Да найдутъ и по оврагамъ!
Вонъ—ужь пчелъ рои шумятъ,
И летитъ побѣднымъ флагомъ
Пестрыхъ бабочекъ отрядъ!

1881.

Вербная недѣля.

(Посв. маленькой К—и).

Что это сдѣлалось съ городомъ нашимъ?
Право, совсѣмъ не узнаешь его!
Сдернута съ неба завѣса тумановъ,
По небу блескъ, на землѣ торжество!

Съ вербами идутъ толпы за толпами,
Шумъ, экипажей ряды, пестрота,
Машутъ знаменами малыя дѣти,
Лица сіяютъ, смѣются уста!

Точно какой побѣдитель вступаетъ
Въ городъ,—и все пробудилось отъ сна...
Да,—побѣдитель! и вотъ ему птицы
Словно ужь грянули: „Здравствуй, Весна!“

1870.

Разсказъ Духа.

(Отрывокъ).

. . . И какъ же умиралъ ты? Какъ свершился
Ужасный этотъ переходъ изъ здѣшней
Къ загробной жизни?...

. . . И на вопросъ мой началъ духъ:

. . . „Боль унялася, и я вдругъ
Почувствовалъ, иль лучше—догадался,
Что умираю. Несказанный страхъ
Меня объялъ. Все близкое, земное
Передо мной исчезло. Страхъ одинъ—
И точно врагъ *извнѣ*—меня боролъ.
А *извнутри* меня—я живо помню—
Живое нѣчто бросилося съ нимъ
Бороться и отстаивать меня—
И этого бъ союзника я назвалъ

Надеждой: такъ, быть можетъ, стала бъ мать
За своего ребенка биться...
Умъ между тѣмъ—онъ бодрствовалъ и жадно
Среди борьбы ихъ вглядывался, слушалъ,
И отстранялъ ихъ, силясь проглянуть
Впередъ, глубоко, въ даль и безконечность.

Но тьмы завѣса передъ нимъ лежала.
Я думалъ: мигъ еще—и тьма меня
Охватитъ и удушитъ... Но внезапно
Надежда, страхъ, все смолкло. Впереди
Завѣса дрогнула и разступилась.
И вкругъ меня все—люди и предметы
Какимъ то чуднымъ озарились свѣтомъ,
Который имъ какъ бы прозрачность придалъ—
И этотъ свѣтъ шелъ сверху—и ужасенъ
Мнѣ въ первый мигъ казался. „Это—Смерть?“
Я спрашивалъ себя.—„Нѣтъ, быть не можетъ!..“
И все не вѣрилъ и глядѣлъ упорно
Въ ужасную зарю—и ждалъ, все ждалъ—
А между тѣмъ давно ужь совершилось—
Все кончено—я понялъ наконецъ,
И ужь извнѣ смотрѣлъ на трупъ свой—и
Былъ пораженъ загадочной улыбкой,
Застывшей на губахъ: какъ будто въ ней

Навѣкъ отпечатлѣлся переходъ
Отъ изумленья къ радости... Рыданья
Раздались вкругъ—о, милые мои!
Какъ мнѣ хотѣлось ихъ обнять, утѣшить
Сказать имъ, что̀ я пережилъ—но тщетно—
И было мнѣ ихъ жаль...

1876.

* * *

Утрата давняя досель свѣжа въ тебѣ...
Покорность тихая карающей судьбѣ
Горячихъ сердца ранъ въ тебѣ не исцѣлила...
Вездѣ передъ тобой—та бѣдная могила
Съ чугуннымъ крестикомъ, съ невянущимъ вѣнкомъ...
Лучъ даже радости надъ пасмурнымъ челомъ
Нежданно слезы лишь на очи вызываетъ...
Такъ хмурой осенью стоитъ недвиженъ лѣсъ,
И медленно туманъ на листья осѣдаетъ;
Прорвется ль лучъ съ яснѣющихъ небесъ,—
Игривый вѣтерокъ вспорхнетъ, его встрѣчая,—
Но съ улыбнувшихся древесъ
Вдругъ капли крупныя посыплются, блистая...

1871.

Художнику.

Къ тебѣ слетѣло вдохновенье —
Его исчерпай все за-разъ,
Покуда творческій восторгъ твой не погасъ,
И полонъ ты и силъ, и дерзновенья!
Оно недолго свѣтитъ съ вышины
И въ смыслъ вещей и духа въ глубины,
И твоего блаженства мигъ не дологъ!
Оно умчалося—и тотчасъ предъ тобой,
Своей холодною рукой,
Обычной жизни ночь задернетъ темный пологъ.

1882.

* * *

Осыпались желтые клёны;
Смотрѣлъ на нихъ старецъ съ тоской...
Потомъ поглядѣлъ онъ на внучку
И—взглядъ помутился слезой.

Но внучка златистые листья
Связала широкимъ вѣнкомъ,
И бросилась къ дѣду и смотритъ
Съ сіяющимъ смѣхомъ лицомъ,—

И дѣдъ отвѣчаетъ улыбкой,
И онъ позабылъ ужь, старикъ,
Что эти же листья о смерти
Ему говорили за мигъ!

1870.

Валкиріи.

Высоко, безмолвно
Надъ полемъ кровавымъ
Сіяетъ луна;

Весь берегъ — далеко
Оружьемъ и храбрыхъ
Тѣлами покрытъ!

Герои! имъ слава
И въ людяхъ, и въ небѣ
Почетъ у боговъ!

Вонъ—тѣнь пролетаетъ
По долamъ, по скаламъ,
На блескѣ морскомъ:

То, свѣтлыя, мчатся
Валкиріи-дѣвы
Съ эѳирныхъ высотъ!

Одеждъ ихъ ужь слышенъ
И крылъ лебединыхъ
По воздуху свистъ,

Доспѣховъ бряцанье,
Мечей ударенье
По звонкимъ щитамъ,

И радостный окликъ,
И бурныя пѣсни
Неистовыхъ дѣвъ:

„Въ Валгаллу! въ Валгаллу!
Одинъ—Вседержитель
Ужь пиръ зачиналъ!

„Отъ струннаго звона,
Отъ трубнаго звука,
Чертоги дрожатъ!

„И свѣточи жарко
Горятъ смоляные,
И пѣнится медъ—

„Въ Валгаллу, герои!
Тамъ вѣчная юность—
Вашъ свѣтлый удѣлъ!

Воздушные кони,
Одежды цвѣтныя,
Мечи и щиты,

„Рабыни и жены,
И въ пирѣ съ богами
Мѣста на скамьяхъ!“

1883.

Казакъ.

(Дѣтямъ — мъ).

Самобытное созданье
Русской вольной старины,
Земли, царства покорявшій
За Царя родной страны,

Ты откуда путь свой держишь?
Пролетѣлъ, припавъ къ лукѣ,
На худомъ, но на бѣдовомъ,
На степномъ своемъ конькѣ?

Отъ студеной ли Торнеи,
Гдѣ всю зиму солнца нѣтъ,
Гдѣ поглядывалъ ты зорко
Какъ ведетъ себя тамъ шведъ?

Иль отъ Нѣмана и Вислы,—
Чай, повѣдаешь, что тамъ
Все пока благополучно,
Но дремать не надо намъ?

Иль отъ Чернаго ты моря
Гдѣ, разъѣздъ держа, свой взглядъ
Устремлялъ не разъ ты жадно,
Черезъ море, на Царьградъ?

Отъ Востока-ль, гдѣ народы
На тебя, богатыря,
Какъ на вѣстника взирали
Воли Бѣлаго Царя,

Ты летишь сказать, что новый
О подданствѣ проситъ край,
Что съ казацкаго пикета
Былъ ужь видѣнъ Гималай?

Иль ужь годы отслужилъ ты,
И на родину твой путь?..
То-то встрѣча будетъ, спросы,
Не дадутъ и отдохнуть!

Тамъ въ кругу своихъ засядешь,
Въ долгу ночь у огонька
Какъ и пращуръ твой, быть можетъ,
Другъ-сподвижникъ Ермака:

Тотъ же духомъ, тотъ же вѣрой,
Новизнами не смущенъ,
Вѣдь какимъ ушелъ ты съ Дона,
И прійдешь на тихій Донъ!

И тебя, тѣсняся, будутъ
Слушать дѣтки до зари,
И потомъ такіе-жь выйдутъ
Какъ и ты—богатыри!

1869.

Айвазовскому.

Стиха не цѣнятъ моего
Ни даже четвертью червонца,
А ты даришь мнѣ за него
Кусочекъ истиннаго солнца,
Кусочекъ солнца твоего!
Когда-бъ стихи мои вливали
Такой же свѣтъ въ сердца людей
Какъ ты—въ безбрежность этой дали
И здѣсь вкругъ этихъ кораблей
Съ ихъ парусомъ, какъ жаръ горящимъ
Надъ зеркаломъ живыхъ зыбей,
И въ этомъ воздухѣ дышащемъ
Такъ горячо и такъ легко
На всемъ пространствѣ необъятномъ,—

Какъ я цѣнилъ бы высоко,
Какимъ бы даромъ благодатнымъ
Считалъ свой стихъ, гордился-бъ имъ,
И мнѣ бы пѣлось, вѣчно пѣлось,
Своимъ бы солнцемъ сердце грѣлось,
Какъ нынче грѣется твоимъ!

1877.

Изъ Гафиза.

Встрепенись, взмахни крылами,
Торжествуй, о сердце, пой,
Что опутано сѣтями
Ты у розы огневой,
Что ты въ сѣти къ ней попалось,
А не въ сѣти къ мудрецамъ,
Что не имъ внимать досталось
Дивнымъ пѣснямъ и слезамъ;
И хоть слезъ, съ твоей любовью,
Ты моря у ней прольешь,
И изъ ранъ горячей кровью
Все по каплѣ изойдешь,—
Но за то умрешь мгновенно
Вмѣстѣ съ пѣснею своей
Въ самый пылъ—какъ вдохновенный
Умираетъ соловей.

1875.

Подражаніе Сафо.

Онъ—юный полубогъ, и онъ—у ногъ твоихъ!..
Ты—съ лирой у колѣнъ—поешь ему свой стихъ—
Онъ замеръ слушая—лишь жадными очами
Слѣдитъ за легкими перстами
На струнахъ золотыхъ...
А я?.. Я тутъ же! тутъ! Смотрю, слѣжу за вами —
Кровь—къ сердцу прилила—нѣтъ силъ,
Дыханья нѣтъ! Я чувствую, теряю
Сознанье, голосъ... Мракъ глаза мои затьмилъ—
Темно!.. Я падаю... я умираю...

1875.

Изъ Гёте.

Кого полюбишь ты—всецѣло
И весь, о Лидія, онъ твой,
Твой всей душой и безъ раздѣла!
Теперь мнѣ жизнь, что предо мной
Шумитъ, и мчится, и сверкаетъ,
Завѣсой кажется прозрачно золотой,
Черезъ которую лишь образъ твой сіяетъ
Одинъ—во всѣхъ своихъ лучахъ,
Во всемъ своемъ очарованьѣ,
Какъ сквозь дрожащее полярное сіянье
Звѣзда недвижная въ глубокихъ небесахъ...

1875.

Excelsior.

(Изъ Лонгфелло).

На высяхъ Альпъ горитъ закатъ;
Внизу, въ селеньи, стѣны хатъ
Отливомъ пурпурнымъ сіяютъ...
Вдругъ видятъ люди: къ нимъ идетъ
Красавецъ юноша; несетъ
Въ рукѣ хоругвь; на ней читаютъ:
Excelsior!

Идетъ онъ мимо—вверхъ—туда,
Гдѣ царство смерти, царство льда,
Не смотритъ есть иль нѣтъ дорога;
Лишь ввысь, восторженный, глядитъ,
И кликъ его въ горахъ звучитъ,
Какъ звукъ серебрянаго рога:
Excelsior!

Предупреждаютъ старики:
„Куда идешь? Тамъ ледники!
Тамъ не была нога людская!
Съ поконъ вѣковъ тамъ ходу нѣтъ!“
Но онъ не слушаетъ, въ отвѣтъ
Лишь кликомъ горы оглашая:
Excelsior!

Краса-дѣвица говоритъ:
„Останься здѣсь, отъ бурь укрытъ,
Любимъ и счастливъ съ нами вѣчно!“
Онъ передъ ней замедлилъ шагъ,
Но черезъ мигъ опять въ горахъ
Раздалось, вторясь безконечно:
Excelsior!

И вотъ ужь скрылся онъ изъ глазъ...
Ужь пурпуръ на горахъ погасъ;
Блѣднѣютъ снѣжныя вершины,
И тамъ, въ безмолвьи ледяномъ,
Звучитъ какъ отдаленный громъ,
Съ высотъ несущійся въ долины:
Excelsior!

Чуть свѣтъ, при меркнущихъ звѣздахъ,
На льды въ обходъ пошелъ монахъ,
Неся запасъ вина и хлѣба,—
И—слышитъ голосъ надъ собой
Какъ-бы отъ тверди голубой,
Съ высотъ яснѣющаго неба:
Excelsior!

И тутъ же лай собаки: въ мигъ
Онъ къ ней—и видитъ: въ снѣговыхъ
Сугробахъ юноша... О, Боже!
Онъ бездыханенъ; смертный сонъ
Его сковалъ, и держитъ онъ
Въ рукѣ хоругвь, гдѣ надпись тоже—
Excelsior!

Ужь горы облило зарей:
Лежитъ онъ, блѣдный и нѣмой,
Среди пустынь оледенѣлыхъ...
Стоитъ и слышитъ вдругъ монахъ —
Уже чуть внятно—въ высотахъ—
Въ недосягаемыхъ предѣлахъ:
Excelsior!

1881.

* * *

О царство вѣчной юности
И вѣчной красоты!
Въ твореньяхъ свѣтлыхъ геніевъ!
Намъ чувствуешься ты!

Сіяющіе мраморы
Лизиппъ и Праксителъ!..
Съ безсмертными Мадоннами
Счастливый Рафаэль!..

Святая лира Пушкина,
Его кристальный стихъ,
Моцартовы мелодіи,
Все радостное въ нихъ —

Все то—не откровенья ли
Съ надзвѣздной высоты,
Изъ царства вѣчной юности
И вѣчной красоты?..

1883.

Изъ Испанской Антологіи.

1.

Эти черные два глаза,
Съ ихъ глубокимъ, меткимъ взглядомъ—
Два бандита съ наведеннымъ
Изъ засады карабиномъ.

2.

Противъ глазъ твоихъ ничуть,
Вѣрь, я злобы не питаю.
На меня, вѣдь, имъ взглянуть
Страхъ какъ хочется, я знаю.
Это—*ты* въ душѣ своей
Строишь ковы! *ты* хлопочешь
О погибели моей —
И позволить имъ не хочешь.

3.

Я—король. Ты—королева.
Мы въ войнѣ. Я главныхъ силъ
И фельдмаршала ихъ Гнѣва
Не боюсь. Я бъ ихъ разбилъ.
Но какъ двинешь ты резервы,
Въ бой войти велишь слезамъ —
Тутъ бѣда! пожалуй первый
Брошусь я къ твоимъ ногамъ!..

4.

Эти очи—свѣтъ со тьмою,
Очи полныя зарницъ,
Окаймленныя густою
Ночью черною рѣсницъ!
Но—былъ мигъ—и ночь вдругъ стала
Раздвигаться, мракъ исчезъ —
И мнѣ въ сердце засіяла
Глубина святыхъ небесъ.

5.

Холодный, смертный приговоръ
Твои глаза мнѣ произносятъ;
Мои жь, снѣдая свой позоръ,
Лишь о помилованьѣ просятъ.

6.

Въ тихой думѣ, на кладбищѣ,
Златокудрое дитя,
Ты стоишь, къ холмамъ печальнымъ
Кротко очи опустя.
Знаешь? Спящимъ тутъ во мракѣ,
Въ забытьи глубокомъ ихъ,
Снится въ райской ореолѣ
Свѣтлый ангелъ въ этотъ мигъ.

1879.

Альбомъ Антиноя.

(Изъ драматической поэмы: *Адріанъ* и *Антиной* *).

1.

Высокая пальма
Надъ бѣднымъ селеньемъ;
Подъ вечеръ на пальму
Рой свѣтлыхъ голубокъ
Слетаясь, гнѣздится
На вѣтвяхъ ея.

Но утро блеснуло —
Онѣ встрепенулись

*) Въ поэмѣ Антиной—предполагается родомъ изъ Сиріи, черезъ которую проходили всякія философскія и религіозныя ученія древности, оставляя свой осадокъ въ мѣстномъ населеніи. То были ученія Египта, Вавилона, Іудеи, Греціи и Рима и пр. Всѣ эти вліянія отразились во впечатлительной душѣ красавца Антиноя, и въ альбомѣ, куда онъ выписывалъ, что его поразило, и вносилъ также свои замѣтки.

И мигомъ, что на̀ полъ
Разсыпанный жемчугъ,
Кругомъ разлетѣлись
Въ безбрежную даль.

Душа моя — пальма,
Рой свѣтлыхъ голубокъ —
Мечты золотыя,
Что на ночь отвсюду
Слетаются къ ней.

2.

Одинъ, безъ силъ, въ пустынѣ знойной
Въ тоскѣ предсмертной я лежалъ,
И вдругъ твой чудный, твой спокойный
Твой ясный образъ увидалъ —

И я вскочилъ: коня и броню!
Я снова силенъ, я боецъ!
Гдѣ врагъ? на встрѣчу иль въ погоню?
Гдѣ лавръ! Гдѣ слава! гдѣ вѣнецъ!!?...

3.

Вдоль надъ рѣкой быстроводной
Быстро двѣ бабочки мчатся, кружась другъ
надъ другомъ;

Только другъ друга и видятъ онѣ.
Вѣтку несетъ по рѣкѣ: онѣ сѣли;
Рѣдкими взмахами крылышекъ держатъ кой-
какъ равновѣсье,
Заняты только любовью своей.
Другъ мой! рѣка — это время;
Вѣтка плывущая — міръ;
Бабочки — мы!

4.

Смерти нѣтъ! вчера Адонисъ
Мертвъ лежалъ; вчера надъ нимъ
Выли плакальщицы, мракомъ
Все одѣлось гробовымъ: —

Нынче жъ, свѣтлый, мчится въ небѣ
И земля ликуетъ, вслѣдъ
Торжествующему богу
Восклицая; смерти нѣтъ!

5.

Вы разбрелися
Овцы заблудшія;
Слышите — гдѣ то
Стадъ колокольчики,
Рогъ пастуха!

Близко онъ слышится?
Ввѣрьтесь зовущему!
Выведетъ васъ онъ
Къ пастбищамъ тучнымъ!
Къ свѣтлымъ ключамъ!

6.

Ты не въ первый разъ живешь,
Носишь образъ человѣка;
Вновь родишься, вновь умрешь,
Просвѣтляясь вѣкъ отъ вѣка.
Наконецъ достигнешь ты
Черезъ эти переходы
До предѣла красоты
Человѣческой природы;
Здѣсь ужь зрѣлый плодъ — тогда
Высоко взойдешь надъ нами
Вдругъ, какъ новая звѣзда
Между звѣздъ въ ряду съ богами.

7.

Въ пустынѣ знойной онъ лежалъ.
Я подѣлился съ нимъ водой;
И рѣчи чудныя вѣщалъ
Онъ мнѣ потомъ, идя со мной.

И это было ужь давно.
Я былъ ребенокъ. Тѣхъ рѣчей
Теперь не помню. Лишь одно,
Звучитъ досель въ душѣ моей; —
Что должно ближняго любить,
Себя забывши самого,
И быть готову положить
Всечасно душу за него.
Теперь мнѣ кажется, что онъ,
Тотъ чудный старецъ, людямъ несъ
Разгадку жизни. Опаленъ
Былъ зноемъ, въ рубищѣ и босъ.
И шелъ съ нимъ долго, долго я,
И не замѣтилъ, какъ вошелъ
Въ какой-то городъ — тамъ меня
Ввели съ нимъ въ домъ; накрытъ былъ столъ,
И много свѣчъ — и полонъ домъ
Народу былъ, — и лица ихъ
Сіяли тихимъ торжествомъ
И пѣли всѣ — и былъ у нихъ
Я точно дома...

8.

Смотри, смотри на небеса
Какая тайна въ нихъ святая

Проходитъ молча и сіяя
И лишь настолько раскрывая
Свои ночныя чудеса,
Чтобы нашъ духъ рвался изъ плѣна;
Чтобъ въ сердце врѣзывалось намъ,
Что здѣсь лишь зло, обманъ, измѣна,
Добыча смерти, праха, тлѣна,
Блаженство жь вѣчное — лишь тамъ.

1881.

КАССАНДРА.

Кассандра.

Сцены изъ Эсхиловой трагедіи

АГАМЕМНОНЪ.

Два величайшіе идеала созданные Эсхиломъ, это—Прометей и Кассандра. Къ тому и другому могутъ быть примѣнены слова, которыя Кассандрѣ говоритъ хоръ: „Великій духъ — твоя погибель!“ Прометею посвятилъ поэтъ цѣлую трилогію, т. е. три піесы, изъ которыхъ до насъ дошла только одна. Кассандра является только какъ дѣйствующее лицо въ одной изъ его трагедій *Агамемнонъ*. Въ переведенномъ мною отрывкѣ переданы сцены ей посвященныя, и изъ предыдущаго взято сколько нужно, чтобы служить достаточною рамкою этому образу.

Великое значеніе Эсхила для Греціи это то, что всѣ его трагедіи — апоѳеозъ водворенія какого-чибудь высшаго начала въ жизни Грековъ. Въ трилогіи, которой *Агамемнонъ* составляетъ первую часть, *Молящіе о защитѣ* вторую, и *Эвмениды*—третью,—душу всего созданія составляетъ прекращеніе кровной мести, переходъ отъ варварскихъ нравовъ къ высшимъ понятіямъ въ жизни. Тутъ варварство стоитъ еще предъ читателемъ во всемъ его ужасѣ (картина жертвоприношенія Ифигеніи, видѣнія Кассандры, и пр.), тутъ господство еще старыхъ боговъ, требовавшихъ крови за кровь. Предъ нами исторія дома Атридовъ—длинный рядъ злодѣйствъ. Освѣщеніе, которое бросаетъ на нихъ Эсхилъ—это, какъ выражаются старые эстетики, *спаситель-*

ный ужасъ, т. е. отвращеніе къ злодѣйству: понятно какое цивилизующее впечатлѣніе производила его трагедія на современниковъ, въ памяти которыхъ еще живы были эти дѣла и времена! Фокусъ, изъ котораго исходитъ это освѣщеніе въ *Агамемнонѣ*, слѣдовательно лицо самое высокое и любезное для читателя—это Кассандра, ясновидящая, вдохновенная жрица Аполлона, дочь Пріама, доставшаяся, по раздѣлѣ плѣнныхъ, въ добычу вождю Ахейцевъ. Она одна выше всего окружающаго ее міра; ни свои въ Троѣ, ни чужіе, здѣсь въ Аргосѣ, ея не понимаютъ. Хоръ сочувствуетъ ея несчастіямъ, указываетъ даже, что великій духъ—ея погибель, но открываемыхъ ею горизонтовъ будущаго обнять не можетъ. Она, между тѣмъ, возвѣщаетъ, что въ слѣдующемъ поколѣніи будетъ положенъ конецъ „крови“, и дѣйствительно, въ третьей части трилогіи, Орестъ, сынъ Агамемнона, преслѣдуемый старыми богами за убійство матери, убійство, которое онъ долженъ былъ совершить мстя за убійство отца, приведенъ наконецъ Аполлономъ предъ Аѳинскій ареопагъ, гдѣ подъ внушеніемъ Паллады произносится приговоръ надъ старымъ варварскимъ міромъ и торжествуется наступленіе новой лучшей эпохи, царство разумницы Паллады. Вотъ общая мысль трилогіи. Вотъ роль, какую въ ней играетъ Кассандра.

Для уразумѣнія переведеннаго мною отрывка, напомню читателямъ только тѣ черты кровавой исторіи Атридовъ, которыя имѣютъ отношеніе къ нашей трагедіи.

У Элидскаго царя Пелопса было два сына: Атрей и Тіэстъ. Атрей, чтобъ отмстить брату своему, обольстившему его жену, захватилъ его сыновей, убилъ ихъ и приготовилъ Тіэсту изъ нихъ обѣдъ. У Тіэста былъ еще сынъ Эгистъ. Отецъ завѣщалъ ему отмстить Атрею и его дѣтямъ. Онъ убиваетъ Атрея и троихъ его сыновей. Изъ пятерыхъ остались только Менелай и Агамемнонъ. Парисъ, сынъ троянскаго царя Пріама, похитилъ жену Менелая, Елену. Цари братья, во главѣ всего флота Ахеянъ, отправились подъ Трою. Дорогой послала имъ бурю богиня Артемида, для умилостивленія которой, по слову прорицателя, жреца Калхаса, Агамемнонъ приноситъ въ жертву свою дочь Ифигенію. Эгистъ, между тѣмъ, въ отсутствіе царей, вошелъ въ связь съ женой Агамемнона, Клитемнестрой, и воспользовавшись ея злобой на мужа за жертвоприношеніе дочери, подвигаетъ ее на убійство Агамемнона. Къ этому въ ней присоединяется еще ревность, жертвою которой должна пасть Кассандра. По совершеніи убійства, Эгистъ и Клитемнестра остаются властителями Аргоса. Этимъ кончается первая часть трилогіи.

Во множествѣ изданій текста и его переводовъ бывшихъ у меня подъ рукою, во многихъ мѣстахъ встрѣчается поразительное разногласіе въ чтеніи. Въ выборѣ, которому изъ нихъ послѣдовать, я руководствовался не столько авторитетомъ ученыхъ издателей, сколько ища соотвѣтствія внутреннему смыслу рѣчи.

1.

Площадка передъ царскимъ дворцомъ въ Аргосѣ. Вдали—горы, море. Ночь. На плоской крышѣ дворца стражъ, поглядывающій то вдаль, то на небо.

СТРАЖЪ.

Положатъ ли когда нибудь конецъ
Моимъ мученьямъ боги!.. Вотъ, какъ песъ,
Валяюсь столько лѣтъ на этой крышѣ!
Со звѣздами бесѣдую!.. Ужь знаю
Всѣ наизусть, которыя приносятъ
Намъ холода, которыя жары,
Когда онѣ восходятъ и заходятъ...
Да!.. Не взята ли Троя—жду сигнала,
И какъ увижу, тотчасъ доложить
Объ этомъ госпожѣ. Мужское сердце
У этой женщины!.. Вотъ и ходи
Вокругъ своей соломы, а прилечь

Бѣда: заснешь. Запѣлъ бы съ горя пѣсню
Иль такъ бы посвисталъ—противу сна
Всего бы лучше—такъ приходятъ мысли
Различныя: такой ужѣ это домъ,
Давно ужь здѣсь все дѣется не такъ
Какъ слѣдуетъ. Охъ, показался бъ, право,
Скорѣй огонь!.. Покончились бы муки!..

(Вдали зажигается огонь).

Да это онъ никакъ? сигналъ... Да! да!
Ну, здравствуй, наконецъ! Вотъ ты, желанный!
Вслѣдъ за тобой такой восходитъ день
Для Аргоса, что будетъ все съ утра
Плясать и пѣть, на долахъ и горахъ!..
(*Кричитъ*) Ого! Ого!
Будить ее скорѣе...
Соскочитъ съ ложа и весь домъ подыметъ...
Легко сказать: побѣда! взяли Трою!
Я первый торжество открою!.. Да,
Я выкинулъ счастливыя-то кости
Для госпожи, я первый! да и разомъ
Всѣ три шестерки!

(Сходитъ съ крыши).

Первому бы тоже
Поздравить было мнѣ и господина,
Какъ онъ вернется,—а о всемъ, о прочемъ,—

На ротъ замокъ повѣсить, помолчать...
Пусть лучше сами стѣны говорятъ,
Когда съумѣютъ. Съ тѣмъ кто знаетъ,
Поговоримъ, пожалуй, и посудимъ,
А кто не знаетъ—„ничего не знаемъ!“

(Уходитъ во дворецъ).

2.

Входитъ хоръ городскихъ старцевъ. Хоръ раздѣляется на двѣ стороны, у каждой свой корифей.

ХОРЪ.

Ахъ, десятый ужь годъ на исходѣ теперь,
Какъ помчались войной
Менелай съ Агамемнономъ, братья-цари,
Отъ Зевеса двойнымъ
Надѣленные тропомъ и скиптромъ двойнымъ,
На Пріамовъ помчалися градъ,
Далеко отъ родимой земли,
Во главѣ всего флота Ахеянъ.

Они подняли кликъ боевой по землямъ,
Что два коршуна, вдругъ въ раззоренномъ гнѣздѣ
Не нашедши птенцовъ,
Въ перепугѣ замечутся въ воздухѣ, внизъ и наверхъ,
И зовутъ, и кричатъ на весь міръ

Объ ужасной потерѣ своей,—
И услышитъ ихъ Зевсъ или Панъ или Фебъ,
И укажетъ имъ слѣдъ,
И проклятье пошлетъ
По пятамъ въ наказанье злодѣю:
Такъ Зевесъ и Атридовъ послалъ
Звать Париса на судъ,
Ради правъ опозоренныхъ имъ очага—
И теперь изъ-за той вѣроломной жены,
Тамъ подъ Троей, вкругъ стѣнъ, въ непроглядной пыли,
Неумолчная тянется брань,
И трещатъ и стучатъ и мечи и щиты,
Наступаютъ и падаютъ люди во прахъ,
При неистовыхъ крикахъ кругомъ
Разъяренныхъ Троянъ и Ахейцевъ,
И чѣмъ кончится споръ—то невѣдомо намъ,
Но ни слезы уже, ни сожженіе жертвъ,
Ни мольбы не смягчатъ пробужденныхъ войной,
И слѣдящихъ за ратями фурій.

ОБА КОРИФЕЯ.

Подъ напоромъ годовъ одряхлѣвъ, старики,
Мы отстали отъ нихъ, отъ могучихъ бойцовъ,
И сидимъ по домамъ.
Бродимъ съ посохомъ вкругъ, словно дѣти—увы!

Безпомощны: у нихъ передъ кликомъ войны
Въ неокрѣпшей груди
Содрогается духъ, какъ и въ насъ, старикахъ,
И съ подпорой своей чуть плетется старикъ
По поблеклой листвѣ, угасая какъ тѣнь
Передъ днемъ разсвѣтающимъ въ небѣ!

Изъ дворца по лѣстницѣ спускаются служанки съ чашами, сосудами, факелами и украшаютъ алтари.

ХОРЪ *(обращаясь къ открывшимся дверямъ дворца).*

О царица, скажи,
Клитемнестра, Тиндарова дочерь,
Что за праздникъ? Зачѣмъ убраны алтари,
И готовятся жертвы богамъ
И небеснымъ, и адскимъ, и имъ, покровителямъ града?
И вездѣ поднимаются къ небу огни?
Изъ палаты твоей то елей, то вино
Въ драгоцѣнныхъ сосудахъ служанки несутъ безъ конца..
Если вѣсти къ тебѣ дорогія пришли,
Облегчи намъ сердца, неизвѣстность разсѣй!
Мы томимся въ тоскѣ,
А смотря на убранство твоихъ алтарей,
Предаваться ль надеждѣ— не знаемъ.

Служанки продолжаютъ свое дѣло. Изъ дворца никто не выходитъ на моленіе хора.

КОРИФЕЙ.

Все же есть утѣшеніе намъ:
При отплытьи вождей
Были добрыя знаменья имъ —
А довѣрье къ богамъ, пѣснопѣній родникъ,
Не изсякъ еще въ насъ,
И побѣдѣ предсказанный срокъ—не насталъ!
Въ самый мигъ какъ цари обнажили мечи,
Вдругъ, отъ правой руки,
Опустились на кровлю дворца два орла —
Бѣлоснѣжный одинъ, черноперый другой —
И въ когтяхъ ихъ живая зайчиха была,
И они принялися терзать и ее,
И зайчатъ ею тутъ же рожденныхъ..

ХОРЪ.

Плачьте, о плачьте,
Но да будетъ побѣда добру!

КОРИФЕЙ.

Какъ увидалъ ихъ Калхасъ прорицатель,
Тотчасъ на обоихъ Атридовъ взглянулъ:
Ихъ онъ призналъ въ двухъ орлахъ и сказалъ:
„Будутъ Пріамовы стѣны добычей Ахейцевъ,
„И вѣковыя
„Богатства отыметъ судьба у Троянъ—

„Лишь бы надъ Троею взвившійся бичъ,
„Прежде чѣмъ пасть на нее,
„Гнѣвомъ кого изъ боговъ не порвался.
„Артемида не стерпитъ что здѣсь
„Зевса крылатые псы
„Мать и дѣтенышей еле-рожденныхъ заѣли.
„Этотъ кровавый противенъ ей пиръ".

ХОРЪ.

Плачьте, о плачьте,
Но да будетъ побѣда добру.

КОРИФЕЙ (*продолжая рѣчь Калхаса*).

„Только бъ она, Артемида, которой любезны
„И львицы пустынной,
„И всякаго звѣря лѣснаго
„Сосущія мать порожденья,—только бъ она
„Не мѣшала исполниться добрымъ обѣтамъ!
„Будемъ молить отвратителя бѣдъ, Аполлона,
„Чтобы намъ она бурю и вѣтръ не послала,
„Требуя жертвы иной, нечестивой, ужасной,
„Безъ пира и пѣсень,
„Которая злобу убудитъ, и новую кровь уготовитъ,
„И, памятью дочери, въ злой и коварной женѣ
„Будетъ питать ежечасно о мщеніи мысль!"

Такъ усмотрѣлъ прорицатель Калхасъ
Изъ явленья орловъ, для Атридова дома,
И великое благо и зло.
Плачьте жь, о плачьте о злѣ,—
Но да будетъ побѣда добру!

ХОРЪ.

Плачьте, о плачьте,
Но да будетъ побѣда — добру!

ОБЩІЙ ХОРЪ.

Зевсъ! кто бъ ни былъ ты, взываемъ
Этимъ именемъ къ тебѣ!
Ты одинъ намъ покровитель
Вождь и помощь въ злой судьбѣ!

Палъ Уранъ, преградъ отъ вѣка
Не видавшій предъ собой,
Отъ такой же палъ онъ силы
Кровожадной и слѣпой.

Кроносъ свергнутъ сыномъ—Зевсомъ;
Зевсъ, владыкой ставъ среди
Міровданья, — человѣку
Умъ и совѣсть далъ въ вожди —

Умъ — мужающій въ невзгодахъ,
Совѣсть — даже и во снѣ
Направляющую сердце
Къ правдѣ въ мирѣ и войнѣ.

КОРИФЕЙ.

Царь Агамéмнонъ, въ заботахъ вождя,
И забылъ о Калхасовыхъ вѣщихъ словахъ,
И невзгоды и бѣды покорно сносилъ,
Но когда, послѣ мертваго штиля,
Изнурявшаго войско Ахеянъ,
Противъ Халкиса праздно стоявшее ночи и дни,
Въ водоворотахъ Авлиды, —
Вдругъ отъ Стримона буря ударила съ вихремъ и вѣтромъ,
Запирая изъ гавани выходъ,
И срывая кругомъ корабли съ якорей,
И о берегъ утесистый ихъ разбивая,
И погибалъ лучшій цвѣтъ ополченья Ахеянъ;
И казалося, бурѣ не будетъ конца,
И Калхасъ вошелъ въ кругъ смущенныхъ вождей,
И сталъ говорить,
И назвалъ ту жертву которой желаетъ богиня
Пославшая бурю,
И ударили въ скорби о землю жезломъ
И заплакали оба Атрида, —

„Горе! воскликнулъ тогда Агамемнонъ.
„Горе, когда не исполню велѣнье богини,
„И горшее, если, сокровище дома, дитя мое, дочь
„Самъ заколю и невинною кровью ея
„Отцовскія руки мои обагрю!
„И тамъ злое горе — и здѣсь!
„Воротиться домой—одному—бѣглецомъ—
„Всѣми оставлену—все потерять—
„А все войско—всѣ требуютъ жертвы—грозятъ—
„И требовать право имѣютъ“—

И всѣми кругомъ обступаемый, душу
Нечестивой, ужасной онъ мысли открылъ.
И скорый въ рѣшеньяхъ всегда
Приступить велѣлъ къ дѣлу тотчасъ.

ХОРЪ.

Ахъ, первый ошибочный шагъ
Въ насъ разжигаетъ упрямство и страсть!
Ради той вѣроломной жены,
Ради мести Парису,
На жертву обрекъ онъ любимую дочь!

КОРИФЕЙ.

И ни слезы ея, ни моленья къ отцу,
Ни младая дѣвичья краса,

Не тронули сердца суровыхъ мужей.
Отецъ—лишь умолкли молитвы—
Словно лань молодую, велѣлъ,
Покровомъ окутавъ,
На жертвенникъ навзничь ее опрокинуть,
И крѣпче держать,
И ротъ завязать, чтобъ она
Проклятій отцовскому дому не слала.

И схватили ее, и завязанъ былъ ротъ.
Брызнула кровь подъ ножомъ,
И лишь взглядъ, какъ стрѣла,
Состраданьемъ сердца поразилъ...
Нѣма и прекрасна какъ мраморъ, казалось, она
Хотѣла еще говорить,
Какъ прежде, когда на пиры
Въ отцовскомъ дому выходила къ гостямъ,
И пѣла хвалебный пэанъ
Благоденствію дома Атридовъ и славѣ отца.

Что́ было потомъ—то невѣдомо намъ,
Но исполниться должно пророчеству вѣщаго мужа!
Учитъ разуму Зевсъ изъ страданій и бѣдъ...:
Не хотимъ проницать въ тьму грядущаго мы!
Преждевременно плакать не станемъ...

А въ грядущемъ зловѣщее чуется намъ...
Только молимъ—да все обратится на благо земли!

3.

Тотъ же хоръ и Клитемнестра выходящая изъ дворца.

КОРИФЕЙ.

Пришли мы на твой зовъ, царица.
Когда царя нѣтъ дома, ты его
Намъ заступаешь мѣсто. Если ты
Извѣстіе какое получила,
Что заказала жертвоприношенья,
Благоволи сказать, когда возможно.

КЛИТЕМНЕСТРА.

Скажу пословицей: счастливый день
Да народится отъ счастливой ночи!
Узнайте же теперь такую радость
Какой едва и ожидать мы смѣли:
Взята Ахейцами и—пала Троя!

КОРИФЕЙ.

Что́ ты сказала?.. Вдругъ и не поймешь.

КЛИТЕМНЕСТРА.

Палъ Иліонъ предъ Эллинами. Понялъ?

КОРИФЕЙ.

Отъ радости я, кажется, заплачу...

КЛИТЕМНЕСТРА.

И вѣрю что отъ искренняго сердца.

ХОРЪ.

Но вѣрны ли полученныя вѣсти?

КЛИТЕМНЕСТРА.

Конечно, если боги намъ не лгутъ.

ХОРЪ.

Пріятный сонъ тебя не обольстилъ ли?

КЛИТЕМНЕСТРА.

Не вѣрю я пустымъ мечтаньямъ сна.

ХОРЪ.

Быть можетъ, только мимолетный слухъ?

КЛИТЕМНЕСТРА.

Ты говоришь со мною какъ съ ребенкомъ!

ХОРЪ.

Съ какого жь времени? Когда взятъ городъ?

КЛИТЕМНЕСТРА.

Сію же ночь,—на этотъ самый день.

ХОРЪ.

Да кто жь такъ скоро передалъ извѣстье?

КЛИТЕМНЕСТРА.

Огонь: *) сперва—пылающая Ида,
А отъ нея, одинъ вслѣдъ за другимъ,
До Аргоса сигнальные костры.
Пожаромъ Иды озарился Лемносъ,
Оттуда пламя перенялъ Аѳонъ;
Съ его высотъ священныхъ, золотясь
По зеркальному морю, побѣжало
Все дальше, дальше радостное пламя—
На Лезбосъ, на Мессану, Киѳаронъ;
Одно блеснувъ, другое вызываетъ.
Вездѣ ихъ люди ждутъ, и десять лѣтъ
Костры изъ вѣковѣчныхъ цѣльныхъ сосенъ.
Черезъ Саронскій наконецъ заливъ
Блеснулъ огонь на скалы Арахнея,
И ужь оттуда къ намъ, на домъ Атридовъ,
И здѣсь теперь—послѣдній это отблескъ

*) Въ подлинникѣ Гефестъ. Весь этотъ монологъ сокращенъ въ переводѣ.

Въ сей самый мигъ, теперь, горящей Трои.
Вотъ какъ мнѣ передалъ извѣстье мужъ.

ХОРЪ.

О слава, слава вѣчная богамъ!..
Дивиться только слушая тебя!
Хоть сызнова разсказывай, все бъ слушалъ!

КЛИТЕМНЕСТРА.

Да, пала Троя!.. Наши тамъ ночуютъ.
Чай стонъ теперь надъ городомъ стоитъ!
Перемѣшалися и побѣдитель
И побѣжденный, какъ въ водоворотѣ,
И не сольются, что вино и масло
Въ одномъ сосудѣ, какъ ихъ ни болтай!..
Да!.. Побѣжденные!.. Тамъ надъ тѣлами
Мужей и братьевъ стонутъ жены, сестры,
Надъ стариками плачутъ дѣти: всѣ
Кто живъ остался, всѣ—рабы на вѣкъ!..
А побѣдители, еще въ крови,
Истомлены и голодомъ, и боемъ,
Изъ дома въ домъ перебѣгаютъ, жадно
Все поѣдая что̀ найдутъ, кидаясь
Толпой и другъ у друга отымая!
Наѣвшись гдѣ пришлось, въ домахъ, въ чертогахъ,

Валятся спать, ужь не боятся больше
Ни росъ ночныхъ, ни снѣга, и безъ стражи,
И мирно спятъ, какъ боги спятъ, всю ночь!..
И ежели боговъ, пенатовъ Трои,
И ихъ святынь они не оскорбятъ,
Побѣда ихъ останется за ними...
Не бросились бы только грабить храмовъ:
Имъ нужно счастье на обратный путь,
Какъ на бѣгу, на играхъ... Прогнѣвятъ
Они боговъ, то пролитая кровь
Проснется и на нихъ возопіетъ
О мщеньи къ небу...

Такъ я разсуждаю
Какъ женщина... „Лишь повело бъ къ добру“,—
Безъ всякой, вѣрьте, затаенной мысли
Я говорю—за это пожеланье
Охъ, дорого я—очень заплатила!

ХОРЪ.

Ты женщина, но говоришь какъ мужъ.
Идемъ теперь принесть благодаренье
Богамъ безсмертнымъ: щедро насъ они
За долгое страданье наградили.

4.

За симъ пропускается мною сцена, когда пріѣзжаетъ Агамемнонъ на торжественной колесницѣ, везомой народомъ. Съ нимъ рядомъ сидитъ Кассандра, дочь Пріама, доставшаяся при раздѣлѣ плѣнныхъ Агамемнону. Хоръ привѣтствуетъ царя. Выходитъ потомъ изъ дворца Клитемнестра и въ длинной рѣчи выражаетъ какъ ждала мужа, велитъ разостлать пурпурные ковры по лѣстницѣ во дворецъ, куда и уходитъ съ Агамемнономъ. Остается Кассандра на колесницѣ неподвижная, молчаливая, и хоръ старцевъ. Клитемнестра возвращается и, стоя на верху лѣстницы, приглашаетъ Кассандру войдти во дворецъ. Въ ея рѣчахъ презрѣніе, иронія и нетерпѣніе.

КЛИТЕМНЕСТРА.

И ты, Кассандра, кажется?—войди.
Къ тебѣ Зевесъ былъ милостивъ, позволивъ
Предстать передъ алтарь свой въ нашемъ домѣ,
И съ нашими рабами въ жертвоприношеньяхъ
Участвовать. Такъ отложи же гордость,
Спустися съ колесницы. Самъ Алкидъ
Былъ тоже въ рабство, сказываютъ, проданъ.
И если ужь такой ударъ судьбы
Постигъ тебя, то въ древнемъ, славномъ домѣ
Рабою быть еще счастливый жребій.
Кто только началъ пожинать богатства,
Тотъ строгъ и жестокъ со своей прислугой,
У насъ же, здѣсь, на все что́ справедливо,
Что̀ слѣдуетъ,—разсчитывать ты можешь.

(Кассандра молчитъ).

ХОРЪ *(къ Кассандрѣ)*.

Царица правду говоритъ. Конечно,
Попавши въ сѣть, ужь нечего тутъ биться,
Ужь покорись, иди куда зовутъ.

КЛИТЕМНЕСТРА.

Ну ежели, какъ ласточка, она
На языкѣ лепечетъ неизвѣстномъ,
И рѣчь мою не поняла, то все же
Хоть сердцемъ чувствовать могла бы
Что́ я хочу сказать и—покориться.

(Кассандра молчитъ).

ХОРЪ *(къ ней)*.

Иди за ней. Ужь лучшаго не можетъ
Тебѣ быть ничего теперь. Иди же!

КЛИТЕМНЕСТРА.

А впрочемъ, ждать мнѣ некогда. Готовы
У очага стоятъ уже овны, и праздникъ
Ужь начался — какого мы едва
Когда-нибудь и ожидать могли.
И ты не медли. Если жь въ самомъ дѣлѣ
Не понимаешь словъ моихъ, то сдѣлай,
Какъ варвары, скорѣй хоть знакъ рукою.

(Сама дѣлаетъ приглашительный жестъ. Кассандра молчитъ).

ХОРЪ.

Она дика что пойманная лань
Уговорить ее бы надо лаской.

КЛИТЕМНЕСТРА.

Нѣтъ, бѣшенство въ ней дышетъ, и безумство!
Еще вчера съ пылающихъ развалинъ
Роднаго города взята, она
Не покорится и не склонитъ выи,
Пока удилъ своихъ не окровавитъ.
Мнѣ нечего позориться съ ней больше!

(Уходитъ во дворецъ).

5.

КАССАНДРА И ХОРЪ.

КОРИФЕЙ.

Намъ жаль тебя несчастная! Послушай,
Спустися съ колесницы, покорись
И свой удѣлъ безропотно прими.

(Пауза).

КАССАНДРА *(воздѣвъ очи къ небу).*

О горе! о матерь Земля!
О Аполлонъ! Аполлонъ!

КОРИФЕЙ.

Зачѣмъ же ты взываешь къ Аполлону?
Вѣдь съ жалобой къ нему не прибѣгаютъ!

КАССАНДРА.

О Аполлонъ! Аполлонъ!

ХОРЪ.

Опять она взываетъ къ Аполлону,
Который слезъ не любитъ, не пріемлетъ!

КАССАНДРА.

Аполлонъ! Аполлонъ!
Куда ты привелъ меня! мой погубитель!
Какой еще новый готовишь ударъ!

ХОРЪ *(тихо)*.

Свою судьбу пророчитъ... Не покинулъ
И въ рабствѣ духъ пророческій ее!

КАССАНДРА.

Аполлонъ! Аполлонъ!
Куда ты привелъ меня!—въ какой привелъ домъ!

КОРИФЕЙ *(съ участіемъ)*.

Не знаешь развѣ? Это домъ тридовъ.

КАССАНДРА *(внѣ себя, обступаемая видѣніями, съ возрастающимъ ужасомъ).*

Домъ ненавистный богамъ!.. Злодѣяній вертепъ!
Удушенье! убійство!.. Стѣны и полъ
Человѣческой политы кровью!

ХОРЪ.

Какъ добрая ищейка, тотъ же часъ
Послышала давнишней запахъ крови!..

КАССАНДРА.

Словно въ кровавый туманъ я гляжу...
Вонъ—душатъ дѣтей!..
Жарятъ — отцу подаютъ на обѣдъ...

ХОРЪ.

Охъ, это мы давно и въ досталь знаемъ!
Да не къ добру о томъ напоминанье.

КАССАНДРА.

Она... Что́ она замышляетъ?
Что́ тамъ готовитъ еще?
Новое горе! горе ужасное!
Неотвратимое!
Непоправимое!..
И нѣтъ спасенья кругомъ!

ХОРЪ.

Что̀ видится еще ей?.. Непонятно!
Иль новое пророчествуетъ горе!

КАССАНДРА.

Несчастная! ты приступила ужь къ дѣлу...
Въ баню ведешь его, мужа-владыку...
Не успѣваю и говорить...
Такъ все быстро вершится... вонъ она, вся дрожа...
Протянула ужь руки къ нему...

ХОРЪ.

Для насъ все это — темныя загадки...

КАССАНДРА.

Боги! Что́ вижу еще?
Адская сѣть!
Это — брачное ихъ покрывало...
Фуріи! фуріи!
Ненасытимыя кровью проклятаго этого рода!
Запѣвайте ужасную пѣснь...
Новую жертву встрѣчайте!

КОРИФЕЙ.

Какихъ зовешь ты фурій? О какой
Еще ужасной поминаешь пѣсни?..

ХОРЪ.

Къ сердцу вся кровь приливаетъ моя!
Точно пронзилъ кто мечомъ мою грудь!
Точно глубокая ночь погашаетъ кругомъ
Свѣтъ убѣгающей жизни...
Ждать намъ, о ждать намъ бѣды!

КАССАНДРА.

Смотрите — ахъ! ахъ! удержите, держите ее!..
Накинула адскій покровъ...
Опутала... боги!.. ударъ!
Упалъ онъ — упалъ.

КОРИФЕЙ.

Не смыслю ничего въ разгадкѣ я
Оракуловъ — но чую тутъ бѣду!

ХОРЪ.

Въ прахѣ рожденнымъ — развѣ когда
Скажетъ оракулъ — свѣтлую вѣсть?
Темное слово вѣщихъ боговъ
Лишь въ совершившихся — ясно бѣдахъ!

КАССАНДРА.

Ахъ! вотъ и мнѣ, злополучной, конецъ!
Жребій мой связанъ съ его!

Что жь ты привелъ меня въ домъ свой? Зачѣмъ
Или затѣмъ чтобъ одной смертью съ тобой умереть!

ХОРЪ.

Ты, вдохновенная! пѣснь о себѣ ты заводишь!
Скорбную пѣснь, какъ поетъ соловей,
Непонятную намъ изливая печаль
Въ сладкозвучныхъ рыданьяхъ своихъ!

КАССАНДРА (*успокоиваясь, съ грустью, какъ и всѣ послѣдующія строфы*).

Сладко поющая птичка дубравная!
Дали безсмертные крылья ей быстрыя,
Дали безслезную, вольную жизнь...
Мнѣ же двуострый ножъ впереди!

ХОРЪ.

О, какія видѣнья тебя обступаютъ?
Отчего этотъ ужасъ, отчаянья вопль?
Вопль этотъ, намъ раздирающій душу, зачѣмъ?
Что вызываетъ, скажи, въ откровеньяхъ боговъ
Безконечную скорбь въ потрясенной душѣ?

КАССАНДРА.

О, Парисъ! О, погибель! О, бракъ твой преступный!
О, Скамандра родимыя воды!

На твоихъ берегахъ, я блуждала по днямъ,
Безъ заботъ пѣла дѣтскія пѣсни свои...
А теперь—Ахеронъ и угрюмый Коцитъ
Огласятся стенаньемъ моимъ!

ХОРЪ.

Вопли твои, о несчастная,
Были бъ и дѣтямъ понятны!
Сердце сжимается, точно поешь
Ты передсмертную пѣснь надъ собой!

КАССАНДРА.

О, Иліонъ! Ты, во прахѣ лежащій теперь!
Дымъ отъ безчисленныхъ жертвъ что̀ богамъ приносилъ,
Строя стѣны его, злополучный отецъ!
Безполезныя жертвы, увы!
Гордый палъ Иліонъ—и ведутъ на убой
Вдохновенную жрицу его!

ХОРЪ.

Тѣ же рѣчи... все тѣ же видѣнья...
Черный демонъ тебѣ, полныя смертной тоски,
Ужаса полныя рѣчи внушаетъ...
Что̀ предвѣщаютъ онѣ?..

(Хоръ, подъ впечатлѣніемъ рѣчей Кассандры, погружается въ раздумье. Краткое молчаніе).

КАССАНДРА (*совсѣмъ успокоясь*).

О, пусть же все теперь вамъ будетъ ясно!
И все, что́ говорю я, потеряетъ
Видъ новобрачной, какъ она глядитъ
Изъ-подъ вѣнчальнаго покрова!.. Пусть
Мои слова, какъ предразсвѣтный вѣтеръ,
Во слѣдъ за бурной ночью, вамъ раскроютъ
Что нѣтъ для васъ ужаснѣйшаго горя
Какъ то что̀ вынесетъ теперь волна
Изъ темныхъ безднъ и на̀ берегъ къ вамъ кинетъ!
Открою все я вамъ въ ужасной правдѣ...
Но прежде вы скажите мнѣ что правда ль—
Всѣ ужасы что́ говорила я
Про этотъ домъ? Проклятія и стоны,
Какъ хоръ безумный, въ немъ не умолкаютъ.
До бѣшенства уже упившись кровью,
Здѣсь поселились фуріи, какъ дома,
И пляшутъ, и неистовствуютъ, славя
Злодѣйства дѣдовъ, и отцовъ, и внуковъ...
О, ежели неправда, уличайте
Что на вѣтеръ я говорю, подобно
Цо улицамъ шатающейся нищей!
Ну, поклянитесь что все то неправда!

ХОРЪ.

Когда бы мы и поклялись, была ли бъ
Та клятва въ прокъ Атридамъ? Мы дивимся,
Какъ ты пришла изъ-за моря, и знаешь
Какъ будто видѣла все что̀ здѣсь было!

КАССАНДРА.

Мнѣ даръ всевидѣнья данъ Аполлономъ.

ХОРЪ.

Онъ благосклоненъ былъ къ тебѣ? любилъ?

КАССАНДРА.

Донынѣ—стыдъ мнѣ былъ бы въ томъ сознаться!

ХОРЪ.

Достоинство хранимъ мы въ счастьѣ строже!

КАССАНДРА.

Любилъ и—требовалъ моей любви!

ХОРЪ.

И ты его порывамъ уступила?

КАССАНДРА.

Дала обѣтъ, но не сдержала слова!

ХОРЪ.

Ужь получивъ сперва даръ прорицанья?

КАССАНДРА.

Ужь гибель я предсказывала Троѣ!

ХОРЪ.

И гнѣвъ его тебя не поразилъ?

КАССАНДРА.

Ужасный гнѣвъ: никто не сталъ мнѣ вѣрить!

ХОРЪ.

Межь тѣмъ какъ ты предсказывала правду?

КАССАНДРА *(снова приходитъ въ изступленіе).*

Ахъ—боги! вонъ,—опять видѣнье.. Боги!
Какъ будто вихрь кругомъ, и голоса... *(быстро)*
Вонъ тамъ—передъ воротами—вонъ—двое
Сидитъ дѣтей—какъ блѣдныя двѣ тѣни—
Два мальчика—убиты дядей—держатъ
Въ рукахъ остатки собственнаго мяса—
Кишки и сердце... Ужасъ! боги! боги!..
Остатки отъ тѣхъ блюдъ что̀ на пиру
Отецъ ихъ ѣлъ!.. Они взываютъ къ мести—
И мстить за нихъ идетъ ублюдокъ льва,
Здѣсь на чужомъ упрятавшійся ложѣ,
И броситься сбирающійся съ ложа
На господина моего... Да, да,

На господина моего—вѣдь я
Его раба!.. А онъ, Ахейцевъ вождь
И разрушитель Трои, онъ не чуетъ
Что́ кроется подъ длинными рѣчами,
Подъ ласками собаки этой!.. Онъ
Не чуетъ что̀ готовится ему
Отъ этой фуріи... Зарѣжетъ мужа
Она, жена!.. Да есть ли имя ей?
Змѣя двулицая! Въ глухихъ пещерахъ
Живущее чудовище! къ своимъ
Она горитъ ненасытимой злобой!
О, какъ ликуетъ, точно собираясь
Плясать и пѣть на пиршествѣ побѣды!
Какъ притворяется что это—радость
При встрѣчѣ мужа... Вѣрьте мнѣ иль нѣтъ,
Вѣдь все равно, все сбудется, вы всѣ
Увидите, всѣ скажете тогда
Что точно даръ пророчества мнѣ данъ...

ХОРЪ.

Ты говорила про обѣдъ кровавый
Тіэста, страшно говорила, точно
Сама была при этомъ, но что́ послѣ
Еще сказала, намъ пока темно.

КАССАНДРА.

Про смерть Агамемнона—я сказала!

ХОРЪ.

Уйми языкъ, несчастная, молчи!

КАССАНДРА.

Неотвратимо все! ничѣмъ! никѣмъ!

ХОРЪ.

Покамѣсть нѣтъ еще и—да не будетъ!

КАССАНДРА.

Вы молитесь, а тамъ убійство зрѣетъ!

ХОРЪ.

Кто жь тотъ злодѣй что̀ мыслитъ объ убійствѣ?

КАССАНДРА.

Несчастные, не поняли меня!

ХОРЪ.

Не знаемъ, кто жь убійцей можетъ быть!

КАССАНДРА.

А вѣдь на вашемъ языкѣ сказала!

ХОРЪ.

И Фебовыхъ пророчествъ теменъ смыслъ!

КАССАНДРА *(опять возбужденная послѣдними словами хора).*

Ахъ!.. точно все горитъ во мнѣ... вся грудь...
Фебъ! Аполлонъ! да пощади же ты!

(Быстро указывая на дворецъ:)

Двуногая та львица что̀ спала—
Когда былъ левъ далеко—съ волкомъ,—жребій
И мой рѣшитъ! Къ закоренѣлой злобѣ,
Какъ будто составляя ядъ, мѣшаетъ
Еще мнѣ месть, и ножъ точа на мужа;
Безстыдно хвалится что умереть
Изъ-за меня онъ долженъ!.. О, къ чему
Онъ мнѣ теперь, мой жезлъ, моя повязка—
Прочь, прочь! сама его ломаю! прочь!

(Ломаетъ и бросаетъ жезлъ, вѣтвь лавра).

Повязка роковая, прочь! погибни!
Пускай другой достанется ихъ сила
Проклятая!.. На, Аполлонъ, иди,
Возьми назадъ мой жреческій покровъ!

(Кидаетъ мантію).

Ты самъ, своими видѣлъ ты глазами,
Какъ надо мной, въ одеждахъ этихъ, въ Троѣ —
Безумные! — свои же насмѣхались!
Ругали, какъ врага, ехидной нищей,

Обманщицей — голодную меня,
Несчастную, отвергнутую всѣми!
И наконецъ, всевидящій, меня
Всевидѣньемъ своимъ самъ одаривший —
Ведетъ теперь на смерть! Отъ алтарей
Отеческихъ ведетъ подъ ножъ убійцы,
Въ чужомъ краю!.. И все жь тутъ не конецъ
Пролитой крови — и за насъ опять
Придетъ и будетъ мстить еще другой,
И матереубійствомъ онъ отвѣтитъ
На смерть отца!.. Скиталецъ возвратится,—
И только онъ—одинъ—конецъ положитъ
Проклятью что́ лежитъ на всемъ ихъ родѣ:
Такъ боги поклялися — смерть отца
Ему откроетъ въ Аргосъ путь... *)
Но что́ же!
Чего стою я здѣсь? чего я плачу!
Я видѣла погибель Иліона;
Теперь съ небесъ упасть готова кара

*) Она разумѣетъ Ореста, сына Агамемнонова, котораго Клитемнестра, со своимъ любовникомъ Эгистомъ, удалила изъ Аргоса. Въ третьей части этой трилогіи, Орестъ преслѣдуемый фуріями приходитъ въ Аѳины, и тутъ Ареопагомъ, подъ вліяніемъ Паллады, полагается рѣшеніе о прекращеніи родовой мести, о чемъ здѣсь и пророчествуетъ Кассандра.

На побѣдителей!.. Чего жь мнѣ медлить?
И мнѣ пора! туда жь со всѣми ими!

(Обращаясь къ воротамъ дворца).

Привѣтствую васъ, адскія врата!
Лишь объ одномъ молю: чтобы подъ вѣрнымъ
Мнѣ умереть ударомъ; чтобъ спокойно,
Покамѣсть, тихо замирая, будетъ
Струиться кровь моя, — смежить глаза
Покорно мнѣ, безъ ропота, безъ стона...

(Сходитъ съ колесницы).

ХОРЪ.

Вотъ жребій-то!.. И вѣщій даръ при этомъ!
Зачѣмъ же, зная что́ тамъ ждетъ тебя,
Идешь ты къ нимъ, на встрѣчу лютой смерти,
Идешь сама что жертва на закланье?

КАССАНДРА.

Не избѣжать, друзья мои, судьбы!
Подходитъ время и — влечетъ меня!..

ХОРЪ.

Но для чего жь его предупреждать?

КАССАНДРА.

Его избѣгнуть — тщетное старанье!

ХОРЪ.

Великій духъ — твоя погибель, дѣва!

КАССАНДРА.

Но есть вѣдь утѣшенье въ смерти!

ХОРЪ.

Ахъ, тотъ кто счастливъ—этого не скажетъ!

КАССАНДРА *(хочетъ идти ко дворцу).*

Пріамъ! Пріамъ! одна съ тобой судьба
И всѣмъ твоимъ, тебя достойнымъ, дѣтямъ.

(Дѣлаетъ нѣсколько шаговъ ко дворцу, но возвращается назадъ въ ужасѣ).

ХОРЪ.

О, что́ жь еще ее тамъ поразило?

КАССАНДРА *(съ отвращеніемъ).*

Ахъ...

ХОРЪ.

Что̀ съ тобой? опять ты вся дрожишь?

КАССАНДРА.

Не пересилю запахъ крови — тамъ!

ХОРЪ.

Быть-можетъ чадъ отъ жертвоприношеній?

КАССАНДРА.

Нѣтъ, тлѣнья, тлѣнья духъ, какъ изъ могилы!

ХОРЪ.

Увы! не сирскихъ ароматовъ запахъ!

КАССАНДРА *(дѣлая надъ собою усиліе).*

Иди! И тамъ наплакаться успѣешь
Еще о немъ и о себѣ... Иди!..

(Къ хору:)

Довольно жить. Прощайте. Я дрожу,—
Но не какъ птичка передъ шумомъ листьевъ:
Вы это вспомните — уже тогда
Когда давно въ землѣ лежать я буду,
Когда за кровь мою падетъ — другая,
За Агамемнона — другой... И это —
Привѣтъ мой за твое гостепріимство,
И мой прощальный даръ, о домъ Атридовъ!

(Поднимается по лѣстницѣ дворца).

ХОРЪ.

Ты намъ терзаешь сердце, чужестранка!

КАССАНДРА *(взойдя на лѣстницу).*

Къ тебѣ теперь послѣднее воззванье,
О Аполлонъ! Послѣднимъ заклинаю

Тебя лучомъ который вижу, — сдѣлай
Что также бы легко мой мститель могъ
Моимъ убійцамъ отомстить, какъ имъ
Меня убить достанется — рабу
Ничтожную и слабую... О, жизнь,
Жизнь человѣческая! Счастливъ ты?
Тѣнь мимолетная найдетъ, и счастья
Ужь нѣтъ!.. Несчастливъ? — въ мигъ — прикосновенье
Лишь влажной губки — и исчезъ твой образъ —
И это можетъ-быть всего ужаснѣй!

Входитъ во дворецъ.

1874.

КНЯЖНА.

Княжна ***.

ТРАГЕДІЯ ВЪ ОКТАВАХЪ.

„Какъ наши годы-то летятъ".

Давно-ль, давно-ль, на траурныхъ коняхъ,
Подъ балдахиномъ съ княжеской короной,
Богатый гробъ въ гирляндахъ и цвѣтахъ
Мы провожали... Поѣздъ похоронный
Былъ безъ конца... всѣ въ лентахъ и звѣздахъ,
Посланники, придворныя персоны,
И духовенство высшихъ степеней,
И во главѣ его—архіерей...

Мы крестимся всегда при видѣ гроба,
Прощаемся, молясь за упокой,

Будь то бѣднякъ, будь важная особа...
Обычай полный смысла, глубиной
И злѣйшаго плѣнявшій руссофоба...
И тутъ прощалась съ чьею-то душой
И дальше шла толпа... Но въ высшемъ свѣтѣ
Событьемъ были похороны эти...

Княжна... Но нѣтъ! письму я не предамъ,
Нѣтъ, не предамъ я новому злословью
Фамиліи извѣстной съ дѣтства намъ!
Въ войну и миръ, и разумомъ и кровью,
Служилъ сей родъ отчизнѣ и царямъ,
И встарь почтенъ народной былъ любовью...
Онъ въ наши дни, съ достоинствомъ, одной
Представленъ былъ покойною княжной.

И видомъ—ахъ! теперь какъ исполины
Предъ нами тѣ герои старины!..
Видали-ль вы временъ Екатерины
Ея штатсъ-дамъ портреты?.. Всѣ, полны
Величія полунощной Аѳины
И геніемъ ея осѣнены,
Онѣ глядятъ какъ бы съ пренебреженьемъ
Во слѣдъ идущимъ мимо поколѣньямъ...

Могучій духъ, не знающій оковъ,
Для подвиговъ не знающій границы,
Безъ похвальбы свершавшій ихъ, безъ словъ,—
Все говоритъ, что это тѣ орлицы
Къ кому изъ царства молній и громовъ,
Свершители словесъ своей ца́рицы,
Ея орлы—съ поднебесья порой
Спускалися на мигъ вкусить покой...

Изъ этой же породы самобытной
Была княжна, хоть сгладился ужь въ ней
Весь этотъ пылъ, весь пламень ненасытный
Подъ вѣяньемъ иныхъ, счастливыхъ дней.
Тамъ—гордый стражъ пустыни сфинксъ гранитный,
Въ тысящелѣтней простотѣ своей;
Здѣсь—Пракситель или рѣзецъ Кановы,
Гдѣ грація и духъ ужь вѣетъ новый.

Ей этотъ лоскъ былъ Франціею данъ!
Да, Франція—и Франція Бурбоновъ,
Что́ пережить съумѣла какъ Титанъ
Республику и гнетъ Наполеоновъ,—
Она княжну—цвѣтокъ полночныхъ странъ
Къ ней кинутый крылами аквилоновъ,—

Съ любовію въ объятья приняла,
И матерью второю ей была.

Ея пѣвцовъ она внимала лирамъ,
Ораторовъ волнующимъ рѣчамъ,
Все приняла чтобъ властнымъ быть кумиромъ
И первою звѣздой въ созвѣздьи дамъ,
И даже Онъ, пришедшій къ людямъ съ миромъ,
И взоры ихъ поднявшій къ небесамъ,
Ей просіялъ какъ свѣтъ и какъ защита
Въ проповѣдяхъ отца іезуита...

Что́?.. Странно вамъ слова мои звучатъ?..
Народность—все же изъ понятій узкихъ,
И въ этомъ шагъ мы сдѣлали назадъ,
Отъ образцовъ отрекшися французскихъ...
Но—вѣкъ таковъ! и всѣ теперь хотятъ
Преобразиться въ православныхъ Русскихъ,
Межь тѣмъ какъ многіе едва-едва
Осилить могутъ русскія слова...

Вонъ—князь Андрей на это, лобъ нахмуря,
Глядитъ какъ на опасную игру!
И говоритъ что ужь „глаза зажмуря
Давно живу и вѣчно на-юру“,
Что „впрочемъ, насъ бы не застала буря,

А тамъ—все пропадай, когда умру!..“
Онъ въ этомъ видитъ признаки паденья
И нравственныхъ началъ и просвѣщенья...

И до сихъ поръ, упрямый старый тузъ
Твердитъ одно: „Европа есть обширный
Салонъ, гдѣ всякій—Нѣмецъ иль Французъ—
Своя семья! у всѣхъ одинъ, всемірный,
Тонъ, образованность, и умъ, и вкусъ!
Насъ только *терпятъ* тамъ пока мы смирно
Сидимъ себѣ, какъ дѣти за столомъ,
On nous subit—à contre-coeur притомъ!..“

Но князь чудакъ! онъ парадоксъ ходячій!
Онъ отрицалъ Россію! и съ княжной
У нихъ всегда, бывало, споръ горячій.
Патріотизмъ княжны былъ огнь живой!
Россіи честь, побѣды, неудачи,
Воспринимала все она душой,
Все обсуждая, безъ предубѣжденья,
Съ высокой, европейской точки зрѣнья...

И вотъ съ такой душою и умомъ,
Все воспринявъ что̀ Западъ просвѣщенный
Взрощалъ вѣками въ цвѣтникѣ своемъ,
Она явилась съ ношей благовонной

Въ нашъ свѣтъ—и такъ поставила свой домъ,
Что самъ Кюстинъ вторично занесенный
Судьбой въ нашъ край ужъ бы не написалъ
Что къ медвѣдямъ и варварамъ попалъ!

Свидѣтели—опять-таки Французы!
Да! изъ Французовъ—сливки, высшій слой,
Твердили въ хоръ, что Граціи и Музы
Изъ Франціи, отъ черни бунтовской,
Какъ отъ Персея съ головой Медузы,
Умчалися на сѣверъ ледяной,
Перенеся въ салонъ княжны, въ Россіи,
Весь умъ французской старой монархіи.

И это зналъ и оцѣнилъ нашъ свѣтъ,—
И передъ нею все въ немъ преклонилось...
И хоть прошло событій много, лѣтъ,
И хоть княжна давно ужь устранилась
Отъ поприща успѣховъ и побѣдъ,
Но все ея звѣзда не закатилась—
Отшельница изъ своего угла
На мнѣнія вліяла и дѣла.

Къ обычному стремились поклоненью
Къ ней Несторы правительственныхъ сферъ;

Вступая въ свѣтъ, къ ея благословенью
Являлися искатели карьеръ;
Къ ней шли, къ ея прислушаться сужденью,
Творцы реформъ по части новыхъ мѣръ,
И отъ княжны имѣть имъ одобренье
Бывало то жь что́ выиграть сраженье...

Всѣ знали что ея словцо одно
Имѣло вѣсъ и слушалося мнѣнье
Въ такихъ предѣлахъ, гдѣ не всѣмъ дано
Имѣть и смѣть сказать свое сужденье...
Конечно умъ тутъ много значилъ... но
Одинъ ли умъ?.. у васъ ужь и сомнѣнье?
О жалкій вѣкъ! Какъ скоръ твой приговоръ!
Мерещится тебѣ лишь грязь, да соръ!

Нѣтъ-съ! ужь Парижъ, знатокъ по этой части,
Видавшій цвѣтъ сыновъ своихъ княжной
Отвергнутыхъ, со всѣмъ ихъ пыломъ страсти,
Клялся богами, небомъ и землей
Что нѣжныхъ чувствъ она не знаетъ власти,
Что передъ ней, въ досадѣ плача злой,
Самъ Купидонъ, лукавый богъ и смѣлый,
Разбилъ колчанъ и изломалъ всѣ стрѣлы!

Хоть хроника паденій и побѣдъ,
Для свѣта служитъ легкой лишь забавой,
И не педантъ онъ въ нравственности, свѣтъ,—
Но высоко и достодолжной славой
Почтитъ онъ ту, въ которой пятенъ нѣтъ!
Всегда въ виду весталки величавой,
Какъ въ оно время развращенный Римъ,
Разступится съ почтеніемъ нѣмымъ!..

Княжна всю жизнь, какъ съ кованной бронею,
Гдѣ каждая блеститъ на солнцѣ грань,
Сквозь этотъ міръ соблазновъ, предъ толпою
Чиста какъ день прошла... и отдалъ дань
Ей гордый свѣтъ, упрочивъ за княжною
До позднихъ дней названье chaste Diane...
Былъ этотъ титулъ ей всего дороже,
Она гордилась имъ... и вдругъ... о Боже!..

Нѣтъ! не могу!.. Ея вступленья въ свѣтъ
Я не засталъ—но съ перваго мгновенья,
При первой встрѣчѣ, юноша-поэтъ
Былъ пораженъ!.. Серьозность выраженья
(Ее встрѣчалъ я не на балѣ, нѣтъ!
Въ прогулкахъ, по утрамъ, въ уединеньи),

Задумчивость, вдаль устремленный взоръ—
По небу ль грусть, землѣ ль нѣмой укоръ?..

О, дальнія дорожки Монплезира...
Или тѣнистый Царскосельскій садъ...
И вдругъ—видѣнье неземнаго міра...
Чуть слышно кони быстрые летятъ...
О Пушкинъ!—думалъ я—твоя бы лира...
Ты лишь умѣлъ, твой вдохновенный взглядъ,
Вмигъ указать гдѣ божество во храмѣ,
Вмигъ разгадать Мадонну въ свѣтской дамѣ!..

Признанье позднее... Княжна была
Моимъ надолго тайнымъ идеаломъ...
Трагической кончиной умерла —
Трагедію жь смѣшали со скандаломъ!
Она всегда извѣстнаго числа
Давала балъ, и передъ самымъ баломъ,
Упалъ кумиръ, и что́ страшнѣй всего
Съ нимъ рухнулъ образъ нравственный его...

Да, падаютъ имперіи—но слава
Переживаетъ. Упадаетъ храмъ,
Но богъ въ немъ жившій составляетъ право
На память и почетъ тѣмъ племенамъ

Что съ именемъ его прошли какъ лава,
Какъ Божій бичъ по сушѣ и морямъ...
Но человѣкъ въ которомъ уважались
Достоинства, котораго боялись

Лишь потому, что онъ былъ совершенъ,
Со всѣхъ сторонъ великъ и безупрёченъ —
И вдругъ внутри его лишь гниль и тлѣнъ!..
Но нѣтъ! Я не сужу!.. Кто безпороченъ?
Въ паденіи, быть-можетъ, сокровенъ
Глубокій смыслъ, и, можетъ-быть, уплоченъ
Имъ страшный долгъ... а мы съ своимъ умомъ
Въ чужой душѣ что смыслимъ? что прочтемъ?..

II.

На мѣстѣ я изъ первыхъ былъ. Успѣли
Едва лишь подхватить ее—куафёръ,
Модистка и сложили на постели.
На головѣ богатый былъ уборъ,
А между тѣмъ глаза ужь потускнѣли...
А тутъ кругомъ блескъ лампъ, трюмо, приборъ
Помадъ, духовъ и надо всѣмъ—незримый
Изъ вѣчности посолъ неумолимый.

Да, этотъ гость былъ всѣми ощутимъ...
Взглянулъ онъ всѣмъ въ глаза мертвящимъ взглядомъ,
Всѣмъ, въ ужасѣ стоявшимъ тутъ живымъ...
И дрогнули подъ праздничнымъ нарядомъ,
У всѣхъ сердца... Эхъ! шутимъ мы, трунимъ
Надъ смертію, надъ судищемъ и адомъ, —
А покажись чуть-чуть она—ей, ей,
Раскланяться забудемъ даже съ ней!

Конечно все, какъ при внезапномъ громѣ,
Что́ было дворъ, что́ около двора,
Что́ приживало въ старомъ барскомъ домѣ,
Все—въ будуаръ! явились доктора,
Но, главное, при эдакомъ содомѣ,
Швейцаръ, безъ ногъ и впопыхахъ съ утра,
И не въ домёкъ чтобъ, при событьи этомъ,
Отказывать являвшимся каретамъ.

И бальною, разряженной толпой
Весь домъ наполнился. Толпа врывалась
И въ будуаръ. При вѣсти роковой
Цвѣты, брильянты, гасло все, казалось.
Но надъ померкшей этой пестротой
Одна фигура рѣзко отдѣлялась:

Недвижно, руки на груди сложивъ,
И—точно съ вызовомъ на бой—вперивъ

Въ покойную упорный взглядъ, стояла
Одна предъ ней дѣвица. Все кругомъ
Ее какъ будто въ страхѣ обѣгало.
Чужимъ для всѣхъ, казалось, существомъ
Она была и точно предвѣщала
Что́ роковое... Такъ передъ судомъ
Господнимъ ангелъ, можетъ-быть, предстанетъ
Намъ возвѣстить, что—се грядетъ и грянетъ ..

Сравненье это, впрочемъ, я схватилъ
Такъ, на лету... Передо мной ихъ много
Въ тотъ мигъ какъ будто вихорь проносилъ.
То вспоминалъ дельфійскаго я бога,
Когда стрѣлу въ Пиѳона онъ пустилъ,
То Каина мнѣ чудилась тревога,
Когда онъ смерть увидѣлъ въ первый разъ,
Оставшись съ мертвымъ братомъ глазъ-на-глазъ...

Въ разрѣзъ со всѣмъ была дѣвица эта.
Одѣта—самый будничный нарядъ—
Въ суконномъ черномъ платьѣ, безъ корсета,
И волосы откинуты назадъ

A l'etudiant. Ни брошки ни браслета.
Всѣмъ уловить ея хотѣлось взглядъ,
Хотѣлось угадать что́ въ ней творится,
Что́ на челѣ высокомъ отразится?

Но ничего—все тщетно!—не прочли!
Княжнѣ судьба какъ будто услужила,
Чтобъ угадать у мертвой не могли
Какая мысль въ послѣдній мигъ застыла
У ней въ лицѣ, подъ дымкой poudre de riz,—
Но та, живая, юная, таила,
Пожалуй, глубже чувства и вездѣ
Держалъ ихъ умъ въ натянутой уздѣ...

А между тѣмъ хотѣлося такъ страстно
Ихъ допросить... Не смерть ужь тутъ одна,
Тутъ шепотъ пробѣгалъ еще ужасный...
„Какъ? Эта самая... она... она —
„Воспитанница эта — вотъ прекрасно!
„Она ей — дочь?.. Возможно ли! княжна,
„La chaste Diane?.. И такъ все скрыто было?
„И вотъ она-то, дочь, ее убила?..“

III.

И матери увозятъ дочерей

Скорѣе прочь. Во всѣ концы столицы
Летитъ толпа распугнутыхъ гостей;
Вѣстовщики помчались, вѣстовщицы,
Заволновался свѣтъ, и князь Андрей
Уже къ восходу розовой денницы,
Сообразя всѣ факты и слова,
Доказывалъ что все — какъ дважды два...

„Во первыхъ — сходство. Чудными глазами
Извѣстно отличался весь ихъ родъ.
Глаза княжны воспѣты и стихами,
И очень мѣтко: „въ нихъ гроза живетъ.
„Когда въ душѣ все тихо — то надъ нами
„Зарницами играетъ — все цвѣтетъ,
„Смѣется вкругъ; но мысль одна иль слово —
„И молнія разрушить міръ готова!

„И счастье что надъ этою грозой
Сильна такъ власть ума и сердца.“—Это
Едва ль не самъ Гюго своей рукой
Вписалъ въ альбомъ княжны—два, три куплета.
У дѣвочки точь въ точь: и взглядъ такой,
Зрачки того жь измѣнчиваго цвѣта,
Рѣсницы только больше и острѣй,
И та же складочка между бровей.

„Засимъ—характеръ. Помните сравненье—
Вѣдь ваше—та была еще дитя—
Другъ противъ друга станутъ въ изумленьѣ,
Ужь больше словъ какъ бы не находя—
Ну, такъ похожи какъ изображенье
Большаго Я и маленькаго я!
Въ обѣихъ та жь непогрѣшимость, вѣра
Въ себя и то жь произношенье *эра*...

„Ну-съ, а когда бывало та поетъ,—
Вѣдь у княжны, мы помнимъ, на всю залу
Бывало сердце просто тактъ ей бьетъ!
Ну-съ а когда“... — „Да будетъ! Ну пожалуй,
„Будь такъ, по-вашему!.. Мы послѣ счетъ
„Сведемъ грѣхамъ и всякому скандалу!..
„Теперь же вспомните — вѣдь кто угасъ?
„Кого не стало?.. Лучшей между васъ!..“

О человѣкъ! о слабое творенье!
За честь княжны я обнажаю мечъ,
А въ самого ужь крадется сомнѣнье,
И падаетъ на полусловѣ рѣчь...
А если—да?.. Какое откровенье!..
Но какъ же узелъ Гордіевъ разсѣчь?!

Сравненье съ „Я“ мое; безъ мысли всякой —
Княжна тогда вся вспыхнула однако!

Но пусть какъ знаютъ и рѣшатъ вопросъ!
Одно я помню: сколько счастья, свѣта
Съ собою въ домъ ребенокъ этотъ внесъ!
Что́ красоты, гармоніи, привѣта
Въ самой княжнѣ Богъ вѣсть отколь взялось!
Ахъ, это былъ вѣнецъ ея разцвѣта!
Всѣ думали тогда: „ну! влюблена!
Да! наконецъ-то!“... Бѣдная княжна!..

Но маленькое „я“ все подростало
И начало тѣснить большое „Я“,
И выше все головку подымало.
Тутъ нуженъ сталъ ужь высшій судія,
И миротворцемъ няня выступала—
Старушка крѣпкая, хоть житія
Подъ пятьдесятъ тогда ей вѣрно было:
Она княжну вскормила и взростила.

Она, внизу заслыша только „бой“,
Взойдетъ да покачаетъ головою,
Да на княжну посмотритъ, какъ водой

Ее обдастъ, и ласково рукою
Потреплетъ дѣвочку: „ну ты, герой,
Поди-ка, повинись передъ княжною“,—
И та на шею къ нянѣ, а потомъ
Ужь и къ княжнѣ, и плачутъ всѣ втроемъ...

Но эти бури только лишь скрѣпляли
Союзъ сердецъ. Уютна и тиха
Текла ихъ жизнь, и въ ладъ сердца стучали
Какъ два съ богатой риѳмою стиха.
Одна росла; глаза другой читали
Въ ея душѣ, и не было грѣха
(Какіе же грѣхи!), ни мысли тайной,
Чтобы отъ нихъ укрылись хоть случайно!

И дивный миръ ихъ души наполнялъ,
И все вокругъ сіяло чистотою,
И къ нимъ входя порой я ощущалъ
Что вотъ сейчасъ же, спугнутый лишь мною,
Отъ нихъ какъ будто ангелъ отлеталъ...
Княжна умѣла обладать собою,
И хоть входилъ я къ нимъ съ доклада слугъ,—
Въ ней точно легкій пробѣгалъ испугъ...

IV.

Ахъ, эти дни! Ужь какъ они далеко!
Я молодъ былъ... я принятъ былъ княжной
Такъ, запросто... О, какъ стоитъ высоко
Она, всегда казалось, предо мной!
Нѣтъ, свѣтъ ея не зналъ, я былъ глубоко
Въ томъ убѣжденъ: плѣняясь красотой,
Героя видитъ только въ полѣ боя!
Нѣтъ, какъ онъ дома, посмотри героя!

И этотъ дѣдовскій, старинный домъ
Въ одинъ этажъ какимъ-то властелиномъ
Съ задумчиво нахмуреннымъ челомъ,
Стоялъ съ своимъ высокимъ мезониномъ,
Съ колоннами... два льва передъ крыльцомъ...
Теперь, увы! запаснымъ магазиномъ
Иль складомъ служитъ, съ улицы же онъ
Другимъ большимъ совсѣмъ загороженъ...

Внутри же эти залы—точно храмы
Исторіи... Портреты вамъ твердятъ:
Бендеры, Куннерсдорфъ, гдѣ самъ упрямый
Великій Фридрихъ былъ разбитъ... весь рядъ.

Все служитъ историческою рамой
Жилымъ покоямъ, гдѣ „Армидинъ Садъ“,
Какъ говорили, гдѣ ужь шло движенье
Вокругъ самой, при новомъ освѣщеньѣ...

Но этотъ старый міръ въ пыли, въ тѣни,
Изъ сумрака вѣковъ какъ бы глядящій
Разумнымъ окомъ, въ шумѣ болтовни
И смѣха строгій видъ одинъ хранящій,
Лишь съ глазу на глазъ намъ про наши дни,
Про насъ самихъ свой судъ произносящій –
Княжна ихъ понимала ль?.. Да!.. Но какъ?
По-своему... Одинъ тамъ былъ чудакъ,

Чудакъ совсѣмъ особеннаго рода,
Не дѣдъ, и не отецъ—послѣдній былъ
Лихой гусаръ Двѣнадцатаго Года
И декабристъ—въ Парижѣ больше жилъ;
Дѣдъ—вольтерьянецъ: вѣкъ такой ужь, мода
Тогда была. Нѣтъ; тотъ который слылъ
При жизни чудакомъ,—глубоко чтила
Его княжна, хоть часто говорила:

„Il me fait peur parfois, мой прадѣдъ—тотъ
Что съ Фридрихомъ сражался. Онъ желѣзный

Былъ человѣкъ; фантастъ во всемъ, деспотъ;
Какъ на войнѣ ни пропасти, ни бездны
Ему ничто, и самъ всегда впередъ,—
Онъ для солдатъ былъ идолъ ихъ любезный—
Таковъ и въ мирѣ! ужасъ наводилъ
На цѣлый край! Чего ужь не творилъ!

„Въ дому—гаремъ; дѣла по всѣмъ приказамъ,—
И вдругъ онъ всю губернію зоветъ
На пиръ. Всѣ ѣдутъ. Всѣ къ его проказамъ
Привыкли. Ждутъ. И вотъ двѣнадцать бьетъ
И въ черной ризѣ входитъ попъ. Все разомъ
Смолкаетъ, музыканты, пиръ. Встаетъ
Съ сидѣнья князь и—въ ноги всѣмъ, прощенья
Прося за всѣ грѣхи и преступленья,

„Гостямъ, женѣ и людямъ, въ ноги всѣмъ.
Приносятъ гробъ—ложится. Попъ читаетъ
Надъ нимъ отходную, и онъ затѣмъ
Какъ бы совсѣмъ изъ міра исчезаетъ...
Дверь на запоръ—и двадцать лѣтъ ни съ кѣмъ
Не говоритъ, не видится. Вкушаетъ
Лишь хлѣбъ съ водой. Когда же умеръ, тутъ
На немъ нашли вериги слишкомъ въ пудъ.

„En v'là un homme!..“ Да, въ человѣкѣ этомъ
Та крѣпкая сказалась старина,
Что́ вынесла Россію... Предъ портретомъ
Подолгу такъ стоитъ порой княжна...
На немъ онъ былъ изображенъ атлетомъ,
Генералъ-аншефъ. Живопись темна,
И лишь глаза, ихъ взглядъ невозмутимый,
Ихъ каждый чувствовалъ кто шелъ лишь мимо.

„Смирился, нянька говоритъ о немъ,
И спасся... и въ ея понятьяхъ это
Возможно и теперь... прійти—во всемъ
Покаяться—и умереть для свѣта!
Въ Ерусалимъ уйти, одной, пѣшкомъ...
Какъ просто все у нихъ! Все кѣмъ-то, гдѣ-то,
Уставлено...“ сказала разъ она...
Я думалъ: ей, хандрите вы, княжна!

А въ Крымъ поѣздка?.. Жажда ль искупленья
Во дни войны туда ее вела?
Тамъ весь дворецъ она въ своемъ имѣньѣ
На берегахъ Салгира отдала
Подъ госпиталь... что̀ ангелъ воскресенья
Для страждущихъ у нихъ одра была...

Охъ, узнаю! подъ бранной лишь грозою
Становишься ты, Русь, сама собою!..

Геройскій духъ, что̀ тамъ осуществилъ
Великую въ народахъ эпопею,
На всѣхъ свой отблескъ славный положилъ,
Всѣхъ озарилъ поэзіей своею...
Генералъ-аншефъ—что̀ жь, доволенъ былъ?
Доволенъ былъ и очень, думать смѣю!
Когда княжна изъ Крыма воротясь,
О тамошнихъ дѣлахъ вела разсказъ,

О томъ какъ подъ огнемъ, на бастіонахъ,
Шутя со смертью, смѣхъ не умолкалъ;
Какъ наконецъ, въ виду враговъ смущенныхъ,
Нашъ старый вождь имъ городъ оставлялъ.
„Въ развалинахъ твердынь окровавленныхъ,“—
Суровый аншефъ точно повторялъ:
„Парижскій миръ—не велика проруха!
За нами главное: побѣда духа!..“

Съ загаромъ на лицѣ, душа полна
Невѣдомыхъ дотолѣ впечатлѣній,
Какъ хороша тогда была княжна!
Что̀ въ этотъ міръ ничтожныхъ треволненій

Въ салонный свѣтъ свой принесла она
И новыхъ чувствъ, и новыхъ откровеній,
Душой святому подвигу ужь разъ
Со всѣмъ народомъ купно причастясь!..

V.

А если—дочь?.. такъ вотъ она, изнанка
И тайный смыслъ тревогамъ и слезамъ!
Такъ вотъ она какая „Итальянка!“
Въ Италіи подобрана, вишь тамъ!
Вотъ для кого нужна и Англичанка,
Француженка и Нѣмка—языкамъ,
Предметамъ обучать, а тамъ, съ годами,
Учителя—и что съ учителями!..

„Вотъ за дѣтей кто Богу дастъ отвѣтъ!“
Княжна, бывало: „ужь не то что Жени,
Большому оглупѣть!.. j'en perds la tête!
Тотъ буквы *ъ* и *ѣ*, а тотъ спряженій
Не признаетъ!.. Поэзіи—ужь нѣтъ!
Одинъ, такъ вмѣсто всякихъ упражненій
Въ грамматикѣ, сталъ дѣвочку учить—
Да нѣтъ! о томъ *мнѣ* стыдно говорить!

„Взяла другаго. Чѣмъ же началося?
Читать стихи далъ Пушкина „Поэтъ“,
И сдѣлалъ двѣсти тридцать два вопроса
Чтобъ дѣвочка на всѣ дала отвѣтъ.
На этомъ—годъ ученье уперлося!
Да всѣ поэты опротивятъ!.. Нѣтъ,
Они—о прелесть!—сдѣлали открытье,
Что нужны намъ не знанья, а—развитье!“

Развитье, впрочемъ, удалось,—хотя
Въ ущербъ грамматики, и Музъ и Грацій
Но что-то въ насъ проснулося, свѣтя
Огнемъ въ глазахъ; мы все, безъ аппелляцій,
Рѣшили въ мигъ; всѣ силы посвятя
Развитью смертныхъ безъ различья націй,
Мы стали „женщиной“ въ осьмнадцать лѣтъ,
Въ которой все новó отъ *A* до *Z*.

Въ то время всѣ, Севастопольскимъ громомъ
Отъ гордой дремоты пробуждены,
Мы кинулись ломать киркой и ломомъ
Все старое, за всѣ его вины;
Вдругъ очутились въ мірѣ незнакомомъ,
Гдѣ снились всѣмъ блистательные сны,

Свобода, правда, честность, просвѣщенье
И даже—злыхъ сердецъ перерожденье...

И у княжны сіялъ тогда салонъ;
Сужденья были пламенны и смѣлы,—
Но умѣрялъ ихъ вкусъ, хорошій тонъ,
И знала мысль разумные предѣлы.
Потомъ все въ стройный облеклось законъ,
И жизнь пошла и началося дѣло,
Корабль былъ спущенъ—лозунгъ кормчимъ данъ—
И мы вошли въ безбрежный Океанъ...

Все Женя слушала—и не бѣда бы...
Но тутъ къ княжнѣ племянничекъ ходилъ,
Блондинъ и золотушный мальчикъ, слабый
И въ золотыхъ очкахъ. Онъ подружилъ
Своихъ „сестричекъ“ съ Женей: „то-то бабы,
Да-съ, Новая Россія!“—онъ твердилъ:
„Не нѣженки, не шваль, не сибаритки!
Все вынесутъ, и казематъ, и пытки!“

Смѣшные были: сядутъ всѣ кружкомъ
Какъ заговорщики; такъ смотрятъ строго
Изъ-подъ бровей и шепчутся тайкомъ.
На все отвѣтъ короткій, словъ не много,

Отрубятъ разъ, и ужь стоятъ на томъ.
Княжна терялась: рѣзкость мысли, слога,
„Ужасный тонъ“ и эта брань на свѣтъ,
Что это міръ фразерства, лжи, клеветъ...

„Откуда это? что́ это такое?
Послушать ихъ, такъ всѣ мы только лжемъ,
Живемъ чтобы жуировать! въ покоѣ
И праздности! свой „комфортъ“ создаемъ
На крови и костяхъ! а остальное—
Народъ, le peuple, держимъ подъ ярмомъ
Въ невѣжествѣ чтобъ намъ покорны были,—
Народъ, который мы жь освободили!..

„А о себѣ что́ думаютъ! какой
При этомъ фанатизмъ! Въ огонь и воду
Сейчасъ готовы! *жертвуютъ* собой!
Увѣрены, что бѣдному народу
Въ нихъ лишь спасенье! Вѣкъ, вишь, золотой
Откроютъ, братство, равенство, свободу!
Ну—пусть племянникъ—онъ ужь изъ пажей
Былъ исключенъ,—но Женя? съ ней что́, съ ней?“

Княжна терялась, и что́ день, то видитъ,
Все хуже. Началось молчанье. Споръ

Лишь вспышками, бывало, только выйдетъ.
И помню разъ: „Всѣ эти толки вздоръ!“
Княжна сказала съ жаромъ: „ненавидитъ
Она меня—вотъ въ чемъ весь разговоръ!“
И разрыдалась. Мнѣ досадно стало:
Вѣдь малодушье только оказала!

VI.

Пропало все веселіе у насъ!
Весь домъ затихъ, и пѣнье замолчало,
И музыка какъ бы оборвалась;
Какъ будто два хозяина въ немъ стало
И надвое душа разодралась
Что́ въ немъ жила и жизнь всему давала,
И стало двѣ, и каждая съ враждой
Слѣдитъ упорно всюду за другой...

„Хоть кто-нибудь прійдите, ради Бога,
Да помогите!..“ Слава въ дни тѣ шла
Про одного въ столицѣ педагога—
Княжна тотчасъ его и позвала,
Про умъ его наслышавшися много,
А главное что велъ свои дѣла

Онъ безъ педантства, дѣйствуя съ успѣхомъ
На молодежь ироніей и смѣхомъ.

Ужь былъ въ чинахъ и въ гору вдругъ пошелъ,
Благодаря проекту пересадки
Какихъ-то къ намъ изъ-за границы школъ.
Введись-ка планъ и всѣ его порядки,
Онъ, увѣряютъ, чудо бъ произвелъ!
Вся бъ наша Русь, отъ Прута до Камчатки,
Однообразіемъ плѣняя взглядъ,
Вся бъ обратилась въ чудный дѣтскій садъ!

Прекрасная и смѣлая попытка
Уравновѣшенья духовныхъ силъ!
У насъ въ умахъ не стало-бъ ни избытка,
Ни недостатка: все бъ онъ устранилъ,
Всѣ бъ ровно шли, ни вяло и не прытко.
И вотъ свой планъ онъ въ общемъ изложилъ;
Потомъ, когда ужь по его расчетамъ
Была пора, онъ ловкимъ поворотомъ

На главный пунктъ направилъ разговоръ,
Что молъ хаосъ вездѣ, раздоръ, тревога:
Мальчишки—даже тѣ вошли въ задоръ,
Учителямъ толкуютъ, что нѣтъ Бога,

Отечество, религія—все вздоръ!
Что требуютъ отъ нихъ ужь слишкомъ много,
И съ важностью взъерошивши вихры,
Шипятъ: одно спасенье—топоры!

„Пусть мальчики бъ одни, молокососы,—
Нѣтъ съ барышнями справы! Покидавъ
И музыку, и пяльцы, рѣжутъ косы,
И, какъ-то вдругъ свирѣпо одичавъ,
Въ лицо кричатъ намъ: вы, молъ, Эскимосы,
У женщинъ все украли! Правъ намъ, правъ!
Работы нáмъ, разбойники, работы!..
Какъ будто мы-то трудимся съ охоты!..“

Онъ былъ доволенъ. Думалъ—удалось.
Смѣялся больше всѣхъ, но не смѣялась
Лишь молодежь; и только поднялось
Все общество, какъ Женичка подкралась
И показала педагогу „носъ“,
И съ хохотомъ наверхъ къ себѣ помчалась;
Блондинъ же хамкнулъ: „въ полдорогѣ, братъ,
Глупцы да подлецы одни стоятъ“.

Какъ полководецъ потерявъ сраженье,
Стоялъ нашъ риторъ... Но грустнѣй всего

Что вывела такое заключенье
Потомъ княжна, по поводу его:
„Пусть Жени неприлично проявленье,—
Но въ сущности и стóитъ онъ того:
Они всѣ—красные! кто́ такъ, изъ моды,
Отъ глупости, кто плутъ ужь отъ природы".

VII.

А занимала Женичка меня!..
Былъ у княжны обѣдъ—кой-кто изъ свѣта
И, между знаменитостями дня,
Ея друзья, извѣстныхъ два поэта.
Одинъ—онъ чудная душа! огня,
Любви исполненъ, жаждалъ мира, свѣта,
Могъ все имѣть, но презрѣлъ блескъ и шумъ,
И предпочелъ свободу чистыхъ думъ...

Онъ горячо душой скорбѣлъ за долю
Что́ Русскому народу суждена.
Разбросанъ по лѣсамъ, прикованъ къ полю,
Онъ искони и самъ, и вся страна
Обречены на вѣчную неволю...
Сперва—Орда!.. едва низложена,

Встаетъ Москва—съ ней батоги и плаха,
И какъ Молохъ царитъ лишь силой страха...

„Чѣмъ можемъ мы гордиться? гдѣ тутъ честь?
Гдѣ рыцарство? Крестовые походы?
Гдѣ революціи святая месть?
Гдѣ истины исканье и свободы?
Что́ человѣчеству могла принесть
Россія въ даръ чтобы ее народы
Благословить могли? Что́ создала?
Угрозой лишь для нихъ всегда была!

„А жаль! Народъ съ душой какъ міръ широкой,
Съ поэзіей, со страстью и умомъ!..“
Всѣ поняли порывъ души высокой,
И князь Андрей воскликнулъ съ торжествомъ:
„Я говорю, поплатимся жестоко
За гордость мы, и бѣды наживемъ:
Дождутся эти наши самоучки,
Что насъ возьмутъ, да въ Азію подъ ручки!“

Тутъ вышелъ споръ... Не чудно ли, ей-ей!
Россія! ты—съ заоблачной главою
Разлегшійся между пяти морей
Чудесный сфинксъ,— а мы передъ тобою,

Предъ вѣчною загадкою твоей,
Кружимъ, жужжимъ подобно мошекъ рою,
И споримъ,—ты же, въ думу углубясь,
Глядишь куда-то... только не на насъ...

Другой поэтъ—онъ, голову понуря,
Сидѣлъ и слушалъ, но въ душѣ его
Ужь видимо накапливалась буря...
О, полное видѣній существо!
Я какъ теперь гляжу: глаза зажмуря,
Какъ бы помимо зримаго всего,
Ты въ глубь вѣковъ уносишься душою,
И говоришь какъ будто самъ съ собою:

„Да, бѣдная Россія!.. Лѣсъ и боръ,
А съ юга—степь! Не обозрѣть равнину!
И въ людяхъ: *родъ возста на родъ*, раздоръ,
Живяху бо по образу звѣрину...
И вотъ туда идетъ съ Аѳонскихъ горъ
Смиренный инокъ, что̀ *во челюсть львину*,
И дикарямъ являетъ идеалъ,
Что̀ на крестѣ Распятый міру далъ...

„Идетъ одинъ—въ лѣса, въ мѣста глухія—
До Соловковъ—и край преображенъ!..

Нахлынули народы кочевые,
Встаетъ Исламъ и Папа, съ трехъ сторонъ
Крушится все, крушится Византія,
Но ужь въ Москвѣ оплотъ сооруженъ,
И пробилъ часъ изъ мрака ей изыти
Какъ третій Римъ, четвертому жь не быти...

„И сталъ отсель ея народовъ духъ
Единъ хранитель истины Христовой...
Что жь? Продолжать?..“ Смотря съ улыбкой вкругъ
Спросилъ поэтъ:—„Одно лишь, впрочемъ, слово!
Мы—высшій свѣтъ—мы спрашиваемъ вдругъ
Что́ создала Россія, и намъ но́во,
Въ чаду чужихъ идей забывъ свое
Припомнить то что́ создало ее!..

„Тамъ—силой міръ былъ сплоченъ феодальный
И пестрый сбродъ племенъ въ одинъ народъ;
Здѣсь весь народъ, дотоль какъ бы опальный
Великое призванье сознаетъ,
И ради той идеи колоссальной
Онъ весь—отъ смерда до царя—идетъ
И государству въ крѣпость отдается,
И терпитъ все, лишь вѣра да спасется!

„И вотъ предсталъ онъ въ образѣ Петра
Предъ міромъ вдругъ какъ грозный тріумфаторъ...
Содрогся міръ: ужь не пришла ль пора
И ужь идетъ Восточный императоръ?..
Но тутъ и блескъ Версальскаго двора
И Запада профессоръ и ораторъ
Плѣнили насъ, повѣрили мы имъ,—
Да на раздумьи грустномъ и стоимъ!..“

Поэтъ умолкъ. Въ его горячемъ словѣ
Послышалась такая глубина
Что смолкли всѣ... „E pur si muove“,
Послышалось—„и все идетъ она,
Все та жь *святая* Русь, своей основѣ,
Сама того не вѣдая, вѣрна!
И все ей въ прокъ! Что̀ нынче такъ оставитъ,
То завтра взять само себя заставитъ“...

То высказалъ какой-то старичокъ,
Когда-то бывшій консулъ на Востокѣ.
Онъ продолжалъ: „Востокъ— намъ свѣтъ, Востокъ!
Въ Россіи—всѣ несемся мы въ потокѣ;
Намъ не видать куда летитъ потокъ,
Что̀ Океанъ могучій и широкій!

Нѣтъ! встань на Гималай, смотри съ Балканъ,
Лишь тамъ поймешь ты этотъ Океанъ!..“

Его слова затронули поэта,
Онъ подхватилъ: „И только бъ раздалось
Съ высотъ Кремля и до высотъ Тайгета
Одно словцо,—и разрѣшенъ хаосъ!
Словцо—Восточный Императоръ“... Это
Я потому привелъ, что весь вопросъ
Тогда же предложилъ на обсужденье
Дѣвицъ, и Женя высказала мнѣнье:

„Нашъ вѣкъ—слова чеканила она—
Вѣкъ личности. И разумъ и свобода—
Его девизъ. Былая жизнь должна
Окончиться для всякаго народа;
И будетъ жизнь людей вездѣ одна,
Безъ государствъ и безъ различья рода
И племени“.—„Коммуна, такъ-сказать?“
„Какъ вамъ угодно можете назвать,

„А ужь такъ будетъ“.—„Это ваша вѣра?“
Спросилъ я.—„Математика“, отвѣтъ.
„Я не люблю ханжи и лицемѣра,
Но искренни тотъ и другой поэтъ,—

Да старики!.. Для нихъ свята химера
Ихъ государства!.. Тысячи вѣдь лѣтъ
Уходятъ на него умы, таланты...
А про святыхъ онъ—ну ужь, обскуранты!“

VIII.

Потомъ я видѣлъ Женю только разъ.
Кой-кто собрался. Свѣтская, живая
Шла болтовня, и Женя, наклонясь
Въ углу между своихъ надъ чашкой чая,
Ну—отпускать „словца“ на всѣхъ на насъ
И вслухъ. „Какая же вы нынче злая“,
Сказалъ я ей, смѣясь, какъ всѣ ушли.
Она жь запальчиво: „жгу корабли!“

Тотъ вечеръ былъ рѣшительный. Пропала
Она изъ виду съ этихъ поръ. Княжна
Старалась скрыть отъ свѣта все, сначала.
Все вышло такъ: оставшися одна,
Ужь проводивъ гостей, она послала
Позвать къ ней Женю. Въ этотъ разъ она
Явилася тотчасъ же предъ княжною,
Но—Боже!—какъ?.. Съ обрѣзанной косою!..

Княжна лишь ахнула. И вдругъ, въ сердцахъ:
„Вонъ, стриженая, вонъ!“ Не дрогнувъ бровью,
Та повернулась и пошла. Въ слезахъ
Легла княжна въ постель. На утро—кровью
Въ ней сердце облилось: нѣтъ Жени! страхъ,
Двоякій страхъ: и поприще злословью,
Да и жива ль?.. И какъ она могла?
И отчего, зачѣмъ, куда ушла?..

Куда ушла!.. Въ невѣдомое море!
Какъ утлый челнъ оторванный волной!
Что жь манитъ такъ тебя въ его просторѣ?
Какую пристань видишь предъ собой,
Безумная!.. Нѣтъ пристани! лишь горе
Да вѣчное скитанье предъ тобой!
И часъ прійдетъ—очнешься ты надъ бездной
Разбитая, одна, во тьмѣ беззвѣздной...

Я говорилъ, но ужь трещалъ канатъ,
Ужь вѣтеръ дулъ; она лишь улыбалась!
Гремѣлъ громовъ далекихъ перекатъ,
Въ ея глазахъ лишь пламя разгоралось,
И на меня поднявъ съ насмѣшкой взглядъ,
Она хотѣла высказать, казалось:

„Ты слышишь ли что́ сердце мнѣ поетъ?
Звучнѣе ль пѣснь мнѣ разумъ твой найдетъ?..“

О, еслибы да нашъ не зачерствѣлый
Въ сомнѣньяхъ умъ иную тему далъ,
И сами бъ мы увѣренно и смѣло
Держали путь на свѣтлый идеалъ,—
Иную пѣснь тогда бъ ей сердце пѣло,
Иной бы вѣтеръ челнъ ея помчалъ!..
Но развѣ въ насъ душа такъ обнищала,
Что у самихъ у насъ нѣтъ идеала?

И, цвѣтъ народа, мы бредемъ въ потьмахъ,
И мечемся въ кругу какъ эфемеры,
Безъ вѣрной цѣли, безъ любви въ сердцахъ,
Безъ корня, безъ плода?.. Для насъ—химеры
Добро и зло? и для всего въ рукахъ
У каждаго свои вѣсы и мѣры?
Нѣтъ идеала, нѣтъ того у насъ
Что́ живо такъ въ инстинктѣ темныхъ массъ?

Нѣтъ, много ихъ, но служатъ лишь отзывомъ
Всѣ на чужой! Побрежный людъ, должны
Бороться мы безъ устали съ приливомъ
Къ намъ издали катящейся волны...

Взлетитъ къ намъ всплескъ неистовымъ порывомъ
Богъ знаетъ гдѣ взмущенной глубины,
Зальетъ поверхность, и, до новой смѣны,
Уйдетъ, оставя гнить здѣсь клубы пѣны...

IX.

Отъ Жени, впрочемъ, на столѣ у ней
Нашлась записка: „Рано или поздно
Мы разойтись должны, и чѣмъ скорѣй
Тѣмъ лучше. Вмѣстѣ жить, глядѣть же розно—
И тяжело и подло. Изъ дѣтей
Я вышла. Въ жизнь давно смотрю серьозно.
Иду. Вамъ не понять чего ищу.
Ищу я *правды*; правды лишь хочу".
И все. . . . . .

X.

О какъ съ тѣхъ поръ всѣ измѣнились лица!
И какъ неправъ къ княжнѣ я былъ! О ла,
Видалъ я, то какъ бѣшеная львица
По комнатѣ металась: „Я сильна,
Скажу лишь слово, и она, срамница,
Ужь будетъ здѣсь!.. Я ѣзжу къ ней, княжна!

Прошу, молю... и что́ жь я ей? Забава?
Наладила одно: — У васъ нѣтъ права!“

Не то, такъ слезы, малодушный стонъ.
Лицо въ подушку, и рыдаетъ страстно...
Я изумленъ бывалъ и возмущенъ.
Я думалъ: вотъ онъ, деспотъ самовластный!
Привыкла жить и не встрѣчать препонъ,
И вдругъ теперь отъ сироты несчастной
Нашла отпоръ!.. Конечно, права нѣтъ!
Не дочь тебѣ и вышла ужь изъ лѣтъ...

Но... еслибъ знать что въ этихъ мукахъ лютыхъ
Больное сердце матери скорбитъ;
Что это—львица въ собственныхъ же путахъ
Захлестнута, безсильная, лежитъ;
Что въ этихъ горькихъ дняхъ, часахъ, минутахъ,
Всей жизни ложь несчастную казнитъ...
О какъ теперь все кажется иначе!
Любви что́ было въ гнѣвѣ томъ и плачѣ!...

Любви!.. И вотъ чего ей не понять:
„Такъ измѣниться вдругъ!.. И отчего же?
Ребенкомъ безъ меня не шла и спать,—
Откуда жь ненависть? за что́? за что́ же?“

Да, да, княжна! теперь могу сказать:
Въ госпиталѣ вамъ легче было (Боже!),
Гдѣ вольный крестъ на рамена взложивъ,
Вы въ воздухѣ вдыхали кровь и тифъ!..

Такъ слишкомъ годъ прошелъ. О бѣгствѣ Жени
Узнали всѣ, жалѣли о княжнѣ.
Сама она отъ первыхъ потрясеній
Ужь успокоилась, и даже мнѣ,
О ней ни слова. Впрочемъ на домъ тѣни
Какъ будто пали. Въ мертвой тишинѣ
Княжна какъ будто погреблась. Часами
Сидитъ, охватитъ голову руками,

Не слышитъ ничего, не говоритъ...
Или въ огромномъ залѣ ходитъ, ходитъ...
Поѣдетъ вдругъ въ соборъ и тамъ стоитъ,
Спустивъ вуаль; съ Пречистой взглядъ не сводитъ,
И руки жметъ, душой вся къ Ней летитъ,
И шепчетъ Ей, и точно не находитъ
Словъ, наконецъ, на помостъ упадетъ...
А вкругъ—кадилъ бряцанье... хоръ поетъ...

Такъ подошелъ и балъ. И какъ все было,
Мнѣ куафёръ разсказывалъ потомъ.

Княжна казалась въ духѣ, и шутила,
Прической любовалась и вѣнкомъ...
Вдругъ входитъ та, да разомъ и хватила:
„Позвольте документы о моемъ
Рожденьи. Замужъ выхожу. Желаютъ
Читать попы. Иначе не вѣнчаютъ“.

Княжна глядитъ недвижна и нѣма.
Та жь, глазъ не опуская, безъ смущенья:
„А не дадите, такъ пойду сама
И разкажу все въ Третьемъ Отдѣленьѣ.
Я знаю, чья я дочь.“—„Да ты съ ума
Сошла! чья дочь!“—„Да ваша“. Въ то жь мгновенье
Глядимъ, княжна шатнулась: „Эдуаръ“,
Кричитъ—„воды!“—И кончилась. Ударъ.

Тутъ шумъ и гвалтъ. Никакъ уже скандала
Не избѣжать. Прихлынули толпой.
Очнулась няня первая и стала
Всѣхъ просто гнать. Тотчасъ, сама собой,
Ставъ выше всѣхъ, одна уже вступала
Въ безспорныя права надъ трупомъ той,
Что́ ей младенцемъ, съ Божья изволенья,
Была дана въ любовь и береженье.

Осталась только Женя какъ была,
Да я промѣшкалъ нѣсколько мгновеній.
Крестясь, старуха къ трупу подошла.
„Чего жь стоишь, простись!“ сказала Жени.
Та только тутъ какъ будто поняла.
Въ лицѣ невольныхъ нѣсколько движеній,
И вдругъ—что́ вижу?—Женя—Боже мой!..
Та, гордая, статуей роковой

Стоявшая, какъ будто ледяная,
Обрушилась внезапно надъ княжной,
И страстно трупъ холодный обнимая,
Къ княжнѣ на грудь прижалась головой
И плакала... и плакать не мѣшая,
Взглядъ на нее кидая лишь косой
Кругомъ старушка стала прибираться...
Мнѣ долѣе не шло ужь оставаться...

XI.

О, тутъ романъ и интересъ огромный,
Я чувствовалъ... Но нить ужь порвана!
Одинъ источникъ, но источникъ темный,
Старушка няня, и притомъ она

Къ княжнѣ пристрастна, вѣрный, не наемный,
Старинный человѣкъ, и хоть умна,
Но гдѣ жь понять ей высшихъ сферъ волненье,
И тонкость чувствъ, и даже словъ значенье!..

Весь вѣкъ съ княжной, и странствовала съ ней
И на воды и по столицамъ міра,
Видала жизнь народовъ и людей
До береговъ почти Гвадалквивира,
Фортуны прихоти, игру страстей,
Всего видала на вѣку, но мира
Души ея ничто не потрясло,
И, какъ миражъ, все мимо лишь прошло...

Ничто ее не подчинило игу
Ни чуждыхъ формъ, ни вѣяній чужихъ;
Неся свой крестъ какъ вольную веригу,
Она жила все въ мірѣ душъ простыхъ,
Гдѣ набожно одну читаютъ книгу,
Одной лишь вѣрятъ: Житія Святыхъ,
Какъ встарь еще, въ блаженные тѣ вѣки,
О внутреннемъ радѣя человѣкѣ...

Но какъ же быть! Всѣ бросилися къ ней
Какъ на медовый цвѣтъ шмели и осы.

„И каково жь! представьте (князь Андрей
Разсказывалъ потомъ): на всѣ разспросы
Насупилась, молчитъ! глядитъ темнѣй
Чѣмъ изъ-подъ тучъ Каламовы утесы!
Ужь я просилъ, все ставилъ ей на видъ,
И соблазнялъ, и уличалъ,—молчитъ!..“

Я спрашивать не думалъ ужь ни мало,
И вообще, жалѣлъ лишь о княжнѣ.
„Вотъ подивись, она мнѣ разсказала:
Вхожу къ ней утромъ. Вижу—вся въ огнѣ,
И говоритъ—какъ разъ канунъ былъ бала—
Я видѣла прадѣдушку во снѣ:
Что́ жь? говорю.—Да приходилъ за мною.
Ну полно, я опять, Господь съ тобою!

„Перекрестила, ну, молъ, ничего!
Анъ—вотъ и сонъ!“ Межь тѣмъ ужь въ ходъ пустили
И телеграфъ, и почту; до всего
Дошли и все какъ должно разъяснили,
И князь Андрей скакалъ (о торжество!)
Разсказывать какія вѣсти были
Получены имъ первымъ: въ мигъ одинъ
Онъ просіялъ и выросъ на аршинъ!

Я, кажется, безъ очерка оставилъ
Вамъ князь-Андрея? Впрочемъ про него
Что́ жь и сказать? Себя онъ не прославилъ
Ничѣмъ, хотя честили всѣ его;
Ни чертъ лица особенныхъ, ни правилъ...
Милѣйшее былъ, впрочемъ, существо!
Княжна, его хоть въ шутку называла
Le Prince Tout le Monde, но учень уважала.

„Cette pauvre princesse!“ онъ говорилъ: „какъ разъ
Tout est connu! Теперь все очень ясно!
Экстазъ, религіозный былъ экстазъ—
И—оскорбленье! Переходъ ужасный!
Душа искала пищи, а у насъ
Гдѣ эта пища—да съ такою страстной
Притомъ натурой?.. Ну-съ, въ Парижѣ былъ
Тому лѣтъ двадцать проповѣдникъ. Слылъ

„Онъ за святаго. Дѣлалъ обращенья
Во множествѣ. Un saint François собой,
Аскетъ, траппистъ. Княжнѣ какъ откровенье
Онъ свыше былъ. Всей бросилась душой
Въ католицизмъ. Ужь всѣ приготовленья
Окончены, и вдругъ какъ громовой

Ударъ—уѣхала!.. И вотъ теперь—разгадка!
Faut convenir что сдѣлано все гладко!“

И радъ былъ, радъ и счастливъ князь Андрей.
Свѣтъ былъ не то что радъ, но злоязычью
Дать пищу радъ; радъ каждый былъ пигмей
Подставить ножку падшему величью
(Самоуслада маленькихъ людей),—
Но внѣшнему не измѣнилъ приличью,
Въ глубокомъ траурѣ и въ орденахъ
На пышныхъ весь онъ былъ похоронахъ...

Шли рѣчи въ группахъ... образъ величавый
Еще въ сердцахъ у всѣхъ былъ какъ живой.
И кто ее замѣнитъ: столько здравой
Въ ней было мысли, этотъ взглядъ прямой,
Возвышенный характеръ, вкусы, нравы...
Вопросъ же на счетъ Жени, судъ людской
Такъ порѣшилъ: „да! анекдотъ скабрёзной,
Но ей вольно же брать все такъ серіозно!..“

„Что̀ анекдотъ! ну лопнула струна,
Не въ этомъ дѣло!—слышалось сужденье—

Тутъ—историческій моментъ! Княжна—
Полнѣйшее его лишь выраженье.
Въ исторіи нѣтъ личностей. Одна
Идея смыслъ даетъ имъ и значенье“—
Сказалъ одинъ адъюнктъ—конечно, вздоръ,
Но подхвативши этотъ приговоръ,

Москвичъ извѣстный—борода большая—
Припомнилъ вотъ что: кто-то разъ весной,
Княжну въ чужіе краи провожая,
Сказалъ ей вслѣдъ: „поѣхала домой!..“
О Жени тоже что она „такая
Какъ и княжна, но только вѣкъ иной
Въ нихъ въ каждой книжка говоритъ чужая,
Въ княжнѣ одна, а въ дѣвочкѣ другая“.

О Жени, кстати, отзывъ привелось
Иной мнѣ слышать. Встрѣтились „сестрички“,
И въ голосъ прокричали на вопросъ:
Что́ Женя?—„Сволочь! барскія привычки!
Разрюнилась, какъ дѣйствовать пришлось!“
И вдаль помчались, стайкою какъ птички,
Какъ будто несъ ихъ вихорь-богатырь,
Что́ по Руси гуляетъ вдоль и вширь...

XII.

Итакъ—княжна... Но—миръ во гробѣ спящимъ!
И грѣхъ живымъ, идущимъ къ ихъ гробамъ
Съ своимъ судомъ, лишь въ злобѣ дня судящимъ
И въ похвальбѣ своимъ дѣламъ и днямъ!
И мы, чредой, и съ нашимъ настоящимъ
Предстанемъ всѣ къ такимъ же судіямъ...
А кто безгрѣшенъ? Всѣ мы—человѣки!
Миръ праху твоему, княжна, во вѣки!

Два слова, впрочемъ. Няня сорокъ дёнъ
Служила панихиды, все какъ надо.
По случаю какихъ-то похоронъ
Я съ нею встрѣтился. Казалось, рада,
Что видитъ, ласковый, спокойный тонъ.
Рѣчь о княжнѣ, конечно,—вотъ—отрада
Была ей Женя, да и та... „Да, да,
Вздохнувъ она сказала—молода,

„Еще глупа; ни что́ къ добру что́ къ худу—
Понятья нѣтъ!.. Вонъ—замужъ-то идетъ:
Я только такъ, молъ, съ нимъ и жить не буду!..
Всѣ на нее теперь что вотъ, молъ, вотъ!..

Дивятся дѣтской дури, словно чуду!
Эхъ, другъ! *и небо, и земля пройдетъ*,
А дурь-то нешто вѣчная? Минуетъ!
Духъ у нея большой. Вотъ и бушуетъ...

„Княжна, бывало, по ночамъ не спитъ,
За что́, молъ, на меня-то держитъ злобу!
А, чай, теперь въ нуждѣ какой сидитъ!
Снеси-ка, денегъ дастъ мнѣ, да попробуй,
Пообразумь. Прійду: нѣтъ, говоритъ,
И не моги! Нога моя до гробу
Не будетъ къ вамъ. А денегъ—хоть умру,
А не возьму.—Ну въ эдакомъ жару,

„Гляжу, что́ дѣлать? Время только трачу!
А бѣдность-то кругомъ: диванчикъ, столъ
Да стулъ—и все!.. Вѣдь забрала жь задачу?
Гостей встрѣчала у нея. Пришелъ
Разъ цѣлый сонмъ. Галдятъ! А я-то плачу;
Въ уголушкѣ сижу. Да съ кѣмъ тѣ свелъ
Непутный, говорю. Она жь:—Да, путныхъ мало!
Сама, поди жь ты, это понимала“...

„А что́ теперь она?“—Да какъ сказать!
Никто какъ Богъ! Захочетъ, сердце тронетъ.

Что́ гордость-то людская? Благодать,
Земныхъ владыкъ, и тѣхъ главу приклонитъ!..“
Тутъ, признаюсь не съ тѣмъ чтобы болтать
Ее заставить, я сказалъ: „прогонитъ
Всю эту дурь, какъ разглядитъ, она—
Какъ прогнала жь вѣдь патера княжна“...

Старушка на меня взглянула косо,
И поднялася съ мѣста, отъ меня
Боясь прямаго можетъ-быть вопроса,
Но обернулась... Изумился я:
Я чувствовалъ, что̀ скорби поднялося
Въ ея душѣ! И, голову склоня,
„Коли судить, сказала мнѣ, берешься,—
Слыхалъ ли то: не падши, не спасешься?..

„Затѣмъ—прости!“ И тихими шагами
Вдаль побрела. Смотрѣлъ я долго вслѣдъ.
Тутъ свѣжій холмъ усыпанный цвѣтами,
Ея любовь и гордость столькихъ лѣтъ,
Та что́ прошла побѣдными стопами
Свой въ мірѣ путь, вкругъ разливая свѣтъ,
Дѣля *со всѣми* блескъ, всѣ жизни розы,—
Съ *одной* лишь съ ней—страданія и слезы.

Но отчего жь?.. И кто ей указалъ?..
Та для кого великія стремленья
И всякій высшій вѣка идеалъ
Доступенъ былъ и близокъ,—утѣшенье
Нашла лишь тамъ куда не проникалъ
Ни блескъ, ни шумъ всемірнаго движенья,
Гдѣ теплится лампада да однѣ
Лишь шепчутся молитвы въ тишинѣ...

Пылинка влаги, въ небеса взлетая,
Тамъ золотомъ горитъ и серебромъ,
То въ радугахъ цвѣта переливая,
То разнося и молнію, и громъ...
Отбушевавъ и отблиставъ, кончая
Свой горній путь, теряется потомъ
Въ бездонныхъ глубинахъ, гдѣ отъ начала
Ни зыби не было, ни бурь, ни шквала...

Счастливъ, тысячекратъ, счастливъ народъ,
Въ чьемъ духѣ есть тѣ жь глубины святыя,
Невозмутимыя и въ дни невзгодъ,
Гдѣ всякія страданія земныя
Врачуются, гдѣ разумъ обрѣтетъ

И нищій духомъ на дѣла благія,
Затѣмъ что тамъ отъ искони вѣковъ
Царитъ всецѣло чистый духъ Христовъ.

1877.

ДВА МІРА.

ДВА МІРА.

Два міра.

ТРАГЕДІЯ.

По поводу трагедіи „Два Міра“ считаю необходимымъ сказать нѣсколько словъ. Давно, еще въ моей юности меня поразила картина столкновенія древняго греко-римскаго міра, въ полномъ разцвѣтѣ началъ лежавшихъ въ его основаніи, съ міромъ христіанскимъ, принесшимъ съ собою новое, совсѣмъ иное начало въ отношеніяхъ между людьми. Я тогда же попытался изобразить ее въ поэмѣ *Олинъ и Эсвиръ*. Затѣмъ слѣдовала поэма *Три Смерти*, вторая часть которой, именно встрѣча съ христіанами, такъ и осталась недописанною. Въ 1863 году явилась и эта вторая часть, и поэма была напечатана въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, подъ заглавіемъ *Смерть Люція*. Далѣе, однако, углубляясь въ изученіе того и другаго міра, я чувствовалъ всю недостаточность, всю внѣшность чертъ, какими характеризовалъ ту и другую сторону въ моихъ опытахъ, и къ 1872 году поэма у меня совершенно пересоздалась. Въ *Смерти Люція* героемъ представителемъ греко-римскаго міра у меня являлся эпикуреецъ; но этого мнѣ показалось мало. Герой долженъ былъ вмѣщать въ себѣ все, что древній міръ произвелъ великаго и прекраснаго: это долженъ былъ быть великій римскій патріотъ, могучій духомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ Римлянинъ уже воплотившій въ себѣ всю прелесть и все изящество греческой образованности. Эпикуреецъ остался далеко назади предъ этимъ образомъ. Вокругъ этого новаго героя, котораго я назвалъ Деціемъ, чтобы порвать всякое отношеніе къ эпикурейцу, я сосре-

доточилъ все разнообразіе элементовъ современнаго ему римскаго общества временъ паденія, какъ фонъ, на которомъ должна была нарисоваться его фигура. Здѣсь я уже сдѣлалъ все что могъ въ изображеніи языческаго міра. Но понять христіанскій міръ не только въ отвлеченномъ представленіи, а въ живыхъ осмысленныхъ образахъ. въ отдѣльныхъ личностяхъ, оказалось гораздо труднѣе чѣмъ сладить съ міромъ языческимъ. Какое-то внутреннее неудовлетворявшееся чувство не давало мнѣ успокоиться, и я не пропускалъ ничего что могло познакомить меня ближе съ духомъ, образомъ и исторіей первыхъ христіанъ, главное почерпая свѣдѣнія уже не изъ вторыхъ и третьихъ рукъ, а ища ихъ прямо въ литературѣ, во главѣ которой стоитъ Св. Евангеліе. Такъ мало-по-малу, безъ вѣдома для меня самого съ какою цѣлью я это дѣлаю, у меня накопился матеріалъ, позволившій мнѣ теперь выполнить вполнѣ мою первоначальную идею и даже по тому плану, какой былъ составленъ до 1872 года. Планъ этотъ слѣдующій. Поэма должна состоять изъ трехъ частей (или актовъ). Первая часть — изъ двухъ сценъ, изъ коихъ одна должна была служить преддверіемъ къ христіанскому міру, а другая къ языческому. Обѣ сцены были написаны тогда же. Вторая часть должна ввести насъ въ самый христіанскій міръ, имѣвшій свой центръ въ Римѣ—въ катакомбахъ. Она-то мнѣ и не давалась и является только теперь. Третья часть—пиръ Деція, явленіе къ нему друзей его, христіанъ Марцелла и Лиды, и смерть его. Такимъ образомъ въ трагедіи, какъ она появляется нынѣ, вся вторая часть новая; первая сцена первой части вся передѣлана, а заключительная сцена третьей части значительно измѣнена.

Можетъ быть многимъ покажется страннымъ, что человѣкъ чуть не всю свою жизнь возится съ одною художественною идеей, или по крайней мѣрѣ столько разъ къ ней возвращается. Но видно я слѣдовалъ инстинкту, подсказывавшему мнѣ, что лучше сдѣлать что-нибудь одно да „по мѣрѣ силъ“...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

На одномъ изъ холмовъ Рима входныя ворота въ палаты Деція, знатнаго римскаго патриція временъ Нерона. По обѣимъ сторонамъ воротъ на цѣпи по рабу: старецъ Іовъ и молодой человѣкъ Дакъ. Іовъ въ забытьи, прислонясь къ стѣнѣ. Къ Даку подходитъ его однолѣтокъ Гетъ. Оглядѣвшись во всѣ стороны, онъ садится рядомъ съ Дакомъ. Весь разговоръ ихъ полушепотомъ, настроеніе ихъ таинственное.

ГЕТЪ.

Что́ старецъ дремлетъ?

ДАКЪ.

Тс! Молчи!
Какъ будто задремалъ немного,
А можетъ-быть и нѣтъ. Въ ночи
Съ нимъ было чудо: видѣлъ Бога.

ГЕТЪ.

Какъ видѣлъ Бога?

ДАКЪ.

Говорилъ
Онъ какъ, да слабъ ужь очень былъ,
Невнятно. Часъ пожалуй цѣлый
Лежалъ онъ словно помертвѣлый.
Такъ страшно было! Я будилъ,
Не слышитъ.

ГЕТЪ.

Бога видѣлъ!
А впрочемъ, если ужь кому
И видѣть Бога, такъ ему!
Ну есть ли кто кого бъ обидѣлъ
Хоть словомъ онъ?.. Вотъ за кого
Я бъ душу отдалъ—понимаешь,
Такъ, чтобъ въ мученьяхъ!..

ДАКЪ.

А ты знаешь
У цѣпи онъ изъ-за чего?

ГЕТЪ.

Нѣтъ.

ДАКЪ.

Видишь, прежде онъ въ почетѣ
Былъ въ домѣ. Ни къ какой работѣ
Не понуждали. Господинъ
Съ нимъ разговаривалъ. Одинъ
Вотъ этотъ Давусъ ненавидѣлъ,
И разъ сталъ бить его. У насъ
Былъ мальчикъ: это онъ увидѣлъ,
Да хвать за ножъ, и тутъ какъ разъ
Конецъ бы Давусу, да кто же

Его, какъ думаешь ты, спасъ?
Самъ старецъ Іовъ.

ГЕТЪ.

Боже! Боже!

ДАКЪ.

Да, ухватилъ и удержалъ.
А Давусъ: „это“—закричалъ—
„Твои дѣла! ты ихъ сбираешь,
„Ты ихъ мутишь и развращаешь,
„Да у меня коротокъ судъ“.
Ну—мальчика къ муренамъ въ прудъ,
А старца къ цѣпи!

ГЕТЪ (*подумавъ*).

А кто знаетъ?
Вѣдь мальчикъ-то теперь въ раю!
Все жь душу положилъ свою
За ближняго!.. Вотъ что бываетъ
Со мною: будто у меня
Есть врагъ; и я иль изъ огня,
Иль изъ воды его спасаю;
И на меня дивится онъ.
И вотъ ему я объясняю
Что ужь таковъ Христовъ законъ:

„Люби врага“... И такъ все живо,
И говорю, и самъ горю,
И даже плачу. . . . . .

(*Молчаніе*).

ДАКЪ.

А ты во снѣ видаешь домъ?

ГЕТЪ.

Ужь рѣдко.

ДАКЪ.

Ну, а я видаю.
У насъ крутой былъ спускъ къ Дунаю,
А противъ поле, и на немъ
Становятъ станы: все кругомъ,
Все вѣжи.. шумъ такой и ржанье...
Тутъ какъ-то снилось что пришли
Съ войны и плѣнныхъ привели
И ихъ готовятъ на закланье
Богамъ. И началъ я просить
Чтобъ ихъ не трогали; хулить
Сталъ идоловъ, и—закричали
И на меня всѣ разомъ—взяли
И тащутъ и хотятъ убить,
А я-то все за нихъ молюся...

И старецъ Іовъ вдругъ ужь тутъ

Явился...

(Слышно хлопанье бича. Гетъ вскакиваетъ и смотритъ съ горы; возвратясь впопыхахъ:)

ГЕТЪ.

Давуса несутъ...

Бѣгомъ да въ гору!

(Толкаетъ Іова).

Старче!

Проснися! Давусъ!..

(Убѣгаетъ).

Подбѣгаютъ десять рабовъ, несущіе золотыя носилки, и ставятъ ихъ передъ воротами. Какъ остановились, двое изъ нихъ упали безъ чувствъ, остальные съ трудомъ переводятъ духъ. Изъ носилокъ вылѣзаетъ толстый дворецкій Деціевъ, Давусъ.

ДАВУСЪ (*расправляя руку, держащую плеть*).

Мерзавцы! Ломитъ вѣдь плечо!

Сегодня умирать изволитъ

Ихъ господинъ, а имъ еще

Прибавить шагу трудно!..

(Смотритъ на упавшихъ).

Пали

Собаки! слабосильны стали!

(Ударяя Дака плетью).

Ты что́ глазѣешь? Отворяй?

(Къ носильщикамъ, увидѣвъ что они хотятъ поднять упавшихъ).

Да бросьте: мало ихъ!.. Ступай
Вы всѣ впередъ, бѣгомъ! стучите
Въ большую доску десять разъ;
Потомъ чуть-чуть повремените—
Опять ударить десять разъ!
Еще чуть-чуть повремените—
Опять ударить десять разъ!
Пиръ на весь Римъ!.. Ну что̀ стоите!

(Рабы бѣгутъ; Давусъ имъ вслѣдъ).

Чтобъ вылѣзали всѣ изъ норъ!
Бѣжали бъ къ дѣлу всѣ, весь дворъ,
Чтобъ всѣ одѣты, чисты были!..

Чего не позабылъ ли?.. Ну
Не въ первый разъ! Римъ покормили
Въ свой вѣкъ, и кесари хвалили!
Хоръ, танцы—этимъ я начну;
Цвѣты ко всякимъ перемѣнамъ,
Бой гладіаторовъ—финалъ!

(Оглядываясь на рабовъ).

Лишь бы изъ нихъ кто не сплошалъ...
Да у меня—тотчасъ къ муренамъ!
Не знаю все—что́ мой народъ?

Ужь смирны очень, терпѣливы...
Нѣтъ воровства совсѣмъ!.. идетъ
Все въ струнку... Только молчаливы,
И что-то шепчутся... И къ нимъ
Все кто-то шмыгаетъ, къ собакамъ...
Охъ, на волканѣ мы стоимъ!
Спартакомъ пахнетъ, да! Спартакомъ!

(*Уходитъ въ ворота*).

ДАКЪ (*затворивъ двери, къ упавшимъ*).

Сс!.. Азіатикъ! Буривой!
Не слышатъ...

Входитъ Лида, молодая женщина, въ темной туникѣ, съ бѣлымъ покровомъ на головѣ, низко спускающимся на лицо; за нею нѣсколько человѣкъ христіанъ.

ЛИДА (*увидя трупы*).

Это кто?.. Кровь льется...
Несите внизъ туда къ больнымъ. (*Нѣсколько человѣкъ уносятъ тѣла*).

ДАКЪ.

Надорвались!.. Не жить ужь имъ!..
Жаль Буривоя... вмѣстѣ взяли
И привели насъ...

ІОВЪ *(съ тихою скорбью; вообще рѣчь его кроткая).*

Отстрадали
Свой вѣкъ и къ Господу предстали,
И предъ Его теперь лицомъ...
Святую кротость ихъ помянетъ
Всевышній на судѣ Своемъ!

ДАКЪ.

И вотъ же, въ эту жь ночь предстанетъ
И господинъ туда, и тамъ
Ихъ встрѣтитъ... Здѣсь собой надменный,
Великій, недоступный намъ,
А тамъ—изъ огненной геенны
Смотрѣть онъ будетъ въ свѣтлый рай,
Къ своимъ рабамъ!..

ІОВЪ.

Не упреждай
Господень судъ!

ЛИДА.

О господинѣ
Ты что́ сказалъ?

ДАКЪ.

А хочетъ нынѣ
Онъ умирать...

ЛИДА.

Онъ боленъ!

ДАКЪ.

Нѣтъ.

Сказалъ тутъ Давусъ — умираетъ
Сегодня...

ЛИДА (*про себя*).

Боже! И его
Я не спасу!..

ДАКЪ.

Весь Римъ сзываетъ
На пиръ. И Давусъ оттого
Въ тревогѣ...

ЛИДА.

Децій умираетъ!
Онъ, Децій! Да вѣдь въ немъ весь Римъ
Въ вѣкахъ держащійся корнями —
И сдвинуть слабыми руками
Мнѣ, женщинѣ?.. О нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!..
Безумная! а ты обѣтъ
Себѣ давала... (*Къ Іову*). Отче, можетъ
Повѣрить онъ?

ІОВЪ.

Чего не можетъ
Господь? велитъ Онъ, и гора
Подвигнется ..

ЛИДА.

Вѣдь онъ добра,
Онъ истины искалъ...

ІОВЪ.

Помилуй
Всѣхъ, Господи! всѣмъ даруй силу
Гордыни тяжесть провозмочь
И распознать гдѣ день, гдѣ ночь!

ЛИДА.

Къ тебѣ я, отче; вотъ въ чемъ дѣло.
Поручено мнѣ отъ Марцелла
Сказать, что выйдетъ можетъ-быть
Декретъ сегодня жь: объявить
Чтобъ завтра утромъ мы явились
Къ властямъ; какъ Богу поклонились
Статуѣ кесаря, а нѣтъ—
То смерть. Чтобъ обсудить рѣшенье
Всѣхъ въ катакомбы на совѣтъ
Зоветъ Марцеллъ.

ДАКЪ (*восторженно къ Іову*).

Твое видѣнье!..

ЛИДА.

Предложатъ каждому одинъ
Вопросъ: ты кто? христіанинъ?
Отвѣтишь — да, и отбираютъ,
Къ звѣрямъ иль въ пламя назначаютъ,
И тутъ же всѣхъ пытать тотчасъ,
Чтобъ въ мукахъ вырвать подтвержденье
Всего что́ взводится на насъ.

ДАКЪ.

Вотъ ангеловъ зачѣмъ видѣнье!

ЛИДА (*къ Іову*).

О чемъ онъ, отче, говоритъ?

ДАКЪ (*живо, указывая на Іова*).

Сегодня ночью откровенье
Имѣлъ онъ свыше!..

ІОВЪ.

Смыслъ сокрытъ
Видѣній... врядъ ли подобаетъ
Объ этихъ тайнахъ говорить...
Хотя и то же можетъ быть:

Господь въ видѣньѣ возвѣщаетъ
Свою намъ волю...
Да! со мной
Свершилось нынѣ то что даже
Я и теперь какъ самъ не свой...
Сидѣлъ я здѣсь, и надъ собой—
А время шло къ четвертой стражѣ—
Вдругъ слышу голосъ: „встань!“ и вдругъ
Какъ будто что̀ меня подняло
На высоту — и только духъ,
А тѣло на землѣ лежало,
Что риза снятая — его
Я видѣлъ: блѣдно и мертво,
И безъ движенья... подивился
Я самъ въ себѣ и взоръ возвелъ
На небо, и какъ бы раскрылся
Тамъ облакъ... вижу я: престолъ
И Нѣкто былъ на немъ Сидящій
И свѣтъ великій вкругъ Него
Какъ бы отъ солнца исходящій
Въ пространство отъ лица Его;
И словно въ радужномъ туманѣ,
Съ блистаніемъ мечей и латъ,
Полки несмѣтные ко брани
Готовые кругомъ стоятъ;

И съ распростертыми крылами,
Внизу, на воздухѣ предъ Нимъ
Все были ангелы съ мечами
Въ рукахъ... и говорилъ Онъ имъ:
„Которые не поклонились
„Кумирамъ идольскимъ, ни мукъ,
„Ни смерти злой не устрашились,—
„Блюдите души ихъ..." и вдругъ,
Вспумѣвъ крылами, обернулся
Къ землѣ сонмъ ангельскій, и внизъ
Они въ пространство понеслись...
Я поглядѣть на нихъ нагнулся,
Но облакъ быстро запахнулся,
И скрылось все... Темно кругомъ—
И такъ мнѣ тяжко, страшно стало!
И я глаза открылъ съ трудомъ
И все, какъ прежде—портикъ, домъ,
И цѣпь, все тутъ... Чуть-чуть свѣтало...

ОДИНЪ СТАРИКЪ (*благоговѣйно*).

Господь ужь это... по дѣламъ
Твоимъ... восхитилъ къ небесамъ
Твой духъ... быть-можетъ упреждаетъ
Черезъ тебя что Самъ идетъ
Судить и знаменье даетъ...

ІОВЪ.

Когда Господь придетъ, не знаетъ
Никто!.. и міръ Его узритъ
Внезапно, во мгновенье ока,
Какъ молнія: блеснетъ съ Востока
И разомъ небо озаритъ
До края запада...

ЛИДА.

...Теперь, отецъ, прости,
Иду къ другимъ.

ІОВЪ.

Всѣмъ повѣсти!

ДАКЪ *(ей вслѣдъ).*

Ужь завтра встрѣтимся быть-можетъ
При гласахъ трубныхъ... день суда!

ЛИДА (*дѣлаетъ нѣсколько шаговъ и останавливается*).

Сердца ихъ радуются... Да!
Но душу мнѣ еще тревожитъ
Обѣтъ не совершенный мной...

(*Оглядываясь на дворецъ* ***Деція***).

О, Децій, Децій... Боже мой!
Ужель и въ мигъ когда надъ бездной

Уже стоитъ онъ, Ты ему
Не бросишь лучъ свой съ тверди звѣздной
Во всю имъ пройденную тьму!..

(*Уходитъ*).

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Комната въ термахъ. Децій, богатый римскій патрицій, отдыхаетъ послѣ бани, окруженный клiентами. Вдали, у выходной арки, толпа рабовъ. Ювеналъ, молодой человѣкъ, заглянувъ въ комнату, поспѣшно входитъ.

ЮВЕНАЛЪ.

Ахъ, Децій! на одно мгновенье!

(*По знаку Децiя клiенты и рабы удаляются*).

ЮВЕНАЛЪ.

Ужели правда?

ДЕЦІЙ.

Жаль одно!
Задумалъ я уже давно,
Да отлагалъ все исполненье,
И кесарю доставилъ честь
Напомнить! вотъ что́ мнѣ обидно!
Я знаю, стоитъ произнесть
Мнѣ только слово—съ тѣмъ безстыдный
И назвался ко мнѣ евнухъ

Миртиллъ на ужинъ: обнимаетъ,
И ластится какъ нѣжный другъ,
На всѣ лады мнѣ намекаетъ,
Скажи, молъ, слово, и тотчасъ
Все позабыто! но ужь насъ
Врасплохъ, надѣюсь, не застанетъ!

ЮВЕНАЛЪ.

Ужель вся буря отъ того
Что декламаціей его
Ты не былъ тронутъ?

ДЕЦІЙ.

Какъ кто взглянетъ!
Ему, на чтеньи, три лица
Своимъ присутствіемъ ужь въ залѣ—
Помпоній, Руфъ и я—мѣшали,
И крикнулъ онъ: „Три мертвеца!“
И вышелъ, въ насъ швырнувши свитокъ...
Что жъ? Слово кесаря—законъ!
Въ немъ—Римъ!.. Я тутъ же на прощанье
На пиръ все пригласилъ собранье...
Но тотчасъ спохватился онъ:
Отъ казней, отъ убійствъ и пытокъ
Римъ отдохнуть успѣлъ едва;

Вездѣ читаются слова
Предсмертныя Сенеки; шепотъ
Еще идетъ какъ умиралъ
Пизонъ и Люцій, даже ропотъ
Въ преторіанцахъ пробѣжалъ,—
И къ намъ клеврета за клевретомъ
Онъ шлетъ съ намекомъ иль совѣтомъ.
Руфъ и Помпоній, передъ нимъ
Тѣ извинились; *мы* молчимъ...
Весь анекдотъ пожалуй въ этомъ.

ЮВЕНАЛЪ.

Въ какое время мы живемъ!..
И жизнь, и смерть—всему значенье,
Цѣна утрачена всему!

ДЕЦІЙ *(равнодушно, полушутливо)*.

Что́ значитъ жизнь? Изъ тьмы и въ тьму
Промчался мотылекъ, мгновенье
Блеснувъ на солнцѣ!.. Человѣкъ
Самъ по себѣ что́ значитъ въ мірѣ?
Кому онъ нуженъ? Конченъ вѣкъ,
И за приборъ его на пирѣ
Другой садится... *(Вдругъ одушевляясь)*. Но для насъ,
Для старыхъ Римлянъ, для фамилій,

Которыхъ съ Римомъ жизнь слилась,
Которыхъ предки Риму были
Отцами и которыхъ духъ
Изъ рода въ родъ передавался
И держитъ Римъ,—ужь то нейдетъ
Сравненье!.. Въ Римъ теперь собрался
Со всей вселенной всякій сбродъ;
Въ курульныхъ креслахъ возсѣдаютъ
Чуть не вчерашніе рабы
И грязнымъ пальцемъ наклоняютъ
Куда хотятъ вѣсы судьбы...
Отъ этой сволочи презрѣнной
Мы устранились и смиренно
Живемъ въ провинціяхъ, въ поляхъ;
На Римъ, пока онъ въ ихъ рукахъ,
Глядимъ извнѣ какъ чужестранцы,
Или какъ трезвые Спартанцы
На перепившихся рабовъ...
Мы ждемъ, и наша вся забота
Лишь въ томъ чтобъ старый духъ отцовъ
Являлся требовать отчета
Въ палаты кесарей порой;
Чтобъ у поруганнаго трона
Онъ появлялся судіей,
Грозящимъ призракомъ Катона,—

А этотъ призракъ всякій разъ
Встаетъ, во всѣ дома стучится,
Лишь только новое свершится
Самоубійство между насъ!

ЮВЕНАЛЪ.

Самоубійство, мечъ, отрава!
И въ этомъ—лучшихъ изъ мужей
Теперь величіе и слава!
Что́ жь съ бѣдной музою своей
Поэтъ тутъ сдѣлаетъ?.. Не знаешь
На чемъ стоишь! почти теряешь
Ужь и понятіе о томъ
Что́ называть добромъ и зломъ!

ДЕЦІЙ.

Да, жаль мнѣ васъ!.. На вашу лиру
Изъ міра нечему пахнуть
Чтобы аккордомъ звучнымъ міру
Ей отозваться какъ-нибудь!..
У дикихъ Скиѳовъ и Тевтоновъ
Видалъ ночные я пиры:
Среди глухихъ, лѣсныхъ притоновъ,
Зажгутъ они свои костры,
Въ кругу усядутся въ долинѣ

И пьютъ меды, а посредине
Поетъ пѣвецъ. Напѣвъ ихъ дикъ,
Для насъ пожалуй непріятенъ,—
Но какъ могучъ простой языкъ!
Какъ жестъ торжественъ и понятенъ!
И кто тамъ больше былъ поэтъ
Пѣвецъ, иль слушатели сами?
Но эта ночь, въ лѣсу, съ кострами,
И между листьевъ лунный свѣтъ,
И въ лихорадочной тревогѣ
Кругомъ косматый этотъ людъ—
Все,—даже самые ихъ боги,
Что́ въ вихряхъ мчатся, тоже тутъ,
Съ высотъ внимаютъ,—все дышало
Въ тѣхъ пѣсняхъ пламенныхъ... Но въ нихъ
Пѣвецъ вливалъ въ свой звучный стихъ
То что́ толпа ему давала...
А вы? куда васъ повлекутъ,
И что̀ вамъ слушатели скажутъ?
Какія цѣли вамъ укажутъ
И въ ваши пѣсни что́ вольютъ?

ЮВЕНАЛЪ.

И Римъ такой же былъ когда-то!
Такая жь пѣснь и въ немъ жила!

Онъ пѣлъ Виргинію, дѣла
Коріолана, Цинцинната!..
О, Децій, нѣтъ! съ собой самимъ,
Съ тобой къ чему мнѣ лицемѣрить?
Но я почти не вѣрю въ Римъ!

ДЕЦІЙ.

Кто вѣритъ въ разумъ, тотъ не вѣрить
Не можетъ въ Римъ!.. Аѳины: въ нихъ
Искусства намъ явилось солнце;
Ихъ геній въ юномъ Македонцѣ
Протекъ между племенъ земныхъ,
Съ мечомъ неся рѣзецъ и лиру.
Римъ все собой объединилъ,
Какъ въ человѣкѣ разумъ; міру
Законы далъ и міръ скрѣпилъ.
Находятъ временныя тучи,
Но разумъ бодрствуетъ, могучій
Не никнетъ духъ... И сядь на тронъ
Философъ—съ трона свѣтъ польется
И будетъ кесаревъ законъ
Закономъ разума. Вернется
Златой быть-можетъ вѣкъ. Твой даръ
Сатира. Помни жь что сатира—
Дочь разума. Ея ударъ

Разитъ передъ глазами міра.
Чтобъ міръ призналъ твои права,
Ты долженъ самъ стоять высоко:
Стрѣла тогда лишь бьетъ далеко
Когда здорова тетива!
Вотъ что́ тебѣ я на прощанье
Сказать могу!..

(По знаку Децiя, рабы и клiенты къ нему подходятъ и надѣваютъ на него верхнюю тогу).

ЮВЕНАЛЪ (*въ раздумьи*).

...Ужасное сознанье!
Въ чемъ, гдѣ же эта высота?
Въ душѣ кипитъ негодованье,
Подъ нимъ же, боги, пустота!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ВЪ КАТАКОМБАХЪ.

Большая зала въ катакомбахъ. Направо, налѣво внутренніе подземные входы. При нихъ лампады. По стѣнамъ нѣсколько нишъ для гробницъ и надъ ними надписи. Въ глубинѣ сцены вырубленная въ скалѣ лѣстница. На поворотѣ этой лѣстницы въ половину ея высоты сидитъ Дидима, дѣвочка, слѣпая; тутъ же свѣтильникъ и свѣчки. Въ глубинѣ сцены, около стѣны, гдѣ лѣстница, значительная группа разныхъ лицъ, странниковъ и преимущественно рабовъ слушающихъ Іова.

ДИДИМА *(заслыша шаги приближающихся двоихъ, нараспѣвъ).*

Свѣчечкой, свѣчечкой,
Зрячій отъ слѣпенькой
Въ путь запасись!

ОДИНЪ ИЗЪ ПРОХОДЯЩИХЪ.

Мы къ старцу Іову... Господь
Съ тобой, Дидима!

ДИДИМА.

Съ вами тоже!
(Они сходятъ съ лѣстницы и присоединяются къ слушателямъ).

ДѢВОЧКА *(сама съ собою, нараспѣвъ).*

Мнѣ онъ не надобенъ
Свѣточъ земной!

Все озаряетъ мнѣ
Свѣта небеснаго
Искорка малая
Въ сердцѣ моемъ...

ОДИНЪ ИЗЪ ГРУППЫ СЛУШАЮЩИХЪ ІОВА.

А послѣ женщинъ, Онъ потомъ
Ученикамъ явился, днемъ?

ІОВЪ.

Да, ввечеру. Какъ прибѣжали
Къ ученикамъ онѣ, сказали
Что́ видѣли, тѣ все почли
За ихъ мечтанье. Съ этимъ двое,
Клеопа и Лука, пошли
Въ Эммаусъ. Мѣсто тамъ пустое
Дорогой. Шли они одни—
Вдругъ между нихъ явился Третій
И ихъ спросилъ: о чемъ они
Печалятся и плачутъ? Эти
Дивятся: какъ же это онъ
Не знаетъ, бывъ въ Ерусалимѣ,
Что тамъ Ісусъ пророкъ казненъ!
Онъ рѣчь повелъ объ этомъ съ ними,
И слушать сладко было имъ

И на слова Его горѣло
Ихъ сердце. Между тѣмъ стемнѣло.
Подходятъ къ дому. Дольше съ Нимъ
Побыть имъ хочется, и просятъ
Чтобы съ ними въ домъ и Онъ вошелъ.
Зажгли свѣтильникъ. Хлѣбъ приносятъ,
Вино. И, взявши хлѣбъ, возвелъ
Горѣ Онъ очи, преломляя
Его съ благословеньемъ: въ мигъ
Какъ бы открылись очи ихъ
И оба вдругъ они признали
Что это Самъ Онъ—съ ними шелъ,
И говорилъ, возлегъ за столъ,
И дѣлалъ такъ все какъ видали
Онъ дѣлалъ,—и взыгралъ ихъ духъ—
„Равви“, хотѣли ужь воскликнуть
И броситься къ Нему, какъ вдругъ
Глядятъ, Онъ сталъ невидимъ...

СЛѢПАЯ *(у себя на верху).*

Свѣчечкой, свѣчечкой
Зрячій отъ слѣпенькой
Въ путь запасись!

(Двое молодыхъ людей, Главкъ и Эвменъ, подходятъ къ ней, берутъ свѣчи).

ЭВМЕНЪ *(спускаясь съ лѣстницы)*.

Отсюда безъ огня ужь намъ
Нельзя идти.

ГЛАВКЪ *(указывая на дѣвочку)*.

Она слѣпая?

ЭВМЕНЪ.

Слѣпая; но по всѣмъ путямъ,
Свои примѣты наблюдая,
И здѣсь, и въ городѣ, пройдетъ
Вездѣ одна...

ГЛАВКЪ.

И раздаетъ
Намъ, зрячимъ, свѣтъ!

ЭВМЕНЪ *(приближаясь къ авансценѣ)*.

Да, но простая
Одна случайность... Видишь тутъ
У насъ для странниковъ пріютъ,
Ихъ первый отдыхъ. Издалека
Приходятъ—съ запада, съ востока,
Изъ Африки. Отъ всѣхъ церквей
Приносятъ вѣсти, край отъ края,
Со всей земли. Вокругъ гостей
Всегда бесѣда.

ГЛАВКЪ.

Тутъ слѣпая
Свѣтъ раздающая!.. въ цѣпяхъ
У входа старецъ—руки, плечи
Изъязвлены, а въ небесахъ
Витаетъ духъ и на устахъ
Любви исполненныя рѣчи,—
Все это точно чудный сонъ!

ЭВМЕНЪ.

Тотъ старецъ? оглянись, вотъ онъ!
Какъ люди кончатъ трудъ, съ тяжелой
Онъ цѣпи смѣнится—всѣ тутъ!
Всѣ какъ на цвѣтъ медвяный пчелы,
Послушать словъ его бѣгутъ...
Начитанъ древнихъ книгъ еврейскихъ,
Самъ онъ съ Востока, былъ вождемъ
Племенъ какихъ-то арамейскихъ
(Языкъ ихъ сходенъ), жилъ царемъ,
Полнъ гордыхъ замысловъ когда-то—
И вдругъ разгромъ! всего утрата!
Плѣненъ и проданъ, дни влачитъ
Рабомъ—и что же?.. Говоритъ
Что бытія позналъ онъ сладость
Лишь тутъ, по благости Творца;

Что тутъ вкусилъ и понялъ радость
Онъ вдругъ прозрѣвшаго слѣпца;
Что лишь въ цѣпяхъ, на жесткомъ ложѣ,
Обрѣлъ онъ то, что намъ дороже
Земнаго скиптра, и вѣнца,
И всѣхъ сокровищъ міра—Бога
И путь къ Нему! И съ этихъ поръ
Какъ путникъ ночью у порога
Предъ освѣщеннымъ домомъ, взоръ
Онъ съ совершенствъ Его не сводитъ,
И въ созерцаньѣ ихъ находитъ
Ту мудрость, силу и покой,
Чѣмъ всѣхъ невольно покоряетъ
И въ высоты гдѣ пребываетъ,
Всѣхъ увлекаетъ за собой...

ГЛАВКЪ.

Не въ этомъ ли и все ученье
Христа, Эвменъ? не все ль въ одной
Молитвѣ Отче Нашъ? въ моленьѣ
О царствѣ Божьемъ на земли?
Когда бъ мы всѣ постичь могли
Отца святое совершенство,
И всѣ исполнились бы Имъ,—
Жизнь стала бъ вѣчное блаженство

И міръ сталъ раемъ бы земнымъ!
Его лишь волю бъ мы творили,
И зло исчезло бъ навсегда...
Не только кары, мы бъ суда
Названье даже позабыли!

ЭВМЕНЪ.

Ахъ, Главкъ, умомъ хоть и поймешь
И видишь дивные примѣры,
Да вдругъ ни силы нѣтъ, ни вѣры,
И ты колеблешься и ждешь
Какъ передъ пропастью—спасенье
Иль шагъ измѣнитъ, и—паденье!
Примѣръ намъ старецъ Іовъ... Но...
Вотъ видишь, Главкъ, раздвоено
Все существо мое! тревожитъ
Меня сомнѣнье: да совѣтъ.
На завтра бракъ мой и быть-можетъ
На завтра жь Кесаревъ декретъ!
Быть-можетъ страхъ мой и не къ мѣсту,
Но противъ воли трепещу
Что поведу я вдругъ невѣсту
Не къ алтарю, а къ налачу,—
И тутъ испугъ или невольный
Прочту укоръ въ ея глазахъ,

Самъ поколеблюсь... Вотъ мой страхъ!
И съ нимъ мнѣ тяжело и больно!
Такъ молода! почти дитя...
Вхожу вчера, въ душѣ такъ мрачно,
Она, съ подругами шутя,
Спѣшитъ нарядъ окончить брачный,
И споръ у нихъ—изъ-за шитья!
Чтобъ я рѣшилъ—еще хотѣла!..
Потомъ другое: вечерѣло,
Въ саду сидѣла вся семья:
Два бѣлыхъ голубя надъ нами
Взлетали плавными кругами
Все выше въ синеву небесъ;
Она слѣдитъ, дохнуть не смѣя,
Какъ свѣтлой искрой, все слабѣя,
Въ лазури вдругъ ихъ слѣдъ исчезъ...
Она мнѣ крѣпко сжала руку,
И шепчетъ: это мы съ тобой!
И улыбается... Какой,
Ну какъ сказать—восторгъ и муку
Въ тотъ мигъ я разомъ ощутилъ...
Что отвѣчалъ ужъ—и не знаю...
Прости мнѣ, Главкъ! хоть облегчилъ
Признаньемъ сердце...

ГЛАВКЪ.

Понимаю,
Но врядъ ли правъ ты передъ ней.
Всей новой жизнію моей—
А этой жизнью называю
Когда Христа лишь началъ знать—
Я женщинѣ обязанъ. Мать,
Родная мать—она почила,
Отчаянье и нищета—
Охъ, тяжкимъ горемъ искупила
Любовь слѣпую къ сыну,—та
Меня взростила въ нѣгѣ, въ холѣ.
Изъ этой роскоши потомъ
Вдругъ очутился я рабомъ,
Но роскошь та же и въ неволѣ:
Хозяинъ мой былъ меценатъ;
Поэтъ, пѣвецъ, надъ нимъ скорѣе
Я деспотъ былъ, и онъ былъ радъ
Служить любой моей затѣѣ,
Гордясь лишь правомъ надо мной.
Такъ я страстямъ не зналъ преграды
Отъ дѣтскихъ лѣтъ: всегда съ толпой
Друзей; гдѣ явимся—пощады
Ужь нѣтъ и нѣтъ на насъ суда!
Вдругъ воспылалъ я страстью—да!

Къ замужней женщинѣ... Бывало,
Полуспустивши покрывало,
Идетъ... ребенокъ иногда
За палецъ держится... Сгараю
Я вспоминая отъ стыда...
Я тотчасъ планъ изобрѣтаю
Изъ дома выманить, увлечь
И обмануть. Обдумалъ рѣчь
Уже заранѣ торжествуя,
Друзья въ засадѣ, въ домъ вхожу я
И вижу: на густыхъ коврахъ
Она, ребенокъ на рукахъ,
Другой цѣлуетъ шею, третій
Изъ-за плеча, съ боковъ, въ ногахъ,
Кругомъ смѣющіяся дѣти,
И улыбается она,
Живымъ вѣнкомъ окружена
Изъ дѣтскихъ лицъ; всѣ во мгновенье
Прижались къ ней. Въ самой смущенье—
„Кто ты? зачѣмъ?“—порывъ души
Здѣсь, до меня безъ опасенья
Царившей въ тайнѣ и тиши
Своей святыни... Всѣ расчеты,
Вся ложь, съ какой вошелъ я къ ней,
Разбились въ прахъ. Что изъ дѣтей,

Окромѣ двухъ, тѣ всѣ сироты,
Что это христіанскій домъ,—
Я прежде зналъ. Стою стыдомъ
Какъ бы прикованный на мѣстѣ..
Эвменъ, я то хочу сказать:
Мнѣ кажется, въ твоей невѣстѣ
Должна, ужь въ дѣвицѣ, сіять
Такая жь будущая мать
И то жь для близкихъ провидѣнье
Какъ та мнѣ сдѣлалась потомъ..
Ну, въ свой чередъ мнѣ извиненья
Просить—я задержалъ, идемъ.

(Уходятъ, засвѣтивъ свѣчи).

(Съ лѣстницы между тѣмъ спускается слѣпой старикъ, ведомый мальчикомъ).

СЛѢПОЙ СТАРИКЪ (*къ мальчику*).

Здѣсь и сберутся и объявятъ
Декретъ?.. Ну вотъ! до своего
И дожилъ дня!.. Вѣдь я Его
Самъ близко видѣлъ... Запоздали
Въ пути мы и какъ разъ попали

Какъ выводилъ Его Пилатъ
Къ народу... Помню этотъ взглядъ,
Слегка опущенныя вѣки,
Весь образъ—я былъ зрячъ тогда—
Ну—точно въ сердцѣ навсегда
Отпечатлѣлся, ужь на вѣки...
Два факела по сторонамъ
И Онъ въ вѣнцѣ изъ терній Самъ...
Ослѣпъ потомъ и потускнѣло
Все въ памяти... Онъ какъ живой
Одинъ остался...

(*Останавливается, прислушиваясь къ голосу Іова*).

ІОВЪ.

Не льститесь благами земными!
Вотъ ты сокровищъ пріобрѣлъ
И спряталъ; сердцемъ будешь съ ними
Вездѣ куда бы ни ушелъ!
Сбирай сокровища для вѣчной
Лишь жизни...

СЛѢПОЙ СТАРИКЪ.

А! Іовъ тутъ!.. Пойдемъ къ нему!
Охъ, дивный мужъ! (*Присоединяются къ группѣ Іова*).

(Изъ галлереи справа выходитъ Лида, ведя подъ руку пожилую женщину Меніппу; сажаетъ ее на скамьѣ).

ЛИДА.

Пріотдохни, садись сюда!
Ты такъ устала, ослабѣла...

(Съ лѣстницы спускается нѣсколько человѣкъ дѣтей; съ ними женщина. Лида подходитъ къ нимъ, оправляетъ ихъ, ласкаетъ).

МЕНИППА *(одна)*.

Все видѣла, все осмотрѣла, —
И въ Римѣ нѣтъ!.. все нѣты!.. Куда
Еще теперь? куда? въ какіе
Еще края?.. И хоть бы слѣдъ!

(Къ Лидѣ, къ ней подходящей).

Какъ хорошо у васъ!.. Такіе
Все добрые... Ко всѣмъ привѣтъ!
Пещеры... своды... лица эти—
Все мирно, тихо... Я бъ у васъ
Осталась...

ЛИДА.

Что́ же? Въ добрый часъ...

(Указывая на дѣтей).

А эти дѣти—„Божьи дѣти“
Мы ихъ зовемъ—на площадяхъ
Подобраны, на пустыряхъ...
Кто бросилъ? чьи? Никто не знаетъ!
Вотъ „Божьи“ и зовемъ мы ихъ!

МЕНИППА (*содрогнувшись, сильно*)

Злодѣи! Звѣрь дѣтей своихъ
И дикій звѣрь не покидаетъ!

(*Съ лѣстницы несутъ на носилкахъ раненаго*).

ЛИДА (*къ несущимъ*).

Ко мнѣ?

НОСИЛЬЩИКЪ.

Ужь перевязанъ. Раны
Не глубоки. Былъ принесенъ
Безъ чувствъ.

МЕНИППА (*бросается къ раненому, смотритъ и возвращается грустная. Дѣтей между тѣмъ уводятъ*).

Все нѣтъ! не онъ, не онъ!

(*Возвращается на свое мѣсто*).

А также, можетъ, бездыханный

Подобранъ былъ... и былъ спасенъ...

(*Къ Лидѣ*).

Нѣтъ, я не въ силахъ... Нѣтъ, таиться
Я не могу—душа моя
Должна передъ тобой открыться:
Я васъ обманывала!.. Я—
Не христіанка... Изъ Милета
Я родомъ. Вѣкъ жила я тамъ—
И вотъ теперь шестое лѣто
Скитаюсь по чужимъ землямъ...
Я *сына* все ищу!.. Когда-то
Мы жили пышно и богато...
Но вдругъ война... свои враги...
Мужъ умеръ... Началась расплата—
И сынъ взятъ въ рабство за долги!..
Онъ былъ ученъ, игралъ на лирѣ,
Слагать гекзаметры умѣлъ...
Разъ господинъ ему велѣлъ
Въ честь Афродиты пѣть на пирѣ.
Онъ отказался! отчего—
Досель не знаю! Говорили
Что христіане соблазнили...
Всѣ поднялися на него,
Вмѣшалась чернь—такіе нравы

У насъ ужь! крики, брань и стонъ!
Бѣгу я, вижу слѣдъ кровавый,
Его разорванный хитонъ,
А онъ исчезъ!.. Одни вопили
Убитъ и въ море трупъ стащили,
Другіе—кѣмъ-то унесенъ.
Что́ жь? живъ иль нѣтъ?.. Я больше году
Томлюсь! покоя ни на мигъ...
Иду разъ въ гавани. Народу
Толпа! Грузятъ товары. Крикъ!
Вдругъ предо мной остановился
Матросъ: „Онъ живъ“, шепнулъ и скрылся.
Живъ!.. Гдѣ жь искать его? Пошла
Я на удачу, гдѣ землéю,
Гдѣ моремъ, къ Риму прибрела,
И тутъ... тутъ встрѣтилась съ тобою,
У васъ смотрѣла... Что́ жь теперь?

ЛИДА.

Несчастный!.. Но надѣйся, вѣрь:
Есть Богъ!

МЕНИППА *(не слушая, сама съ собою)*.

Шесть лѣтъ передо мною
Въ глазахъ—разорванный хитонъ

И площадь, лужа крови, или
Заливъ и корабли—и онъ
Въ даль уходящій!.. и манили
Опять надежды, и я шла...
О да! скажу что полила
Слезами долгій путь...

ЛИДА.

Ты съ нами
Останься: можемъ-быть найдемъ.
Скажи какъ звать его. Потомъ
Разскажемъ старшимъ... Ахъ, путями,
Повѣрь, невѣдомыми намъ
Ведетъ насъ Богъ, и встрѣтишь тамъ,
Гдѣ и не чаешь... а слезами
Политый путь Онъ видитъ... Самъ
Христосъ прошелъ его...

МЕНИППА.

Ты добрая душа...

(*Вдругъ отъ нея отпрянувъ*).

А если... умеръ?

ЛИДА.

Умеръ... Боже!..

Ей, откровенья чуждой, что же
Скажу я?.. Что мои слова!

(Увидавъ вошедшую предъ тѣмъ и остановившуюся предъ одною въ стѣнѣ гробницей Камиллу, молодую женщину съ двумя дѣтьми, мальчикомъ 8—10 лѣтъ и другимъ 4, указываетъ на нее).

Смотри, вотъ мать съ дѣтьми, вдова.
Въ гробницѣ этой прахъ хранится
Отца ихъ... видишь, подняла
Ребенка къ камню приложиться...
Гляди, какъ смотритъ, какъ свѣтла
Улыбка!.. Къ старшему нагнулась...
Тсс... слушай... говоритъ...

КАМИЛЛА (*сыну*).

Такъ помни жь, въ этой нишѣ прахъ,
Прахъ вашего отца. Онъ львами
Разорванъ былъ, и въ небесахъ
Теперь душа его и нами
Любуется, когда творимъ
Мы доброе и Бога чтимъ,
А нѣтъ, то плачетъ... Можетъ-статься,
У васъ и маму Богъ возьметъ:
Съ нимъ вмѣстѣ съ голубыхъ высотъ
Мы вами будемъ любоваться...

Смотри же, помни, этотъ ходъ,

А подлѣ крестъ и надпись...

(*Припадаетъ къ камню головой на руки и шепчетъ*).

Милый!

МАЛЬЧИКЪ (*читаетъ надпись*).

Ж, Д, У—жду—васъ.

КАМИЛЛА (*быстро вставая и отирая слезу и обращаясь къ гробницѣ*).

О, прости!

Невольно измѣняютъ силы!..

(*Становится съ дѣтьми на колѣни*).

Моли, чтобъ намъ къ тебѣ пройти

Чрезъ всѣ земныя испытанья,

И суеты, и тяготы,

Такими жь чистыми какъ ты!

Чтобъ тамъ гдѣ нѣтъ ни воздыханья,

Ни слезъ, ни скорби, ни стенанья,

Ты насъ бы принялъ веселясь

И духомъ радуясь о насъ...

МЕНИППА (*Лидѣ*).

Они съ *нимъ* говорятъ?..

ЛИДА.

Онъ въ небѣ!

Онъ видитъ ихъ, ихъ слышитъ... Съ ней
Свести тебя?

МЕНИППА (*радостно, тихо, съ любопытствомъ*).

О, да!

ЛИДА.

Камилла!

Вотъ мать несчастная—тебѣ
Довольно чтобъ принять участье...

КАМИЛЛА (*подавая руку Менипп*ѣ).

Да кто же счастливъ здѣсь?.. Мнѣ счастье
Вотъ—дѣти. Я живу лишь въ нихъ...
А что до счастія другихъ,—
То вотъ намъ Лида провидѣньемъ
Ко всѣмъ несчастнымъ послана
Какъ добрый ангелъ съ утѣшеньемъ...

ЛИДА (*съ испугомъ и удивленіемъ*).

Камилла, что́ ты, что́!

КАМИЛЛА.

Она

Гдѣ только слышитъ есть страданье,
Она ужь тамъ, чужой ли, свой...

ЛИДА (*быстро, съ упрекомъ*).

Камилла!..

КАМИЛЛА.

Все существованье
Ея для ближнихъ!.. Боже мой!
А дѣти, сирыя, больныя...

ЛИДА (*Меняетъ порывисто*).

Не вѣрь!

КАМИЛЛА.

Въ заботахъ день-деньской
Какъ неусыпная Марія...

(*Лида отходитъ въ сторону, въ лицѣ слѣды внутренней тревоги*).

Когда бъ ты видѣла ее
Средь заключенныхъ, средь страдальцевъ,
Въ тюрьмѣ, гдѣ сотни у нея
Хотятъ одеждъ коснуться, пальцевъ,
Услышать слово... (*Лида припадаетъ къ скамьѣ, закрывъ лицо руками*).
Все кругомъ
Благодаритъ, благословляетъ...

(*Слышны рыданія Лиды*).

Но Боже мой!.. Она рыдаетъ.

(Къ ней съ тревогой и заботой).

Что́, что́ съ тобой?

ЛИДА.

Оставь!

МЕНИППА (*тихо Камиллѣ*).

Уйдемъ!

КАМИЛЛА.

Да что́ съ тобой?

ЛИДА (*съ большимъ нетерпѣніемъ*).

Уйди!

КАМИЛЛА.

Не знаю

Что́ жь я...

ЛИДА (*почти въ отчаяніи*).

Уйди же... умоляю...

МЕНИППА (*Камиллѣ тихо*).

Знать тоже горе...

КАМИЛЛА.

Своего

У Лиды горя не бываетъ!

МЕНИППА.

Свое, чужое ли—кто знаетъ,
Одна пусть выплачетъ его!

(*Уходятъ*).

ЛИДА (*одна, сѣвъ на скамью*).

Я—какъ вчера еще была—
Той что́ теперь—и судъ и кара!
Оставилъ духъ!.. Что́ я могла
Сказать ей?.. Вдругъ не стало дара
Ни слезъ, ни словъ, душа нѣма—
Что́ въ ней горѣло, погасаетъ...
Вошла и все растетъ въ ней тьма!
Два слова: Децій умираетъ,
Одни звучатъ въ ней...
Децій...
Изъ прошлаго лишь онъ одинъ
Мнѣ видѣнъ... Онъ лишь не разгаданъ...
Одинъ стоитъ какъ властелинъ
Надъ этой тьмой...
Но что́ жь влечетъ меня къ нему?
Тотъ міръ ужь обреченъ во тьму!
Тому жь кто выше всѣхъ главою
И первой молніи ударъ

Господня гнѣва...

Что́ же

Меня влечетъ къ нему?.. Любовь?

Любовь, но та ужь для которой

Въ мученьяхъ источить всю кровь,

Пройти моря, подвигнуть горы,

Возможно все чтобы *спасти!*

Богъ указуетъ ей пути,

И можетъ-быть чтобъ сдѣлать чудо

Меня избралъ—и мнѣ велитъ—

И духъ пошлетъ—и совершитъ—

И дѣло здѣсь не до сосуда,

Куда Онъ влилъ воды живой

Для путника въ палящій зной...

(*Падаетъ на колѣни*).

Ты, Сердцевѣдецъ, прозираешь

Съ Твоихъ высотъ и въ глубь морей

И въ глубь сердецъ! Въ моемъ, Ты знаешь,

Нѣтъ мѣста для земныхъ страстей!

Даруй мнѣ, Сильный, да разрушу

Его гордыню! да спасу

И въ даръ Тебѣ да принесу

Его смирившуюся душу...

(*Встаетъ спокойнѣе, но судорожно-отрывочно*).

Но время нечего терять:
Сегодня жь этотъ пиръ безбожный!..
Тамъ быть и ждать. И написать
Марцеллу, „старый другъ, надежный“
Всегда звалъ Децій... А пойдетъ
Марцеллъ?.. Спасти—пойдетъ, пойдетъ!..

(*Вынимаетъ таблетку и пишетъ. Въ это время слышны слова Іова*).

ІОВЪ.

Іисусъ сказалъ ему въ отвѣтъ: сказано въ Писаніи: „не искушай Господа Бога Твоего“.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ (*поспѣшно сошедшій съ мѣстницы, подаетъ Лидѣ таблетку*).

Вотъ отъ Марцелла.

ЛИДА. (*беретъ ее и вручаетъ свою*)

А въ обмѣнъ
Отдай Марцеллу.

(*Между тѣмъ зала все наполнялась христіанами. Одни присоединяются къ слушателямъ Іова, другіе группируются въ разныхъ мѣстахъ залы, между ними и Главкъ. Другіе садятся на скамьи у стѣнъ. Между прочими Павзаній*).

ЛИДА (*прочтя письмо обращается къ присутствующимъ*).

Марцеллъ намъ пишетъ—проситъ васъ—
„Въ вину мнѣ братья да не ставятъ
„Что медлю; жду и тотъ же часъ
„Прибуду, только лишь объявятъ
„Декретъ касающійся насъ"...

(*Уходитъ вверхъ по лѣстницѣ*).

ОДИНЪ (*въ группѣ молодыхъ людей*).

И все еще не рѣшено...

ДРУГОЙ.

И вдругъ отмѣнится рѣшенье...

ГЛАВКЪ (*спокойно*).

На все Господня воля!

(*Вдругъ одушевляясь*).

Но —
За что́ насъ гонятъ? Озлобленье
На что́—постичь я не могу!
И чѣмъ Христосъ,—Онъ, отдающій
Динарій кесарю, врагу
Прощающій, Свой крестъ несущій
Покорно, учащій любить,
Любить безстрашно и безлестно,

И въ мірѣ совершенну быть
Какъ совершенъ Отецъ Небесный—
Чѣмъ ненавистенъ имъ?

(*Помолчавъ*).

И все жь
Къ нему прійдутъ! И зло, и ложь
Падутъ. Богатый и убогій,
Простой и мудрый—всѣ прійдутъ!
Со всѣхъ концовъ земныхъ дороги
Всѣхъ ко Христу ихъ приведутъ...
Людское горе и страданья,
Всѣ духа жажды и терзанья,
Источники горючихъ слезъ,—
Всѣ приметъ въ сердце ихъ Христосъ,
Всѣ канутъ въ это море!..

(*Близъ группы этихъ молодыхъ людей сидитъ на скамьѣ, съ мрачнымъ видомъ, Павзаній. На послѣднія слова онъ отвѣчаетъ*).

ПАВЗАНІЙ (*мрачно и съ возрастающимъ отчаяніемъ*).

Братья!
Блаженъ кто самъ пришелъ къ Христу,
Соблювъ красу и чистоту
Какъ дѣва къ жениху въ объятья;
Къ кому же низошелъ Онъ Самъ,

Его извлечь среди крушенья
Изъ волнъ кипящихъ,—о! спасенье
Тебѣ быть-можетъ тяжелѣй
Чѣмъ смерть въ волнахъ... Въ душѣ твоей
Всѣ язвы прежнія огнями
Горятъ... и слышишь надъ собой:
„Кто понесетъ Мой крестъ, тотъ Мой“—
Но помнишь: чистыми руками
Онъ несъ свой крестъ... а у тебя
Онѣ въ крови и надъ тобою
Гремитъ проклятье...

*(Опускаетъ голову на грудь. **Молодые** люди хранятъ благоговѣйное **молчаніе**, смотря на Павзанія съ **участіемъ** и недоумѣніемъ. Среди **минутнаго** молчанія слышенъ голосъ Іова).*

ІОВЪ.

Но истинѣ скажу вамъ: плачь,
Кому Онъ скажетъ въ осужденье
Что ни студёнъ ты, ни горячъ...
Любовь—огонь, а сердце—злато;
Лишь чрезъ огонь пройдя, оно
Свѣтло и чисто...

Тѣмъ временемъ входятъ Эвменъ и Аркадій и останавливаются близъ Павзанія, мрачно сидящаго склонивъ голову).

ЭВМЕНЪ (*продолжая разговоръ*).

Я часто думалъ о тебѣ.
Зналъ ты несчастливъ—мать крестила
Меня когда еще мнѣ было
Двѣнадцать лѣтъ—въ твоей судьбѣ,
Я думалъ—миръ и утѣшенье
У насъ, въ Христовомъ лишь ученьѣ,—
И вижу ты идешь сюда!..
Аркадій! разскажи жь когда,
Какъ было это обращенье?

АРКАДІЙ.

Какъ на вопросъ твой дать отвѣтъ?
Вѣдь человѣкъ, родясь на свѣтъ,
Не знаетъ что́ былъ до рожденья!
Былъ слѣпъ я и сталъ видѣть; глухъ—
И слышать. Зналъ одно лишь тѣло,
И ощутилъ безсмертный духъ,
Живую душу. Просвѣтлѣло
Все предо мной, и я въ другихъ
Прозрѣлъ такую жь душу. Всѣ же,
Хоть разны жребіи у нихъ,
Передъ Отцомъ Небеснымъ тѣ же
Возлюбленныя дѣти...

(*Помолчавъ*).

Тьма—
Та назади. И что̀ въ ней? скроетъ
Пускай навѣкъ, мертва, нѣма!..

(*Вздохнувъ*).

Да! сердце иногда заноетъ,
Но вспомнишь...

(*Обрываетъ рѣчь, вдругъ увидавъ Павзанія, отступаетъ назадъ и смотритъ съ ужасомъ*).

Боже мой!.. Онъ! онъ!

(*Хватаясь за грудь*).

Какъ бьется сердце... Онъ!.. И тоже
Къ Христу пришелъ... Чего жь, чего же
Стою и медлю?.. Чѣмъ смущенъ?

(*Пересиливъ себя дѣлаетъ нѣсколько шаговъ къ Павзанію*).

Павзаній! ты?

ПАВЗАНІЙ (*содрогнувшись*).

Аркадій! Боже! (*Смотритъ на Аркадія и не смѣя взять протянутую къ нему руку, медленно опускается передъ нимъ на колѣни. Молодые люди отъ нихъ незамѣтно отступаютъ*).

Твой погубитель... твой злодѣй...

АРКАДІЙ (*стараясь его поднять*).

Забудемъ все что̀ совершилось
Тамъ, тамъ, во тьмѣ!

ПАВЗАНІЙ (*обнимая его колѣна*).

Охъ, истомилась

Душа моя...

АРКАДІЙ.

Да будетъ въ ней

Покой и миръ!

ПАВЗАНІЙ (*страстно*).

Шли вереницей

Года, а я живу все въ *томъ*—

Когда какъ другъ вошелъ въ твой домъ

И выбѣжалъ потомъ убійцей!

АРКАДІЙ.

Оставь!

ПАВЗАНІЙ.

Дай говорить мнѣ, дай!

(*Шепотомъ*).

Евфимія...

АРКАДІЙ (*съ болью*).

Не вспоминай!

ПАВЗАНІЙ (*судорожнымъ шепотомъ*).

Святая тѣнь!.. Она молила!..

АРКАДІЙ.

Молчи!

ПАВЗАНІЙ (*съ силой*).

Послѣднимъ словомъ было:

Будь проклятъ!

АРКАДІЙ (*живо*).

Нѣтъ! какъ я,—простила!

ПАВЗАНІЙ.

Какъ ты?.. И ты... простилъ?.. Простилъ...

И смотришь на меня—и плачешь...

АРКАДІЙ.

Отъ радости; я побѣдилъ

Себя, себя, Павзаній! (*Обнимаетъ его и уводитъ въ глубину сцены*).

(Сцена между тѣмъ все наполняется. Приходитъ Мениппа и Камилла. Послѣднія къ авансценѣ).

КАМИЛЛА.

Мужъ мнѣ говаривалъ не разъ:

Не мы дѣтей, насъ дѣти учатъ

И довоспитываютъ насъ!

При нихъ не сдѣлаетъ, не скажетъ
Отецъ, не поглядѣвъ впередъ:
Вѣдь сѣешь сѣмя! то взойдетъ,
Что́ въ сердцѣ съ дѣтскихъ лѣтъ заляжетъ!
Ахъ, милая! съ дѣтьми въ очью
Увидишь Бога!.. Разболится,—
Ты что́ тогда?.. Горитъ, томится,
Всю душу надорветъ твою,
И нѣтъ тебѣ ни дня, ни ночи!
Ты чувства всѣ окаменишь,
Дохнетъ ли, двинется ль—слѣдишь,
Вся въ немъ! и наконецъ нѣтъ мочи!
Силъ что́ осталось соберешь
И выльешь всѣ въ одно ихъ слово:
„Спаси, спаси!“ и упадешь
Предъ Тѣмъ Кто можетъ все...

МЕНИППА.

Ужасно!

Охъ, знаю, знаю! поняла!
И все теперь мнѣ стало ясно!..
Ужъ ты-то очень мнѣ мила!
И скажешь-то такъ все понятно,
И рѣчь-то тихая твоя...
Ахъ ты мой ландышъ ароматный,

Фіялка нѣжная моя!

(Обнимаетъ ее).

Вѣдь я давно о вашемъ Богѣ
Ужь помышляю! всѣмъ богамъ,
Гдѣ только вижу по дорогѣ,
Всегда снесу къ ихъ алтарямъ
Я хоть цвѣтокъ. Да разъ попала
Вотъ такъ и въ христіанскій храмъ,
Въ горѣ, въ Θессаліи. Сначала
Мнѣ стало страшно: свѣчи, мракъ;
Жрецъ говоритъ къ толпѣ молящихъ.
Вдругъ онъ сказалъ, да явно такъ,
Слова: „Нашъ Богъ—Богъ всѣхъ скорбящихъ!“
И точно въ сердцѣ у меня
Что́ дрогнуло. Упала я
И стала этого я Бога
Молить, да плакать лишь могла.
Вдругъ слышу: „въ Римъ твоя дорога,
Тамъ все найдешь“. Я подняла
Глаза; какъ разъ передо мною
Какой-то старецъ былъ, но тутъ
Исчезъ. Всѣ, вижу, вонъ идутъ,—
Я къ выходу; передъ собою
Всѣхъ пропустила,—старца нѣтъ!

Я въ путь чуть занялся лишь свѣтъ,
И на корабль, и въ Римъ, и всюду
Какъ будто надо мной звучитъ:
„Богъ всѣхъ скорбящихъ возвратитъ
Его“... И жду... и точно къ чуду
Готовлюсь... а ужь какъ теперь
Не знаю...

ЛИДА (*поспѣшно сойдя съ лѣстницы*).

Марцеллъ идетъ... декретъ объявленъ!

(*Общее движеніе*).

ІОВЪ (*сойдя со своего мѣста и выступая нѣсколько впередъ, какъ бы въ центрѣ полукруга всѣхъ присутствующихъ*).

Се день блаженнѣйшій изъ дней!
Мы, церковь видимая, вступимъ
Ужь въ сонмъ невидимой и съ ней
Сольемся въ общемъ восклицаньѣ:
„Господь нашъ Богъ благословенъ!“

СЛѢПОЙ СТАРИКЪ.

Господь нашъ Богъ благословенъ
Да всякое гласитъ дыханье!

ВСѢ *(наклонясь головой къ Іову).*

Господь нашъ Богъ благословенъ!

(Послѣ минутнаго благоговѣйнаго молчанія, во время котораго около Іова смыкается кружокъ, между прочими начинаются полушепотомъ частные разговоры).

ДИДИМА *(раздаетъ свѣчи нараспѣвъ повторяя).*

Готовьте свѣтильники,

Близокъ женихъ!

(Мениппа въ волненьи разсматриваетъ приходящихъ и присутствующихъ; Камилла близъ нея, около гробницы мужа, прижавъ къ себѣ дѣтей, взоръ на небо).

ЭВМЕНЪ *(увидавъ между женщинъ Агнессу, свою невѣсту).*

Агнесса!.. въ брачномъ одѣяньѣ!..

АГНЕССА.

Да нынче бракъ вѣдь нашъ, Эвменъ,

На небесахъ... и я невѣста...

ЭВМЕНЪ *(восторженно).*

Агнесса! ты меня спасла!..

ПАВЗАНІЙ *(схвативъ за руку Аркадія съ порывомъ).*

Теперь душа ужь не страшится

Встать передъ Нимъ лицомъ къ лицу!

ГЛАВКЪ *(къ молодымъ людямъ, восторженно).*

Знать—что чрезъ мигъ душа помчится
Чрезъ океанъ лучей къ Отцу!..
И что́ же смерть христіанину,—
Въ глазахъ у всѣхъ стоитъ Христосъ!
Скорбѣть о томъ ли что покину
Обитель горечи и слезъ?
Что преступлю черезъ мгновенье,
Здѣсь кесарю отдавши дань,
Къ Отцу всего, въ Его селенья
Уже достигнутую грань?
Душа Имъ полная вѣдь знаетъ
Что оболочка сихъ тѣлесъ
Ее едва лишь отдѣляетъ
Какъ легкій завѣсъ отъ небесъ!
Вдругъ этотъ завѣсъ упадаетъ...

МЕНИППА *(всматривается въ него, бросается къ нему съ крикомъ).*

Главкъ, сынъ мой! Главкъ!..

ГЛАВКЪ.

Мать! Ты жива!....

(Кидаются другъ къ другу въ объятья).

МЕНИППА *(не выпуская его изъ объятій).*

Вотъ онъ мой вдохновенный...

Мой *выстраданный* вотъ онъ!..

(Ища взорами Камиллу).

Камилла!.. вотъ онъ... *(беретъ ее за руку и вдругъ останавливаясь).*

Но какъ ты здѣсь?.. христіанинъ?..

ГЛАВКЪ.

А ты?..

МЕНИППА *(вдругъ вспомнивъ).*

Богъ всѣхъ скорбящихъ...

(Опускается на колѣни).

(Нѣсколько человѣкъ поспѣшно сходятъ съ лѣстницы, тихо сообщая направо и налѣво: „Марцеллъ, Марцеллъ", всѣ передаютъ другъ другу это имя. Всѣ становятся полукругомъ, оставляя мѣсто Марцеллу. Онъ показывается на лѣстницѣ, на верху).

МАРЦЕЛЛЪ *(спускается съ лѣстницы и со второй или третьей ступени).*

Господне будь благословенье

И миръ вамъ, братья!..

(Всѣ тихо: „аминь!")

Зоветъ
Насъ нынѣ Богъ на прославленье
Его любви, Его щедротъ,
И на свидѣтельство предъ міромъ
Что Онъ есть Духъ, и Онъ одинъ
Земли и неба властелинъ,
Что честь Ему, а не кумирамъ,
Кумиръ же, чей бы ни былъ онъ,
Рукою смертной сотворенъ.
Идемъ предъ кесаря. Поставленъ
Отъ Бога—онъ царемъ племенъ.
Во всемъ, чѣмъ можетъ быть прославленъ
Онъ на землѣ и вознесенъ—
Побѣдой надъ неправдой, славой
Въ защитѣ сирыхъ, торжествомъ
Хотя бъ меча и мзды кровавой
Надъ буйной силой, надъ врагомъ
Ему повѣреннаго царства,—
Служить ему намъ Богъ судилъ
Всѣмъ сердцемъ, до послѣднихъ силъ,
Безъ лжи, безъ всякаго коварства.
Все что̀ у насъ земное есть—
Вся наша кровь, все достоянье,
И все умѣніе и знанье,—
Готовы каждый мигъ принесть

Мы съ духомъ радостнымъ къ подножью
Его престола. Но чтобы быть
Ему слугой, чтобы не ложью
Былъ нашъ обѣтъ, должны хранить
Мы душу чисту, только къ Божью
Суду внимательну во всемъ
Что́ Божье, что̀ стоитъ во вѣки,
И въ чемъ должны всѣ человѣки—
И кесарь самъ—предъ тѣмъ судомъ
Отдать отчетъ.

Повелѣваетъ
Намъ кесарь: Бога въ немъ признать,
Его жь кумиру честь воздать
Какъ божеству лишь подобаетъ;
Ослушнымъ смерть. Пусть вашъ совѣтъ
Рѣшитъ что́ дѣлать. Наше тѣло—
Есть кесаря. Нашъ духъ—всецѣло
Господень.

ОДИНЪ ИЗЪ СТАРЦЕВЪ.

Двухъ рѣшеній нѣтъ—
Идти! Но какъ не налагаетъ
Христосъ ярма на душу—ей
Данъ разумъ, воля,—то рѣшаетъ

По правдѣ внутренней своей—*(Обращаясь къ собранію).*

Пусть каждый самъ.

(Общее благоговѣйное движеніе).

ГОЛОСА *(тихіе, какъ бы каждый самъ съ собой; взоръ на небо).*

Идти, идти

Къ Отцу Небесному!.. Въ селенья

Его святыхъ!.. Изъ заточенья,

Изъ тьмы на свѣтъ!.. Идти, идти!

СЛѢПОЙ СТАРИКЪ.

Его узрѣть во славѣ!..

ПАВЗАНІЙ.

Сложить съ души всѣ тяготы

У ногъ Его!..

ГЛАВКЪ.

. . . . Исчезнуть въ созерцаньѣ

Неизрѣкомой красоты...

(Пауза. Взоры обращены на Марцелла).

МАРЦЕЛЛЪ.

И такъ грядущая заря

Для насъ послѣдней будетъ въ мірѣ—

И первой тамъ!..

ІОВЪ (*изъ глубины сердца*).

О ты, сѣдяй въ эѳирѣ,
Во свѣтѣ вѣчномъ, со Отцомъ,
Прославленный и вознесенный
Лишь по любви неизреченной
Тобою поднятымъ крестомъ!
Ты пастырь, насъ въ едину паству
Овцу сбиравшій за овцой!
Ты ихъ вспоилъ живой водой
И тучную имъ подалъ яству,—
Когда бы, гдѣ бъ ни прозвучалъ
Твой рогъ призывный—гдѣ преграды,
Гдѣ тѣ загоны, тѣ ограды,
Гдѣ та стѣна, тотъ ровъ, тотъ валъ,
Который ихъ бы удержалъ
На зовъ Твой ринуться мгновенно,—
Свѣтъ бо свѣтяй намъ съ небеси,
Свѣтъ истинный, свѣтъ неистлѣнный,
Жизнь и Спасенье Ты еси!

СЛѢПОЙ СТАРИКЪ.

Слава Тебѣ побѣдившему міръ!

(Всѣ съ зажженными свѣчами становятся на колѣни. При спускающемся занавѣсѣ слышно пѣніе заутрени).

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Пиршественная зала на террасѣ Деціева дворца, выходящей въ садъ аркой. — Ночь.—Зала освѣщена канделябрами и висячими свѣтильниками.— Три длинные стола съ ложами. — Гости одни возлежатъ, другіе прогуливаются по залѣ и опять садятся на свои мѣста; вообще свободно группируются, сообразно требованіямъ минуты.—За однимъ столомъ Децій.—Рабы приносятъ и уносятъ кушанья.—Хоръ пѣвицъ, флейты и лиры.—Танцовщицы.

ХОРЪ.

Ловите, ловите
Часы наслажденья!
Спѣшите, спѣшите
Пожить хоть мгновенье!
Какъ мошки на солнцѣ
Въ эфирѣ роями
Кружатся и блещутъ,
Мы, Оры, блистаемъ
Мгновеніе въ мірѣ,—
Ловите, ловите,
Не то улетимъ.

(Танцовщицы удаляются).

КЛАВДІЙ *(молодой патрицій въ слѣдъ танцовщицамъ, мимо его проскользнувшимъ).*

Еще поймаемъ!.. Но пока
„Тѣмъ насладись что̀ подъ руками“—

Насъ учитъ мудрость. А предъ нами

(Указывая на яства).

Рогъ изобилья и рѣка
Забвенья—все естествознанье!
Я шелъ сюда на обонянье.
Одни ужь запахи кричатъ
Тебѣ за милю: „здѣсь прохожій!“

ЛЕЛІЙ *(другой молодой патриціій).*

Жаль, какъ ни лѣзь себѣ изъ кожи—
Все съѣшь за одного!

КЛАВДІЙ.

Ну, да!
Два пальца въ ротъ, и вся бѣда!
А вотъ что̀ будетъ какъ ворвется
Сюда весь женскій Римъ! Начнется
Вотъ тутъ-то оргія!..

(Декламируетъ).

„Опротивѣютъ ужь яства...
„Не измѣнитъ лишь вино!
„Хлоя подъ руку иль Дафна—
„Все равно!
„Флейты! трубы! шумъ и грохотъ,
„Пѣсни, пляски! Все верхъ дномъ!

„Въ головѣ хаосъ и въ чувствахъ,
„И хаосъ—кругомъ!“

ЛЕЛІЙ.

Да, Децій молодецъ! и жаль
Что только разъ онъ умираетъ!

КЛАВДІЙ.

А мой старикъ, моя печаль
И сокрушенье, процвѣтаетъ!
Въ одинъ обѣдъ съѣдаетъ три,
И съ астрологомъ до зари
Все гороскопы составляетъ!..
Боится смерти! Я жь ему
Твержу что смерть его боится...
У варваровъ не засидится,
Небось, старикъ: они отцовъ
Торжественно, въ виду боговъ,
При всемъ народѣ убиваютъ!
И это старики считаютъ
Себѣ за честь!

ЛЕЛІЙ.

Здѣсь старики
Законы пишутъ, тамъ же видно
Не старики!..

(Хохочутъ).

ГАЛЛУСЪ (*адвокатъ, прохаживавшійся съ другимъ адвокатомъ, Гиппархомъ, остановясь близъ Великаго Жреца и указывая рукою на все собраніе, заключаетъ частный свой разговоръ самодовольною рѣчью*).

Вы посмотрите сколько насъ:
Я Галлъ, вонъ Свевъ, ты Ѳессаліецъ,
Онъ изъ Египта, тотъ Сиріецъ,—
А что́ же общаго у насъ
Съ Египтомъ, съ Галліей, странами,
Гдѣ и взросли бъ мы дикарями,
Когда бъ не Римъ!.. Въ одно насъ слилъ
Его языкъ, законъ, свобода!
Міръ онъ въ жилище обратилъ
Для человѣческаго рода.
На общій мы сошлися пиръ,
И хоть мы всѣ разноплеменны,
Но всѣ какъ граждане вселенной
Чтимъ за отечество весь міръ!

ГИППАРХЪ (*эффектно-адвокатскимъ тономъ*).

Единство въ мірѣ водворилось.
Центръ—кесарь. Отъ него прошли
Лучи во всѣ концы земли,

И гдѣ прошли, тамъ появилась
Торговля, тога, циркъ и судъ,
И вѣковѣчныя бѣгутъ
Въ пустыняхъ римскія дороги!

ВЕЛИКІЙ ЖРЕЦЪ ЭННІЙ (*старикъ, оборачиваясь къ нимъ, внушительно, громко, чтобы всѣ слышали. Молодые патриціи, Клавдій, Лелій и другіе мало-по-малу подходятъ къ кружку*).

Все хорошо на первый взглядъ,
Да вотъ бѣда: уходятъ боги!
Вездѣ оракулы молчатъ!
Вотъ въ Дельфахъ: пиѳію насильно
Ввели въ святилище: молчитъ,
Блѣднѣетъ, льется потъ обильно.
Всѣ ждутъ, и вдругъ она бѣжитъ
Съ ужаснымъ крикомъ изъ пещеры,
И какъ упала, умерла!
Въ боговъ умалилося вѣры
И боги покидаютъ насъ
На произволъ судьбы!..

(*Адвокаты улыбаются*).

ГАЛЛУСЪ (*насмѣшливо*).

Иные
Ужь умерли!..

ВЕЛИКІЙ ЖРЕЦЪ.

И день, и часъ
Въ анналы вписанъ городскіе:
При Августѣ, передъ концомъ,
Корабль шелъ. Заштилѣло море
Передъ какимъ-то островкомъ.
Всѣ вѣтра ждали. Вдругъ въ просторѣ
Небесъ и моря, съ островка
Раздался голосъ, при которомъ
Все потряслось—и облака,
И водъ поверхность; точно хоромъ
Сто тысячъ мѣдныхъ трубъ за разъ
Провозгласили въ міръ: „скончался
Великій Панъ“... И повторялся
Три раза голосъ... Весь разсказъ
Я слышалъ самъ отъ морехода:
Его Тиверій призывалъ,
И я жь дословно записалъ
Въ анналы Римскаго народа!

ГАЛЛУСЪ.

Не боги покидаютъ міръ,
А суевѣрья...

КЛАВДІЙ (*своимъ товарищамъ*).

Люблю, чуть разгорѣлся пиръ—
И спорятъ!.. (*Увидавъ рабовъ приносящихъ жареныхъ фазановъ*).
Впрочемъ прилетаютъ
Фазаны, и молчатъ враги!..

(*Возвращаются на свои мѣста*).

ЛЕЛІЙ.

А факты иногда бываютъ,
Что съ толку васъ совсѣмъ сбиваютъ.

КЛАВДІЙ (*не давая ему досказать*).

Еще бы! напримѣръ долги!

ЛЕЛІЙ (*продолжая*).

У насъ на прошлой же недѣлѣ
Былъ случай...

КЛАВДІЙ (*вскакивая и со смѣхомъ указывая на Лелія*).

Жертвы приносилъ
На той недѣлѣ ты, и скрылъ!
Скрылъ, признавайся?

МОЛОДЫЕ ПАТРИЦІИ (*смѣясь*).

Въ самомъ дѣлѣ?

КЛАВДІЙ.

Козленка, говорятъ.

ЛЕЛІЙ (*сконфуженный, перебивая его*).

Да мать
Послала!.. Вотъ что́ разсказать
Я вамъ хотѣлъ. Какъ вамъ извѣстно,
У насъ въ саду есть гротъ. Чудесный
Тамъ для пировъ устроенъ залъ,
И я намедни угощалъ
Тамъ кой-кого...

КЛАВДІЙ.

А! Діонею,
А завтра я пирую съ нею!..

(*декламируетъ*):

„Мирты Киприды мнѣ дай!
Что́ мнѣ гирлянды цвѣтныя!“...

ЛЕЛІЙ (*не обращая вниманія на Клавдія*).

Вдругъ мы сидимъ и слышимъ стонъ...
Откуда жь?.. и все ближе, ближе—
Изъ-подъ земли!..

КЛАВДІЙ (*декламируетъ*):

„Прозерпину бьетъ Плутонъ,
„Стонетъ Прозерпина!..“

МОЛОДЫЕ ПАТРИЦІИ.

Ахъ этотъ Клавдій! Нынче онъ
Невыносимъ!—Да замолчи же!
Теперь вездѣ, со всѣхъ сторонъ,
Всѣ говорятъ, то стонъ, то пѣнье
Послышится, то привидѣнье
Появится...

ЛЕЛІЙ (*серіозно*).

Вѣдь въ старину,
Извѣстно, мертвыхъ хоронили
Въ подземныхъ склепахъ, и прорыли
Отъ склепа къ склепу ходы...

КЛАВДІЙ (*таинственно*).

Ну,
Такъ это значитъ...

ВСѢ

Что́ такое?

КЛАВДІЙ (*помолчавъ, съ притворно-серіознымъ видомъ*).

Гм!.. Предки наши...

ЛЕЛІЙ.

Ты въ смѣшное
Все обратишь.

КЛАВДІЙ.

Я не смѣюсь!

И не люблю чтобы шутили
Надъ предками—самъ ихъ боюсь:
Такіе жь аспиды всѣ были,
Какъ этотъ Фабій,—вонъ скелетъ!
Вонъ черепъ голый! вонъ таращитъ
Глаза на канделябры!.. Стащитъ
Онъ что-нибудь здѣсь, людоѣдъ!
Вздыхаетъ все по древнемъ правѣ,
По силѣ коего меня
Онъ могъ бы въ рабство взять...

За другимъ столомъ Фабій, изъ древнѣйшей римской фамиліи, своему сосѣду, квестору Теренцію:

Пойми, я Фабій—и въ сенатѣ
Мнѣ мѣста нѣтъ!.. Кто жь тамъ сидитъ?
Иберецъ, Грекъ, Сиріецъ, Бриттъ!
И что́ же сталъ сенатъ? въ развратѣ
Всѣ чувства ихъ притуплены;
Въ особыхъ засѣданьяхъ судятъ
Что значатъ кесаревы сны!
Ну что̀ въ нихъ слово „Римъ“ пробудитъ?
Имъ лишь погрѣться бъ отъ казны!
Ты посмотри-ка въ легіонахъ

Кто полководцы? Все изъ насъ.
А при дворѣ?.. Они! Въ поклонахъ
И лести мастера ужь! Да-съ!
За то и откупъ, и претура —
Все ихъ!... Потомъ адвокатура:
За деньги за твои тебя жь
Такъ оберутъ что ты отдашь
Послѣднее, лишь бы отстали...

За главнымъ столомъ: Децій, по сторонамъ его философъ Харидемъ и старый проконсулъ Публій, беззубый, лысый и шепеляетъ. Далѣе, среднихъ лѣтъ, мрачнаго вида, сенаторъ Аспицій и завитой, пышно одѣтый молодой патрицій Корнелій.

ПУБЛІЙ.

Ахъ, Лезбія!.. насъ принимала
За туалетомъ!... Что̀ за грудь!
Ну еслибъ даже и скрывала,
То видно—дочь царей!.. Дохнуть
Не смѣли... трое насъ... сидѣли...
Все старички... потѣха... да!
Сидимъ!

ДЕЦІЙ.

Картина въ самомъ дѣлѣ
Преинтересная!

ПУБЛІЙ.

Бѣда!
Она конечно насъ дурачитъ
То ножку вдругъ поцѣловать
Протянетъ и тотчасъ опять,
Какъ только бросимся мы, спрячетъ...

(Всѣ слушаютъ съ улыбающимися лицами).

СЕНАТОРЪ АСПИЦІЙ (*довольно ѣдко*).

А дорого за посмотрѣнье?

ПУБЛІЙ (*такъ же простодушно*).

Да что! ужъ думаю просить
Провинцію на поправленье!
Она жь поможетъ!..

ДЕЦІЙ (*Харидему*).

Была иная между насъ...
Ты помнишь оду Сафо:
„Передъ жрицей Аполлона
Не гордися, не кичись
Красотой чела и лона,
Шелкомъ косъ и блескомъ ризъ.

„Ты умрешь, и все въ мгновенье
Съ красотой твоей умретъ!

На землѣ твой слѣдъ забвенье
Словно вихорь замететъ!

„Въ адскихъ пропастяхъ бездонныхъ
Пропадешь средь темноты,
Въ сонмѣ душъ непросвѣтленныхъ
Вдохновеньемъ какъ и ты!“

Вотъ это бъ Лезбіи сказать
Могла—ты угадалъ кто?—Лида!

ХАРИДЕМЪ.

О, Лида, то другая стать!
Но гдѣ она? совсѣмъ изъ вида
Пропала!

ДЕЦІЙ.

Да!... Она всегда
Какъ безпріютная звѣзда
Весь вѣкъ металась средь хаоса!
Не разъ съ Левкадскаго утеса
Хотѣла броситься; потомъ
Глядишь—съ Изидинымъ жрецомъ
Умершихъ тѣни вызываетъ;
Потомъ опять, глядишь, блистаетъ
Въ Аѳинахъ, въ Римѣ...

ХАРИДЕМЪ.

Знаешь ты
Экспромтъ ей сказанный въ Аѳинахъ
Однажды на пиру?

„Съ зеленѣющихъ полей
Въ область блѣдную тѣней
Залетѣла разъ Психея,
На отжившихъ вдругъ повѣя
Жизнью, счастьемъ и тепломъ.
Тѣни вкругъ нея толпятся —
Одного онѣ боятся
Чтобы солнце къ нимъ лучомъ
Въ вѣчный сумракъ не запало;
Чтобъ она не увидала,
И отъ нихъ бы въ тотъ же часъ
Въ свѣтлый лучъ не унеслась“.

ДЕЦІЙ.

Психея!.. Это къ ней идетъ...

Входитъ Циникъ съ дубиной въ рукахъ, на плечахъ сверхъ лохмотій мѣхъ какъ у Геркулеса; останавливается впереди залы и указывая на Децiя пальцемъ, говоритъ:

ЦИНИКЪ.

Э, да ты вотъ какъ!

РАЗНЫЕ ГОЛОСА.

Ну, пропалъ
Веселый пиръ! Вѣдь затесался!

ЦИНИКЪ.

Пріятель! умирать собрался
И не подумалъ, не позвалъ
Меня взглянуть на представленье!
Ишь вкругъ тебя какой букетъ!
Сенаторы, мое почтенье!
Философы, вамъ мой привѣтъ! *(насмѣшливо, кланяется на обѣ стороны).*
Все жь безъ меня букетъ не полонъ:
Въ срединѣ главной розы нѣтъ!
Вѣдь мудрости вѣнецъ и цвѣтъ
Во мнѣ!.. за то я вамъ и солонъ!
Ужь дальше моего нейдетъ
Умъ человѣческій! по малу
Свой циклъ свершилъ, пришелъ къ началу—
И больше некуда впередъ!

ДЕЦІЙ.

Прошу, садися!

ЦИНИКЪ *(присаживаясь на ложе завитаго, пышно одѣтаго щеголя Корнелія).*

Другъ любезный,

Откинь-ка ноги! Мнѣ присѣсть
Вѣдь какъ-нибудь, лишь бы поѣсть.

КОРНЕЛІЙ.

Садись, не спорю!

ЦИНИКЪ.

Безполезно!
Такъ сяду!

ДЕЦІЙ (*къ рабамъ*).

Ложе, эй!

ФАБІЙ.

Свинья!

ЦИНИКЪ (*помѣстившись на ложѣ Корнелія, беретъ цѣльнаго фазана и ѣстъ, разрывая руками*).

Нерону я сказалъ что двое
Людей на свѣтѣ: онъ да я.
Все прочее - такъ, тля! пустое!
Мы что̀ хотимъ, то и беремъ
И ничего не признаемъ!
Онъ тотчасъ понялъ что свобода
Вся въ этомъ! прочее все ложь!
(*Къ Харидему*).
Ну что́ ты морщишься? все—ложь!

Будь счастливъ тѣмъ что́ дастъ природа!
Родился голъ и голъ умрешь!
Въ природѣ жь, въ этой общей чашѣ,
Нѣтъ ярлыковъ: мое и ваше!
Бери что̀ хочешь, все твое
На что́ глаза лишь разбѣжались!
А чтобы люди не кусались,
Кусайся самъ!.. Вотъ вамъ и все!..
А то, глядишь, нагромоздили
Понятій, тонкостей, интригъ,
Да и не въ мочь пришлось! уныли
И ходятъ, высунувъ языкъ!
Неронъ поправитъ васъ: устроитъ
По Діогену! самъ возьметъ
Дубину, города сожжетъ,
И всѣхъ васъ по лѣсамъ разгонитъ!

ДЕЦІЙ (*смѣясь*).

Что̀ жь послѣ будетъ?

ЦИНИКЪ.

Ничего
Не будетъ!.. Главное! не будетъ
Философовъ!

КЛАВДІЙ (*посреди общаго смѣха*).

Долговъ не будетъ —

Еще главнѣе!...

ПРОВИНЦІАЛЬНЫЙ ПРЕТОРЪ (*сидящій за столомъ съ Фабіемъ, къ своему сосѣду, квестору Теренцію*).

Скажи, дружокъ,—я здѣсь чужой,

Живу въ провинціи глухой, —

Кто этотъ господинъ съ дубиной?

И съ кесаремъ онъ говорилъ?

КВЕСТОРЪ ТЕРЕНЦІЙ.

Съ дубиной? этою скотиной

Не знаю кто насъ подарилъ!

Рабъ что-ль онъ бѣглый?.. Нѣтъ вѣдь знака

На рожѣ! Лаетъ какъ собака

На всѣхъ! и какъ сюда попалъ,

Такъ влѣзъ и къ кесарю: плѣнился

Имъ кесарь! Только онъ сказалъ

Что ты, да я, и восхитился!

Дубину принести велѣлъ,

Всѣхъ напугалъ и озадачилъ!

ФАБІЙ.

И насъ устроивать ужь началъ

По Діогену: Римъ горѣлъ

Не спроста!

КВЕСТОРЪ ТЕРЕНЦІЙ.

Только онъ, по счастью,
Охотникъ строить: этой страстью
И отвлекли. А этотъ скотъ
Съ тѣхъ поръ и тѣшится, и кстати,
Некстати насъ ругаетъ, пьетъ
И жретъ...

ФАБІЙ.

Ужь будетъ онъ въ сенатѣ
Какъ эта бестья, напримѣръ,
Миртиллъ... (*Вдругъ умолкаетъ при видѣ входящаго евнуха Миртилла, въ блестящей одеждѣ съ лавровымъ вѣнкомъ на головѣ. Публій и Харидемъ предлагаютъ ему свои мѣста. Онъ принимаетъ мѣсто Публія, который садится ниже. Цинику тоже подано ложе, но онъ то приляжетъ, то начнетъ обходить столы и чрезъ головы гостей беретъ кушанья*).

ХАРИДЕМЪ (*Миртиллу*).

Здоровье кесаря?

МИРТИЛЛЪ.

Богамъ
Благодаренье—солнце свѣтитъ!

ПРОВИНЦІАЛЬНЫЙ ПРЕТОРЪ (*квестору Теренцію*).

. . . А это кто же?

КВЕСТОРЪ ТЕРЕНЦІЙ.

Тс! тише! если только кожей
Ты дорожишь!.. Евнухъ Миртиллъ,
Пѣвецъ и мимъ. Да вотъ въ чемъ сила:
Въ ногахъ у кесаря лежитъ
Весь міръ, а кесарь самъ сидитъ
У ногъ вотъ этого Миртилла!

ПРОВИНЦІАЛЬНЫЙ ПРЕТОРЪ.

Такъ вотъ оно!..

КВЕСТОРЪ.

Да, да, оно!
Такъ, genus neutrum...

МИРТИ́ЛЛЪ.

Сегодня кесарю представленъ
Проектъ дворца. Позолоченъ
Весь корпусъ, на горѣ поставленъ,
И цѣлый лѣсъ кругомъ колоннъ,
Все бѣлый мраморъ, заглядѣнье!
Внутри жь что̀ шагъ, то изумленье!
Хотя бы пиршественный залъ:
Онъ сверху будетъ окропляться
Духами. Стѣны изъ зеркалъ;
Плафонъ же будетъ раздвигаться,

И вдругъ средь пира съ высоты
На васъ посыплются цвѣты.

РАЗНЫЕ ГОЛОСА.

Какъ это мило: вдругъ цвѣты!

ЦИНИКЪ.

А еслибъ вдругъ весь залъ съ гостями
Насыпать до верху цвѣтами?
Ароматическій конецъ!
Шепни-ка кесарю, пѣвецъ!

ФАБІЙ (*тихо квестору*).

А надоумитъ вѣдь подлецъ!

МИРТИЛЛЪ (*смѣясь*).

Забавное соображенье!..
Ахъ, этотъ милый кесарь! онъ
Три дня въ великомъ восхищеньѣ:
Изъ Дельфъ намедни привезенъ
Былъ этотъ дивный Аполлонъ,
И кесарь передъ нимъ проводитъ
Все время!.. Даже ночью всталъ
И факелами освѣщалъ!..

ВЕЛИКІЙ ЖРЕЦЪ ЭННІЙ (*тихо адвокатамъ*).

Какъ я сказалъ, такъ и выходитъ:
Вонъ пиѳія-то умерла!

Изъ храма взять, да въ залу оргій
Поставить бога!..

СЕНАТОРЪ АСПИЦІЙ *(идетъ со своего мѣста и подсаживаясь къ Децію, говоритъ ему тихо).*

Я точно какъ въ глубокой тьмѣ!
Пойми ты кесаря Нерона:
Какъ совмѣщаетъ онъ въ умѣ
И циника, и Аполлона?

ДЕЦІЙ *(съ улыбкой смотря на него и не отвѣчая на вопросъ, декламируетъ два стиха).*

„Дельфійскій богъ! и онъ позналъ
„Длань сокрушительную Рима!..“
Когда впервые увидалъ
Его я въ Дельфахъ, волны дыма
Отъ дорогихъ куреній храмъ,
Какъ легкій облакъ, наполняли.
На чудный образъ упадали
Лучи, и онъ по облакамъ
Какъ будто несся, быстробѣжный,
И передъ нимъ въ дали безбрежной
Отъ свѣтлыхъ стрѣлъ его толпой
Титаны тьмы бѣжали!..

Завитой патрицій КОРНЕЛІЙ.

Это

Эллады геній: по землямъ
Свершилъ онъ странствіе и къ намъ
Въ суровый Римъ лучъ бросилъ свѣта,
И сдѣлалъ насъ людьми!

ФАБІЙ (*со своего мѣста, громко*).

Людьми

Иль нѣтъ, а только перестали
Мы Римлянами быть!

КОРНЕЛІЙ.

Узнали

По крайней мѣрѣ что звѣрьми
Дотолѣ были!

ФАБІЙ.

Побѣждали

За то враговъ! Развратъ, пойми,
У насъ отъ Грековъ!..

КОРНЕЛІЙ.

Въ старину-то

Лишь полбу ѣли, да ячмень,
Да сыръ!

ФАБІЙ.

За то имѣли Брута,
Коріолана! Ночи въ день
Не обращали... Даже гадко
Ихъ слушать!.. Охъ, ужасный вѣкъ!

(Къ Децію).

Скажи ты, умный человѣкъ,
Кто лучше Римлянинъ или Грекъ?

ЦИНИКЪ *(который во время предыдущаго разговора лежалъ, разостлавъ свой мѣхъ на полу).*

Стой! разрѣшу одной загадкой:
Дуракъ болтунъ у дурака
Изъ простяковъ сидитъ на шеѣ
И погоняетъ простяка,
И ѣдутъ въ ровъ!.. Ну... кто умнѣе?

(Всѣ принужденно смѣются. Между великимъ жрецомъ и адвокатомъ громкій споръ).

ВЕЛИКІЙ ЖРЕЦЪ ЭННІЙ *(кричитъ).*

Отъ философіи!

ГАЛЛУСЪ.

Тревоги
Напрасныя!

ВЕЛИКІЙ ЖРЕЦЪ.

Отъ новыхъ вѣръ!

ГАЛЛУСЪ.

Отцеубійства и подлоги
Отъ новыхъ вѣръ! да, напримѣръ,
Какихъ же?

ВЕЛИКІЙ ЖРЕЦЪ.

Мало ль? Изъ Халдеи,
Изъ Персіи, изъ Іудеи!
Адонисъ! Митра!... У рабовъ
Свой даже богъ освободитель
Отъ всякой власти и оковъ—
Христосъ, всемірный, вишь, спаситель!

ПУБЛІЙ (*со своего мѣста*).

Тамъ тоже споръ у нихъ: о чемъ?...
Ученыхъ споровъ я любитель!

ГАЛЛУСЪ.

Все о безбожьи и о томъ
Что бога новаго открыли
Себѣ рабы, зовутъ Христомъ.

ПУБЛІЙ.

А христіане! да, знакомъ,
Знакомъ я съ ними!... Говорили
Что Римъ они сожгли?

ВЕЛИКІЙ ЖРЕЦЪ.

Схватили
Тогда же многихъ ихъ съ огнемъ!

СЕНАТОРЪ АСПИЦІЙ.

Живутъ всегда особнякомъ,
Ужь тѣмъ внушаютъ подозрѣнье:
Отъ всякихъ должностей бѣгутъ,
Ни кесаря не признаютъ,
Ни государства Рима!...

ВЕЛИКІЙ ЖРЕЦЪ (*внѣ себя*).

Пьютъ,
Свершая жертвоприношенье,
Кровь человѣческую!

СЕНАТОРЪ АСПИЦІЙ.

Ихъ
Нельзя терпѣть!... весьма опасно!
Мы терпимъ много сектъ дурныхъ,
Но эти...

ДЕЦІЙ (*смѣясь*).

Вотъ ужъ страхъ напрасный!
Вѣдь это жители небесъ!

ГАЛЛУСЪ (*Гиппарху*).

Отъ нихъ всю жизнь хоть бы процессъ,
Представь!

ГИППАРХЪ.

Да, да! Но... почему же?

ФАБІЙ.

Ну-съ, эти ужь и Грековъ хуже!
Они работаютъ во мглѣ,
Повсюду что ключи въ землѣ,
И всевозможныя химеры
Вбиваютъ въ головы рабамъ...

МИРТИЛЛЪ (*вставая съ мѣста и жестомъ успокоивая общее движеніе*).

Позвольте!... Приняты ужь мѣры!
Предписано: по городамъ
И здѣсь чтобъ завтра же явились
Всѣ къ квесторамъ и поклонились
Статуѣ кесаря, его
Признавши тутъ же божество,

Какъ признается всей вселенной.
А воспротивятся—пойдутъ
Одни для травли въ циркъ, другіе
Рубашки вздѣнутъ смоляныя,
Имъ въ глотки факелы воткнутъ,
Къ столбамъ привяжутъ ихъ, зажгутъ,
И кесарь въ пышной колесницѣ
Между пылающихъ ихъ тѣлъ
Проѣдетъ ночью по столицѣ!

ВЕЛИКІЙ ЖРЕЦЪ.

И боги воздадутъ сторицей!
Ему за это...

ФАБІЙ.

...Прекрасно! я бъ узнать
Желалъ чья мысль?

КВЕСТОРЪ.

Да безъ сомнѣнья.
Его, Миртилла! потѣшать
Умѣетъ Римъ!

МИРТИЛЛЪ.

А всѣхъ ихъ будетъ
Здѣсь въ Римѣ тысячъ сто!.. въ другихъ
Провинціяхъ мильйоны...

РАЗНЫЕ ГОЛОСА.

...Боги! Пусть же ихъ

Огуломъ всѣхъ на смерть осудятъ!

Всѣхъ съ корнемъ вонъ!

ХАРИДЕМЪ *(встаетъ и поднимаетъ чашу).*

Благодаренье

Тому кто бодрствуетъ за насъ!

Во здравье кесаря!

(Рабы наливаютъ вина въ чаши).

ОБЩІЙ КЛИКЪ *(всѣ встаютъ).*

Во здравье кесаря!..

ЦИНИКЪ *(вскочивъ съ полу).*

Онъ да я!

Всѣхъ прочихъ съ корнемъ вонъ!...

(Вырываетъ изъ рукъ Фабія чашу и пьетъ; Фабій за его спиной показываетъ ему кулаки).

ФАБІЙ *(обращаясь къ молодымъ патриціямъ).*

Вы напоили бы его,

Чтобъ ужь совсѣмъ онъ съ ногъ свалился!

(Молодые патриціи привлекаютъ къ себѣ Циника, и поятъ его).

МИРТИЛЛЪ *(ласково Децію).*

А ты смѣешься и не пьешь
И нашихъ мѣръ не признаешь
Во благо Риму?

ДЕЦІЙ.

Мѣръ напрасныхъ!
Жечь неопасныхъ никому
Мечтателей!..

МИРТИЛЛЪ.

Какъ, неопасныхъ? *(Указывая на всѣхъ).*
А гласъ народа?

(Входитъ Лезбія въ одеждѣ восточныхъ царицъ; съ нею нѣсколько женщинъ и толпа рабовъ эѳіоповъ).

КЛАВДІЙ.

Метелла, Туллія! вы къ намъ!

ЦИНИКЪ.

Эванъ! эвое
Мясцо живое!
Къ намъ! къ намъ!

(Женщины присоединяются къ молодежи. Лезбія идетъ прямо къ Децію. Въ то же время, съ другой стороны Лида и Марцеллъ являются и помѣщаются въ глубинѣ сцены за Деціемъ, маскируемые рабами.

ЛЕЗБІЯ.

Герой мой, здравствуй! Очень рада
Что ты еще не умеръ. Да!

Стремглавъ летѣла я сюда,
И главное затѣмъ что надо
Тебя мнѣ очень побранить!

ДЕЦІЙ (*къ рабамъ*).

Эй, ложе!

ЛЕЗБІЯ.

Можемъ раздѣлить
Когда позволите и ваше!
Лежи!

ДЕЦІЙ.

Рабъ вѣчный красоты,
Жду приказаній.

ЛЕЗБІЯ (*садясь на его ложе, въ ногахъ его*).

Прежде ты
Скажи какой не трогать чаши?

ДЕЦІЙ.

А вотъ—отъ дѣда.

ЛЕЗБІЯ.

Много лѣтъ
Живетъ на свѣтѣ! Золотая...
Съ волчицей крышка... небольшая...
А ядъ—стряпня Локусты?

ДЕЦІЙ.

Нѣтъ,

Съ Востока тоже вывезъ дѣдъ:

Одна Парѳянка подарила.

ЛЕЗБІЯ.

Ну, имъ не соблазнишь меня!

Я жить хочу!.. (*громко, чтобъ всѣ слышали*). Къ вамъ прямо я—

Отъ кесаря!

(*Общее движеніе. Публій, вставшій и поднявшій чашу, чтобы привѣтствовать Лезбію, поспѣшно садится на свое мѣсто*)

ФАБІЙ. (*тихо квестору Теренцію*).

Смотри, Миртилла

Какъ будто жаба укусила...

Она же смотритъ на него

Какъ на Пиѳона Фебъ...

ЛЕЗБІЯ.

Имѣла

Я счастье въ первый разъ его

Услышать пѣнье... ничего

Подобнаго не знаю! Млѣла

И плакала—я даже!.. Да!

А говорятъ я никогда

Не плачу!.. Какъ онъ держитъ лиру!
Какъ смотритъ въ небо — Аполлонъ!..
Да, Римляне! вы храбры! міру
Вы предписали свой законъ,
Но я скажу что предъ искусствомъ
Вы—варвары! Не стóитъ Римъ,
Такихъ художниковъ! Съ твоимъ —
Ужь извини—изящнымъ чувствомъ
Ты бъ могъ одинъ его цѣнить!
Онъ это знаетъ...

ДЕЦІЙ.

Не за то ли
Меня и хочешь ты бранить?

ЛЕЗБІЯ.

Отчасти...

КВЕСТОРЪ ТЕРЕНЦІЙ *(провинціальному претору)*.

...Ты совсѣмъ растаялъ?

ПРОВИНЦІАЛЬНЫЙ ПРЕТОРЪ.

Вотъ красота-то!.. И не чаялъ
Подобной встрѣтить отродясь!
Патриціанка?

КВЕСТОРЪ ТЕРЕНЦІЙ.

Нѣтъ, иная
Генеалогія у насъ.
Происхожденьемъ Массильянка,
Отецъ былъ Галлъ, а мать Гречанка.
Онъ былъ плясунъ. По городамъ
Таскалъ повсюду дочь съ собою.
Потомъ Изидинымъ жрецамъ
Ее онъ продалъ. Съ ихъ толпою
Чуть не во всѣхъ странахъ земныхъ
Перебывавъ, пришла къ Аѳинамъ,
Вездѣ попрыгавъ съ тамбуриномъ
И въ банделеткахъ золотыхъ.
Тутъ распрощалася съ жрецами
И появилась между нами —
Прелестной внучкою царей
Понтійскихъ — и всѣ вѣрятъ ей:
Осанка, гордый видъ царицы,
Передъ крыльцомъ живыхъ два льва.
Гляди какъ смотритъ: голова
Назадъ закинута, рѣсницы
Что стрѣлы, молньеносный взглядъ,
А профиль?

ПРОВИНЦІАЛЬНЫЙ ПРЕТОРЪ.

Голова Медеи!
И косы вкругъ чела лежатъ
Что перевившіяся змѣи!

КВЕСТОРЪ ТЕРЕНЦІЙ.

Да, змѣи!.. Какъ сказала тутъ
Что къ намъ отъ кесаря, такъ сжалось,
Другъ, сердце! такъ и показалось
Что змѣи всюду ужь ползутъ
По Риму, бьютъ фонтаны ядомъ,
И подъ ея упорнымъ взглядомъ
Вокругъ все падаетъ и мретъ!

ПРОВИНЦІАЛЬНЫЙ ПРЕТОРЪ.

Такая красота...

(*Раздаются звуки трубъ. Общее движеніе.*)

РАЗНЫЕ ГОЛОСА.

Э! гладіаторовъ трубятъ!
Бой будетъ, бой!..

ЦИНИКЪ (*стоя среди залы и передразнивая всѣхъ*).

А! крови, крови!
Сказался звѣрь! а не хотятъ
По Діогену жить!..

ВСѢ.

Мѣста! мѣста!

Входятъ гладіаторы. Попарно проходятъ мимо Деція, кланяются ему, и потомъ строятся въ рядъ въ глубинѣ сцены. Рабы сдвигаютъ ложа, очищая мѣсто для боя, Децій и Лезбія остаются на своихъ мѣстахъ.

ЛЕЗБІЯ.

Вотъ это въ римскомъ вкусѣ! браво!
И ужь за это честь и слава
Вамъ, Римлянамъ!.. да, да... люблю!
Ты много держишь ихъ?.. Я знаю
Въ нихъ толкъ, сама ихъ покупаю,
Кормлю, учу и продаю —
Превыгодно!

ДЕЦІЙ.

Ста два!

ЛЕЗБІЯ.

Такъ мало?

(*Два гладіатора выходятъ на средину залы*).

ЛЕЗБІЯ.

Не дурны люди. Это — Галлъ,
А этотъ... Свевъ. Держу за Галла,
А ты—за Свева.

Гладіаторы наступаютъ другъ на друга Галлъ съ мечомъ. Свевъ съ палицей. Сыплются удары на щиты.

ЛЕЗБІЯ (*слѣдя за боемъ*).

Ну—пропалъ!

А! извернулся!.. Этотъ Свевъ

Раскормленъ очень... впрочемъ годенъ

Для палицы. Вотъ Галлъ—свободенъ,

Увертливъ, худъ и быстръ какъ левъ

Ливійскій!..

Свевъ наноситъ страшный ударъ. Галлъ роняетъ щитъ.

ДЕЦІЙ.

Ну, ты проиграла!

Свевъ снова замахивается. Лезбія встаетъ на ложѣ. Децій смотритъ приподнявшись на локтѣ.

ЛИДА (*глухо*).

И Децій смотритъ!..

Но Галлъ увертывается; тяжелый ударъ Свева падаетъ на полъ. Галлъ быстро вонзаетъ свой короткій мечъ ему между реберъ. Свевъ падаетъ.

ЛЕЗБІЯ.

Угадала!

Ура! побѣда!.. (*Рукоплещетъ и всѣ съ нею*).

Галлъ вопросительно смотритъ на Лезбію наступивъ ногой на Свева.

ЛЕЗБІЯ.

Ну, кончай!

Vae victis!

ОБЩІЕ КРИКИ.

Кончай! кончай!

(Галлъ закалываетъ Свева подъ горло).

ЛЕЗБІЯ (*спрыгиваетъ съ ложи, подбѣгаетъ къ Свеву и смотритъ на рану. Около нея сбираются и другія женщины и молодые люди*).

Ударъ на славу!

(Къ Децію, указывая на Галла).

Ты, Децій, мнѣ его отдай!

ДЕЦІЙ.

Да всѣхъ бери!.. Хоть бы въ забаву

Что́ удалось!

ЦИНИКЪ (*шатаясь, подходитъ и толкаетъ ногой убитаго*).

Матерый звѣрь!

ТУЛЛІЯ.

Ужь близокъ къ Стиксу, чай, теперь,

Такъ вотъ ему на переправу.

Кладетъ убитому въ ротъ монету. Всѣ смѣются. Туллія Децію:

Теперь что́ жь? Общій бой?..

ЛЕЗБІЯ (*возвращаясь на свое мѣсто*).

Нѣтъ, полно! некогда! вина
Налей мнѣ! Жажда мучитъ. Рада
Всю ночь смотрѣть, до бѣла дня!..
Теперь къ дѣламъ. Вотъ что́ мнѣ надо.
Во-первыхъ, ты поздравь меня
Съ другой побѣдою!.. Большаго
Она мнѣ стоила труда, —
Но безъ труда и нѣтъ плода!
Теперь сказать мнѣ только слово:
„Ты Децiя мнѣ подари!“
И ты живешь...

ДЕЦІЙ (*прерывая съ закипающимъ негодованіемъ*).

Не говори,
Не думай... это невозможно.

ЛЕЗБІЯ.

Не горячись. Мнѣ все возможно.
Ты выслушай. Дня чрезъ три,
Я все обдумала, устрою
Я небывалый пиръ, съ борьбою,
Родъ олимпійскихъ игръ — пѣвцы
И бѣгъ... Конечно, всѣ вѣнцы
Получитъ кесарь... И, мой милый,

Вѣдь мы живемъ въ чудесный вѣкъ!
Его понявши, человѣкъ
Всего добьется, только бъ силы
Достало и ума. А ты
Такой достигнуть высоты
И славы можешь... Я вѣдь знаю
Людей, и въ будущемъ читаю
Какъ пиѳія. Ты долженъ жить.

ДЕЦІЙ.

И въ жизни лишь тебя любить!

ЛЕЗБІЯ.

Да, да, союзъ. А цѣль—тебѣ я
Могу лишь на ушко шепнуть:
Цѣль: „*Кесарь Децій*“, и ни чуть
Не трудно. Надо лишь умѣя
За дѣло взяться. Ты богатъ,
И дашь мнѣ средства...

ДЕЦІЙ (*полунасмѣшливо*).

О, Цирцея!
Все, все за царственный твой взглядъ!

ЛЕЗБІЯ (*обидясь*).

Упрямство, Децій, даже въ дѣтяхъ

Не хорошо! Съ такимъ умомъ
Какъ ты...

Увидѣвъ Публія, который приближается къ ней съ чашей въ рукахъ).

Да выгони мнѣ этихъ
Вралей! останемся вдвоемъ,
Я убѣдить тебя съумѣю...

ДЕЦІЙ.

Довольно!.. Все что́ я имѣю
Твое, но съ тѣмъ чтобъ не мѣшать
Мнѣ умереть...

ЛЕЗБІЯ (*смутясь*).

Какъ понимать?

ДЕЦІЙ (*въ полномъ разгарѣ гнѣва*).

Да! не мѣшать!... И передать
Нерону что́, собравши силы,
Я, издыхая, изъ могилы,
Предъ цѣлымъ міромъ прокричать
Ему хочу! Пускай онъ знаетъ
Что съ легіонами рабовъ
Не сломитъ въ насъ онъ духъ отцовъ,
Что кесарь — самъ онъ забываетъ,
Что этотъ духъ въ лицѣ его
Себя лишь чтитъ за божество,

И кесарь онъ — пока лишь полонъ

Самъ этимъ духомъ!...

(Общее оцѣпенѣніе. Всѣ притаились на своихъ мѣстахъ).

ЛЕЗБІЯ (*соскочившая со своего мѣста во время рѣчи Деція, смотритъ на него съ испугомъ, потомъ съ озлобленіемъ; наконецъ, принимая повелительный видъ*).

Да заколите же его

Во имя кесаря!..

(Всѣ нерѣшительно поднимаются съ мѣстъ).

ДЕЦІЙ (*указывая на чашу съ ядомъ*).

Напрасно! не трудитесь...

(Вполнѣ овладѣвъ собой, къ Давусу).

Эй! Давъ! открыть имъ галлереи,

Всѣ кладовыя, всѣ музеи,

Имъ всѣ сокровища открыть,

Подвалы съ золотомъ!.. берите

И виллу всю хоть разнесите

По камню!..

(Общее молчаніе; глухой радостный гулъ проносится въ толпѣ).

КВЕСТОРЪ ТЕРЕНЦІЙ (*про себя*).

Ухъ! отлегло!..

ФАБІЙ (*тихо сосѣду*).

Все намъ даетъ?

ГАЛЛУСЪ (*хватаетъ чернильницу за поясомъ, тихо Гиппарху*).

Актъ не составить ли? donantis
Mens ne mutata sit?

ГИППАРХЪ.

Ну вотъ!
Ужь тутъ jus primi occupantis!

ДАВУСЪ (*поднимая связку ключей ко всѣмъ*).

Прикажете?.. (*Всѣ бросаются со своихъ мѣстъ*).

СЕНАТОРЪ АСПИЦІЙ (*мрачно про себя*).

Чѣмъ кончится все это!..

(*Уходитъ опустивъ голову*).

ФАБІЙ (*оглядывая столы*).

А это все—сосуды, кубки...

ХАРИДЕМЪ (*подлѣ него, беретъ одинъ кубокъ*).

Вотъ вещь изящная!.. голубки
Цѣлуются...

ФАБІЙ (*вырывая у него этотъ кубокъ*).

Давай сюда!

Рабы растащутъ же!..

ПУБЛІЙ (*беретъ разную утварь*).

Да, да!

Въ гостинецъ внучкамъ!..

ВЕЛИКІЙ ЖРЕЦЪ (*тихо*).

Я богамъ!

(За ними всѣ, кромѣ Лезбіи и Циника, который, совсѣмъ опьянѣвъ, развалился на ложѣ, хватаютъ сосуды, чаши и пр. Опрокидываютъ многіе канделябры).

ЛЕЗБІЯ (*неподвижно смотрѣвшая на Деція, съ досадой*).

...Эхъ, Децій!..

(Къ Эѳіопамъ, указывая на толпу).

Дорогу мнѣ! (*къ Давусу, пропуская его впередъ*).

Иди!

(Эѳіопы расталкиваютъ толпу).

КЛАВДІЙ (*пропустивъ Лезбію, бѣгомъ возвращается съ молодежью и женщинами на середину сцены и потрясая огромнымъ золотымъ сосудомъ*).

Ты, Децій, богъ!

ВСЯ ТОЛПА.

Богъ! богъ!

(*Убѣгаютъ, опрокидывая послѣдніе канделябры*).

ДЕЦІЙ.

Стократъ проклятье вамъ!.. И могъ
Съ ватагой этой ненасытной
Однимъ я воздухомъ дышать!

ЦИНИКЪ (*безсознательно увлекаемый общимъ движеніемъ пробуетъ встать, но падаетъ опять на ложе и кричитъ*).

Хозяинъ! будешь умирать
Такъ разбуди! прелюбопытно!..
Все хорошо!.. Эй вы!.. вы къ намъ,
Вы самки!.. Туллія...

(*Засыпаетъ*).

ДЕЦІЙ.

Еще разъ всѣмъ проклятье вамъ!

(*Залъ остается съ опрокинутыми сѣдалищами и канделябрами, освѣщенный только висящими сверху свѣтильниками. Децій опускается на свое ложе и облокотясь на столъ предъ золотою чашей и глядя на нее*).

Ну, что́ же?.. кончимъ „представленье“,
Какъ тотъ сказалъ!.. (*Беретъ чашу: Лида и Марцеллъ къ нему приближаются*).

ДЕЦІЙ.

Нужна не сила воли намъ
Чтобъ жизнь порвать, а отвращенье,
Да, отвращенье къ жизни!..

(*Сильнымъ движеніемъ поднимаетъ чашу чтобы выпить ее*).

ЛИДА (*бросаясь къ нему и удерживая*).

Стой!
Стой, Децій!..

ДЕЦІЙ (*быстро поставивъ чашу на столъ*).

Лида... ты!.. Марцеллъ!..

ЛИДА (*едва удерживая рыданіе*).

Несчастный! видишь... видишь—вотъ
Что́ создала вамъ мудрость ваша!
Ты лучше всѣхъ, такъ яду чаша!..

ДЕЦІЙ.

Печально! да!.. (*Протягивая руку къ Лидѣ*).
Но гдѣ жь исходъ,
Философъ милый, гдѣ жь исходъ?

И еслибъ былъ—то утѣшенья
Не много: поздно!..

ЛИДА.

Никогда
Не поздно!.. Одного мгновенья
Увидѣть разомъ свѣтъ, понять,—
Мгновенья одного довольно!
А тамъ что̀ дѣлать, что̀ начать
Само ужь скажется невольно!
Увидя свѣтъ, ужь никому
Назадъ не хочется во тьму!

ДЕЦІЙ (*смотря пристально на Лиду*).

Но что̀, скажи, съ тобою Лида?
Ты какъ въ огнѣ! какой нарядъ!
Простая, темная хламида,
Покровъ широкій... какъ горятъ
Глаза... Да гдѣ же ты скрывалась?
Въ послѣдній разъ передо мной
Ты по ристалищу промчалась
На колесницѣ золотой,
Сама конями управляла,
И оглянулась на меня...

Весельемъ, розами сіяла,
Мнѣ въ даръ улыбку уроня!..

ЛИДА.

Я выплыла изъ этой бездны!
Туда оглядывалась я
Лишь на тебя!.. Душа твоя,
Я знала, бьется безполезно
Ища въ ней берега... и шла
Я указать тебѣ спасенье...
И сколько разъ!..

ДЕЦІЙ (*въ недоумѣніи*).

Ты мнѣ несла
Спасенье, Лида?.. Ты нашла?

ЛИДА.

Ты знаешь христіанъ?

ДЕЦІЙ (*озадаченный*).

Спасенье
Мнѣ въ христіанахъ? Ихъ ученье
Я знаю и не разъ слыхалъ
Ихъ проповѣдниковъ: худые
И загорѣлые, босые...
Ихъ въ Римѣ много... Одного
Я живо помню. Былъ забавенъ

Восточный выговоръ его,
И жестъ порывистъ и неплавенъ,
Но дикимъ паѳосомъ своимъ
Онъ поражалъ... Я помню, было
Внѣ Рима. Солнце заходило,
И онъ указывалъ на Римъ...
Самъ на горѣ стоялъ... Открытый,
Высокій лобъ... Народъ кругомъ...
И мы подъѣхали верхомъ
Съ прогулки... „Змѣй многоочитый,
Онъ восклицалъ,—ты міръ земной,
Обвивъ, сдавилъ его собой,
И здѣсь, на семихолмьѣ, въ Римѣ,
Въ златомъ вѣнцѣ и діадимѣ
Главой покоишься своей..."
Я оглянулся: блескъ заката,
Весь вѣчный городъ, блескъ огней,
Златая кесарей палата,
Водопроводы, виллы... Змѣй—
Великолѣпное сравненье!
Онъ разумѣлъ развратъ, паденье
И порчу нравовъ; говорилъ
Все въ апологахъ, но оставилъ
Въ насъ впечатлѣнье. Впрочемъ, былъ
Изъ римскихъ гражданъ...

ЛИДА (*быстро*).

То былъ Павелъ!...

ДЕЦІЙ.

Ты знаешь ихъ по именамъ?

ЛИДА.

Я христіанка.

ДЕЦІЙ.

Какъ? давно ли?

ЛИДА.

Все дѣло въ истинѣ, а тамъ
Какъ къ ней пришелъ, не все равно ли?..
Вотъ слушай...
Въ циркѣ разъ, среди
Несчастныхъ, обреченныхъ казни,
Одна стояла—на груди
Сложивши руки, безъ боязни
Смотря на звѣря и кругомъ
На насъ, на кесаря—безъ гнѣва,
И—чудо красотою дѣва...
Къ кому-то вдругъ вверху поднявъ
Глаза и точно повстрѣчавъ
Кого-то тамъ, рукой взмахнула,

И улыбнулась, и взглянула
Такъ, какъ бы къ матери могла
Взглянуть невѣста... Шумъ и клики
Тутъ поднялись... но мнѣ ужь дики
Казались люди... я ушла...
И съ той поры три ночи рядомъ,
Та дѣва, съ тѣмъ же кроткимъ взглядомъ,
Ко мнѣ являлася и тѣ жь
Слова мнѣ тихо повторяла:
„Иди и мать мою утѣшь“...
И я пошла... и все узнала...
И тамъ, средь тихихъ, свѣтлыхъ слезъ,
Я все нашла, чего искала,—
Я поняла, кто былъ Христосъ...

ДЕЦІЙ (*уклоняясь отъ впечатлѣнья*).

Видѣнье... А, Марцеллъ, ты вѣришь,
Что Бруту Цезарева тѣнь
Являлась на разсвѣтѣ, въ день
Фарсальской битвы?...

МАРЦЕЛЛЪ.

Къ убійцѣ? Можетъ-быть. Не знаю...
Но я видѣнье понимаю
Что́ было Павлу... Онъ скакалъ

Въ Дамаскъ, пустыней, въ злобѣ дикой
На христіанъ—онъ замышлялъ
Ихъ истребить—и вдругъ великій
Увидѣлъ свѣтъ и изъ него
Услышалъ голосъ: „для чего
Меня ты гонишь, Павелъ, Павелъ!“
Предъ нимъ стоялъ Христосъ... И Павелъ,
Прійдя въ Дамаскъ, ужь не къ врагамъ
Пошелъ Христовымъ, а къ друзьямъ.
Такая жь какъ о Павлѣ повѣсть
И обо мнѣ. Мы всѣ пройти
Должны по Павлову пути.
Неумолимой правдой совѣсть
Перепытать—какъ онъ въ тотъ путь;
Такъ глубоко въ себя взглянуть
Чтобъ въявь Христа увидѣть...

ДЕЦІЙ (*въ изумленіи, почти въ испугѣ*).

Боги! (*Вскакиваетъ*).
И ты! ты Римлянинъ, ты строгій
Патрицій, воинъ, жизнь свою
Проведшій въ лагерѣ, въ бою...
Да ты... Вѣдь этотъ Римъ Нерона,
Припомни, говорилъ ты самъ,

Что два иль три бы легіона,
И разнесли вы по клочкамъ...

МАРЦЕЛЛЪ (*попрежнему спокойно и твердо*).

Какъ всѣ, я думалъ, центръ вселенной
Во мнѣ!.. И замыслъ сокровенный
Питалъ въ душѣ. Ну, мы бъ пришли
И стерли бъ Римъ съ лица земли.
Что́ жь послѣ? строить надо бъ было?
Да что̀ и какъ? какою силой?
Народы хлѣба алчутъ—Римъ
Даетъ имъ камень!... Не одно ли—
Неронъ, другой ли, на престолѣ,
Онъ тотъ же камень броситъ имъ!
Да, думалъ я, вѣрна побѣда.
Но вдругъ былъ въ лагерь приведенъ
Ко мнѣ подъ стражей Павелъ. Онъ
Судьбу мою рѣшилъ!... Бесѣда
Единой ночи!... Весь раскрытъ
Я передъ нимъ стоялъ, разбитъ,
Какъ червь раздавленъ...

ДЕЦІЙ (*съ возрастающимъ ужасомъ перебивая его*).

Озлобленье,
Въ тебѣ, отчаянье...

ЛИДА.

Прозрѣнье,
Прозрѣнье внутрь себя!

МАРЦЕЛЛЪ (*тономъ глубокаго убѣжденія*).

Убитъ
Былъ прежній человѣкъ, суровый
И внутрь невидящій, и новый
Во мнѣ возсталъ. Я понялъ, намъ
Не Богъ предметомъ поклоненья
Во храмѣ былъ, а самый храмъ!
Таковъ весь Римъ: что́ онъ ни строитъ,
Онъ строитъ на пескѣ морскомъ;
Прійдетъ волна, и зданье смоетъ
И всѣхъ кто жизни чаетъ въ немъ...

ДЕЦІЙ (*перебивая съ величайшею живостью*).

О, Римъ гетеръ, шута и мима, —
Онъ мерзокъ, онъ падетъ!.. Но нѣтъ,
Вѣдь въ томъ что́ носитъ имя Рима
Есть нѣчто высшее!.. Завѣтъ
Всего что прожито вѣками!
Въ немъ мысль вознесшая меня
И надъ людьми, и надъ богами!
Въ немъ Прометеева огня

Неугасающее пламя!
Въ символъ побѣды это м н о й
Въ предѣлахъ вѣчности самой
На вѣкъ поставленное з н а м я,
Мой р а з у м ъ, предъ которымъ вся
Раскрыта тайна бытія!
И этотъ Римъ не уничтожитъ
Никто! никто м е н я не можетъ
Низвергнуть съ этой высоты...

МАРЦЕЛЛЪ (*горько; потомъ строго*).

И что же?.. Все порвавъ съ толпою,
На высотѣ всѣмъ чуждый, ты
Лишь самъ любуешься собою,
И съ чашей яду лишь глядишь
Въ красивой позѣ ль ты стоишь!..
Твой разумъ, значитъ, злая сила,
Когда, чтобъ въ высотѣ стоять—
Мильйоны ближнихъ надо было
Ему себѣ въ подножье взять...

ДЕЦІЙ (*въ высочайшемъ разгарѣ страсти*).

Мильйоны ближнихъ!.. Что такое
Мнѣ эти ближніе... Рабовъ
Ты разумѣешь!.. О пустое

Мечтанье этихъ мудрецовъ!
Рабы и въ пурпурѣ мнѣ гадки!
Какъ? Изъ того что той порой
Когда стихіи межь собой
Боролись въ бурномъ безпорядкѣ,
Земля, межь чудищъ и звѣрей,
Межь грифовъ и химеръ крылатыхъ,
Изъ нѣдръ извергла и людей,
Свирѣпыхъ, дикихъ и косматыхъ,
Мнѣ изъ того въ нихъ братьевъ чтить?..
Да первый тотъ, кто возложить
На нихъ ярмо возмогъ, тотъ разомъ
Сталъ выше всѣхъ, какъ власть, какъ разумъ!
Кто жь суевѣрья ихъ презрѣлъ,
И мыслью смѣлою къ чертогамъ
Боговъ ихъ жалкихъ возлетѣлъ,
Тотъ самъ для нихъ уже сталъ богомъ,
И въ полномъ правѣ съ высоты
Глядѣть какъ въ безотчетномъ страхѣ,
Внизу барахтаются въ прахѣ
Всѣ эти темные кроты!..
Да! если есть душа вселенной,
Есть божество,— оно во мнѣ!
И если чтобъ ему вполнѣ
Раскрыться, нужно непремѣнно

Чтобъ гибли тысячи тупыхъ
Существъ, несмыслящихъ, слѣпыхъ, —
Пусть гибнутъ!.. такова ихъ доля!
Имъ даже счастіе неволя!
Лишь съ дня когда онъ въ рабство впалъ,
Для міра рабъ хоть нѣчто сталъ!

(*Продолжаетъ ходить*).

МАРЦЕЛЛЪ (*строго и горько*).

Такъ это разумъ! онъ, который
Самъ о себѣ намъ говоритъ:
„Я истина“, и безъ опоры
На мечъ, блѣднѣетъ и дрожитъ!
Неронъ, онъ убѣжденъ, что тоже
Въ немъ истина!.. Великій жрецъ
И циникъ также... Отчего же
Твой разумъ лучше всѣхъ, мудрецъ?

ЛИДА (*смотритъ на Деція съ ужасомъ*).

Какъ ночь душа его мрачна!
Онъ—Боже! никого не любитъ...

(*Плачетъ истерически*).

Ихъ гордость римская... Она
Ихъ умъ мрачитъ... Она ихъ губитъ...

ДЕЦІЙ (*останавливаясь передъ нею*).

Къ чему же слезы?.. Перестань...

(*Смотритъ на нее внимательнѣе*).

Но какъ ты, Лида, измѣнилась...

О, какъ ты стала хороша...

ЛИДА (*послѣ сильнаго напряженія, голосомъ искренняго чувства и все болѣе одушевляясь*).

Я, Децій!.. Я давно простилась
Со всѣмъ земнымъ!.. Твоя душа —
Ты міръ обнять не можешь взоромъ,
И вознестись на высоту,
И ту постигнуть красоту,
То совершенство, предъ которымъ
Ничто твой жалкій, бѣдный міръ
Гдѣ ты лишь самъ себѣ кумиръ!
Да, гордость, Децій!.. Ослѣпила
Она тебя!.. Въ земныхъ цѣпяхъ
Душа источникъ свой забыла,
А онъ, о Децій, въ небесахъ!
Слова Христовы западаютъ
Мгновенно въ душу—оттого,
Что намъ его напоминаютъ,
И возвращаютъ намъ его...
И тутъ ужь смерть—конецъ разлуки,

Побѣдный выходъ изъ тюрьмы,—
И примешь все ты—смерть и муки
Чтобъ къ свѣту вырваться изъ тьмы...
А здѣсь пока—ты безъ завѣта
Отдашься ближнимъ—ты поймешь,
Что только лучъ имъ нуженъ свѣта
И ты въ себѣ его найдешь!

ДЕЦІЙ.

Ты точно внѣ ужь міра, Лида!
Куда умчалась ты? Изъ вида
Теряю... Точно отъ земли
Оторвалась—межь звѣздъ носилась
И къ намъ на землю воротилась
Въ ихъ золотой еще пыли...

(*Смѣясь*).

Вотъ видишь, ты не ожидала —
Передъ тобой и я поэтъ!..

ЛИДА.

Онъ шутитъ!...

ДЕЦІЙ.

Бросимъ этотъ бредъ —
Прости Марцеллъ—но только дѣтямъ
И можно увлекаться имъ...

ЛИДА (*съ новымъ одушевленьемъ*).

Бредъ—говоришь ты? Но ужь Римъ,
Ужь міръ исполненъ бредомъ этимъ!
Ужь мы—на рубежѣ стоимъ —
И въ Римѣ ужь теперь два Рима!
Здѣсь—этотъ Римъ; ужь онъ—какъ тѣнь
Теперь, какъ призракъ... Близокъ день,—
И онъ разсѣется... и новый
Откроетъ Римъ...

(*Слышно издали пѣніе и въ глубинѣ сада показываются медленно проходящіе въ сіяніи свѣточей Христіане*).

ПѢНІЕ ХРИСТІАНЪ.

Ясный, не меркнущій,
Тихій свѣтъ утренній!
Нынѣ ведешь ты насъ
Къ незаходимому,
Свѣту безсмертному,
Дню беззакатному!..

ДЕЦІЙ.

Кто это?

ЛИДА (*торжественно*).

Новый Римъ!..
Да! здѣсь
У васъ пиры, а тамъ, подъ вами,

Въ землѣ, тамъ, въ катакомбахъ, весь
Всечасно молитъ со слезами
О васъ же христіанскій Римъ,
Чтобъ Вседержитель Богъ далъ силы
Ему спасти васъ...

ДЕЦІЙ.

Новый Римъ!
Такъ христіане—новый Римъ?!
Тутъ, въ катакомбахъ, гдѣ могилы
Великихъ предковъ?!

(*Съ судорожнымъ хохотомъ*).

Новый Римъ!
Да развѣ можетъ быть два Рима?
Два разума! Двѣ правды! два
Могущества, два божества!..

МАРЦЕЛЛЪ.

И тотъ гдѣ ложь—не отвратима
Его погибель!.. Пусть насъ жгутъ...

ДЕЦІЙ (*порывисто*).

Ужель мильйоны васъ?

МАРЦЕЛЛЪ (*нерѣшительно*).

...Не знаемъ..

ДЕЦІЙ.

Декретъ ты знаешь?

МАРЦЕЛЛЪ (*указывая на идущихъ христіанъ*).

Исполняемъ,

Какъ видишь...

ДЕЦІЙ.

Какъ? они идутъ

На смерть?

ЛИДА.

Что́ смерть!

ДЕЦІЙ (*мрачно, смотря на христіанъ*).

Глазамъ не вѣрю!

На казнь идти и гимны пѣть,

И въ пасть некормленному звѣрю

Безъ содроганія глядѣть...

И кто жь? Рабы!..

(*Почти въ изступленьи*).

Да кто жь вы? кто вы?

Марцеллъ! вѣдь строя Римъ твой новый,

Пойми, ты губишь Римъ отцовъ!

Созданье дѣлъ ихъ! трудъ вѣковъ!

Римъ словно небо, крѣпко сводомъ,

Облегшій землю, и народамъ,
Всѣмъ этимъ тысячамъ племенъ
Или отжившимъ иль привычнымъ
Лишь къ грабежамъ, разноязычнымъ,
Языкъ свой давшій и законъ!
И этотъ Римъ, и это зданье
Ты отдаешь на растерзанье...
Кому же?.. Тѣмъ кто годенъ былъ,
Какъ вьючный скотъ, въ цѣпяхъ, лишь къ носкѣ
Земли и камня, къ перевозкѣ
Того что̀ мнѣ бъ ѝ мулъ свозилъ!
Рабы!.. Марцеллъ, да гдѣ мы? гдѣ мы?
Для нихъ вѣдь камни эти нѣмы!
Что̀ намъ позоръ—имъ не позоръ!
Они (*Указывая на статуи:*) предъ этими мужами
Не заливался слезами,
Съ стыдомъ не потупляли взоръ!
И вдругъ, безъ всякаго преданья,
Безъ связи съ прошлымъ, какъ стада
Звѣрей которымъ пропитанье—
Всей жизни цѣль, придутъ сюда!
И гдѣ жь узда для дикой воли?
Что̀ ихъ удержитъ?.. Все падетъ!
И Пантеонъ, и Капитолій
Травою сорной заростетъ!..

ЛИДА.

Проходитъ зримый образъ міра,
Но, Децій, міръ не погубить
Пришелъ Христосъ, а словомъ мира
Въ любви и правдѣ возродить...

МАРЦЕЛЛЪ.

И жизнь вдохнуть въ него!

ДЕЦІЙ (*къ Марцеллу съ презрѣніемъ*).

Несчастный!

(*Взглянувъ на чашу съ ядомъ*):

О, умирать теперь ужасно!
Или игралищемъ судьбы
Я былъ досель? съ врагами бился,
А злѣйшій врагъ межь тѣмъ подрылся
Уже подъ самые столбы
Насъ всѣхъ вмѣщающаго храма!
Я тѣни предковъ вызывалъ,
Противу моря зла упрямо
Средь ярыхъ волнъ его стоялъ
Живымъ укоромъ и проклятьемъ,
Непобѣдимъ, неколебимъ...

ЦИНИКЪ (*проснувшись*).

Хозяинъ, умеръ?

МАРЦЕЛЛЪ.

Вотъ, твой Римъ
Тебя зоветъ: къ его объятьямъ
Стремись скорѣе—что́ нужды
Что этотъ мужъ въ своемъ паренькѣ
Не видитъ далѣе ѣды?
Одной вы матери рожденье,
Того же дерева плоды!

Между тѣмъ почти разсвѣло. Христіане, все въ возрастающемъ числѣ, продолжаютъ проходить вдали, при пѣніи гимновъ. Изъ нихъ выдѣляются группы рабовъ Деція, которые останавливаются предъ входомъ въ залу и потомъ, впереди Іовъ, входятъ въ залу, по окончаніи слѣдующей рѣчи Марцелла. Марцеллъ и Лида дѣлаютъ нѣсколько шаговъ къ нимъ и смотрятъ на нихъ съ благоговѣніемъ. Децій отступаетъ на другую сторону сцены. Къ нему присоединяется Циникъ, со словами: „это что́?“ указываетъ на христіанъ и прислушивается.

ГИМНЪ ХРИСТІАНЪ.

Ясный, немеркнущій
Тихій свѣтъ утренній,
Нынѣ ведешь ты насъ
Къ незаходимому
Свѣту безсмертному,
Дню беззакатному...

МАРЦЕЛЛЪ.

Ну, Децій! Время... Со своими
Я ухожу... Прощай... (*Хочетъ идти, но возвращается опять и говоритъ Децію, указывая на христіанъ*).

...Ты видишь — вотъ — живыя
Все души,—въ каждомъ разумъ свой,—
Но всѣ проникнуты одной,—
Какъ солнцемъ глубины морскія,—
Любовію!.. Здѣсь нѣтъ вождей!
Творятъ дѣла здѣсь ужь не люди!
Для всѣхъ какъ для простыхъ орудій
Сокрыты цѣли! Безъ мечей
Идемъ къ побѣдѣ несомнѣнной!
Пойми жь что свыше лозунгъ данъ!
То Божій духъ по всей вселенной
Летитъ какъ нѣкій ураганъ...
Что́ было свѣтомъ — въ мракъ отходитъ!
Всѣ солнца гаснутъ! Новый день
И солнце новое восходитъ,
Все прежнее бѣжитъ какъ тѣнь.
Что́ жь, гордый человѣкъ, усильно
За тѣнь хватаясь, вмѣстѣ съ ней
Исчезнуть хочешь въ тьмѣ могильной,
Въ безумной гордости своей!
Себя поставивши судьею
Надъ всей вселенной, никогда
Ужь не признаешь надъ собою
Глаголовъ Божьяго суда?...

ДЕЦІЙ (*къ Марцеллу твердо и выразительно*).

Мой судъ—я самъ! Все, чѣмъ мой разумъ
Могучъ и свѣтелъ, далъ мнѣ Римъ,
И пусть идутъ всѣ боги разомъ,
И съ ними всѣ народы—имъ
Не уступлю и упреждаю
Ихъ вызовъ... (*Беретъ чашу; Лида бросается къ нему, онъ ее отталкиваетъ*).
Прочь! (*Къ Цинику*). А ты, бѣги
И въ Римѣ всѣмъ кричи: враги
Въ его стѣнахъ! что умираю
Я на посту своемъ за Римъ!
За вѣчный Римъ!.. (*Выпиваетъ чашу*).

ЛИДА (*закрывая лицо руками и падая на колѣни*).

Боже! Я
Имѣла вѣры не довольно!

ДЕЦІЙ (*увидавъ вошедшихъ христіанъ*).

Прочь!

ІОВЪ.

Боже сильный! отпусти
Ему грѣхъ вольный и невольный!
(*Приближаясь къ Децію*).

Ты жь, господинъ, ты насъ прости
Коль въ чемъ виновны предъ тобою!

ДЕЦІЙ *(сурово)*.

Что̀ надо вамъ?

ЛИДА.

Твои рабы
Идутъ на смерть и молятъ, Децій,
Чтобъ Богъ простилъ тебя и ты
Простилъ бы ихъ!..

(Децій быстро отъ нихъ отворачивается).

ЦИНИКЪ.

О чемъ хлопочутъ?
И вѣдь не плуты, не морочутъ!
Поди жь, вѣдь создаютъ себѣ
Мученья!.. Мудрецы все!.. *(Уходитъ)*.

ДЕЦІЙ *(склоняясь на ложе, Марцеллу)*.

А если всѣ насъ такъ разсудятъ,
Марцеллъ?

ЛИДА *(искренно, страстно)*.

Судъ только Божій будетъ!
Ты, Децій, ты любилъ что̀ зналъ;
Зналъ Римъ! его любилъ ты много

Собой пожертвовалъ, страдалъ...
О! жертва всякая у Бога
Сочтется...

ДЕЦІЙ (*съ ненавистью, грозно*).

Лида! я бъ васъ гналъ
Когда бы жилъ еще! терзалъ
Звѣрьми бъ, живаго бъ не оставилъ!..

ЛИДА (*слезы въ голосѣ*).

Ты бъ гналъ, покуда бъ не узналъ,
Покуда бъ не прозрѣлъ какъ Павелъ,
И больше насъ тогда бъ Христа
Великимъ разумомъ прославилъ!
Въ тебѣ была вѣдь прямота!
Прозрѣвъ, отдался бъ въ искупленье
Всѣхъ золъ что сотворилъ!.. Прощать
Ты бъ научился... да!.. прощать!
Вѣдь христіанство, все ученье,
Нѣтъ, не ученье—жизнь—прощенье,
Ежеминутное прощенье,
Прощенье вѣчное!..

ДЕЦІЙ (*приподнимаясь и пристально смотря на Лиду*).

Не та!..
Не та!.. Такъ кто же ты?.. Видѣнье?

Дай руку... (*Съ ужасомъ:*) Свѣтъ вокругъ тебя!
Что́ жь это? что́? (*Падаетъ и умираетъ*).

ЛИДА (*опускаясь передъ нимъ на колѣни*).

Онъ былъ одинъ
Кто былъ еще мнѣ дорогъ въ мірѣ!..

МАРЦЕЛЛЪ (*смотря на Деція*).

Сынъ вѣка! свѣтъ былъ предъ тобой...
Не видѣлъ ты!

(*Солнце полнымъ блескомъ озаряетъ сцену*).

МАРЦЕЛЛЪ.

Ужь солнце! Вотъ онъ
Нашъ день!

ЛИДА (*подымаясь*).

Твоя теперь, Господь,
Вся, вся Твоя!

ІОВЪ.

Слава Тебѣ, Показавшему намъ свѣтъ!

(*Присоединяются къ христіанамъ и уходятъ съ ними съ пѣніемъ гимна: „Ясный, немеркнущій“ и пр. Занавѣсъ падаетъ*).

1872, 1881.

РАЗСКАЗЫ ИЗЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ.

Разсказы изъ Русской исторіи.

(Для дѣтей и народа).

I.

О святыхъ московскихъ митрополитахъ

ПЕТРѢ и АЛЕКСѢѢ

И О СЛАВНОМЪ МАМАЕВОМЪ ПОБОИЩѢ.

Кто бывалъ въ Москвѣ, тотъ ужъ конечно первымъ дѣломъ считалъ пойти въ московскій кремль, помолиться въ соборахъ Успенскомъ и Архангельскомъ на гробахъ прежнихъ великихъ князей и царей русскихъ, и приложиться къ мощамъ святыхъ чудотворцевъ московскихъ митрополитовъ Петра, Алексѣя, Іоны и Филиппа. Вотъ о первыхъ двухъ я и буду вамъ разсказывать.

Пятьсотъ лѣтъ тому назадъ Москва не была такая большая какъ теперь. Тогда это былъ маленькій деревянный городокъ; на той горѣ, гдѣ теперь кремль, стоялъ небольшой княжескій теремъ со службами да пристройками и съ одной деревянной церковкой во имя Спаса. Это та, что нынче называется Спасъ на бору. Кругомъ горы были покрыты еще густымъ лѣсомъ, и кой-гдѣ развѣ расчи-

щены мѣста для пашни, да кой-гдѣ стояли слободы или деревушки. Въ городкѣ и въ этомъ терему проживалъ одинъ князь, внукъ св. Александра Невскаго, Иванъ Даниловичъ, по прозванію Калита. Митрополитомъ въ то время былъ св. Петръ, и митрополиты жили во Владимірѣ на Клязьмѣ, и Владиміръ былъ столицею великихъ князей. Объѣзжая свою паству, св. Петръ часто заѣзжалъ въ Москву къ князю Ивану Даниловичу. Полюбился ему этотъ князь. Въ маленькомъ городкѣ, въ бѣдномъ теремку, надъ Москвою рѣкою, частенько, долго и по душѣ бесѣдовали князь со святителемъ о несчастныхъ дѣлахъ русской земли, какъ всѣ то князья ссорятся другъ съ другомъ, никого не слушаются: татары вмѣшиваются въ ссоры ихъ и идетъ повсемѣстная война и раззореніе. Митрополитъ говорилъ князю Ивану Даниловичу:

„Всѣхъ перевидалъ я князей и всѣхъ ихъ знаю; есть между ними и добраго нрава, да горячи и легкомысленны; въ даль не смотрятъ, а только думаютъ какъ бы нынче прошло хорошо: думаютъ о себѣ, а не о народѣ, не о всей Руси. И отъ раздѣленія ихъ, вся то Русь — пополамъ распалась; одна часть подъ Литву подпала, другая подъ Татаръ. А князьямъ и горя мало: отъ татарскаго насилія страдаютъ и воздыхаютъ, а о томъ не думаютъ, какъ бы дѣло повести такъ, чтобы хоть со временемъ, дѣтямъ и внукамъ, совсѣмъ отъ татаръ избавиться. Изо всѣхъ князей только ты, Иванъ Даниловичъ, нрава твердаго и ума великаго. Принимайся съ Богомъ за собираніе земли подъ одну руку твою. Ты бережливъ, казны у тебя много, и такъ тебя прозвали „калита“, полный мѣшокъ. Скупай отъ князей села и города: имъ деньги нужны, за даромъ волости продаютъ. И устройся такъ, чтобъ у тебя народу было жить хорошо, и народъ отовсюду къ тебѣ потянетъ. А я въ Москвѣ поселюсь и въ ней свой престолъ митрополичій поставлю, и буду помогать тебѣ совѣтомъ и дѣломъ, и молитвами моими передъ Господомъ и Пресвятой Богородицей. Еще когда на родинѣ моей, въ землѣ Галицкой, удалился я въ пустыню, и потомъ помогъ мнѣ Господь устроить тамъ монастырь, и объѣзжалъ паству митрополитъ Максимъ, и въ нашу землю пріѣ-

халъ, вышли мы, иноки, отъ него благословиться; и поднесъ я владыкѣ, моей рукой написанную икону Успенія Божіей Матери; а написалъ я эту икону, какъ она мнѣ явилась въ сонномъ видѣніи. И принялъ ее митрополитъ и облобызалъ, и потомъ украсилъ ее золотомъ и каменьями и всегда хранилъ въ кельѣ своей. По кончинѣ его выбрали меня, недостойнаго, митрополитомъ всея Руси, и поѣхалъ я къ патріарху въ Царьградъ на ставленіе. Оказалось, что въ тоже время попустилъ Господь, игуменъ Геронтій взялъ отъ того покойнаго владыки утварь святительскую и жезлъ и икону Успенія, и отправился тоже въ Царьградъ къ патріарху, думая обмануть его и получить митрополію всея Руси. Значитъ сами того не зная, на разныхъ корабляхъ плыли мы къ Царьграду. Мнѣ былъ вѣтеръ попутный и плаванье тихое; я пріѣхалъ и былъ посвященъ въ санъ митрополичій патріархомъ, какъ вдругъ пріѣзжаетъ и Геронтій, и какъ вошелъ къ патріарху, такъ и палъ ему въ ноги, и началъ каяться и просить прощенія. И разсказалъ онъ, что какъ плылъ онъ по морю, его постигла жестокая буря и всѣ думали, что ужъ погибнутъ. И впалъ онъ, Геронтій яко бы въ забытье; въ этомъ забытьѣ явилась ему Божія Матерь и сказала: „напрасно трудишься, санъ святительскій достанется не тебѣ“. И устрашился онъ, и положилъ, если Богъ его помилуетъ, жизнь оставитъ, то какъ пріѣдетъ въ Царьградъ, во всемъ покается патріарху. И Господь помиловалъ, и вотъ онъ принесъ и похищенную имъ утварь святительскую и жезлъ и икону, да приметъ ихъ тотъ кому, онѣ принадлежатъ по праву. И всѣ мы дивились неизрѣченному чуду; патріархъ простилъ Геронтія, видя слезы его, и всѣ мы купно прославляли Господа и молили, да не оскудѣваетъ промыслъ Его надъ нами. Такъ икона моя опять перешла ко мнѣ, и ее то хочу я поставить у тебя въ Москвѣ: да приметъ Царица небесная подъ святый покровъ свой, твои благія начинанія. Ты же построй, во имя Ея, во имя Успенія Пресвятой Богородицы, соборный храмъ, и пророчу тебѣ, что если ты меня во всемъ послушаешь, то и самъ прославишься съ родомъ твоимъ больше другихъ князей, и городъ

твой прославится надо всѣми русскими городами; святители послѣ меня будутъ жить въ немъ; руки его взыйдутъ на плещи враговъ его, и Богъ прославится въ немъ".

Такъ бесѣдовалъ святитель съ княземъ, и послушался его князь Иванъ Даниловичъ. И сталъ онъ скупать какъ можно больше земель отъ сосѣднихъ князей; иные, можетъ быть и знали его тайную думу объ освобожденіи отъ татаръ, и сами, умирая, отказывали ему свои владѣнія. Отъ этого при немъ и при сыновьяхъ его, московское княжество заняло всѣ земли между Окой и Бѣлымъ озеромъ и Сухоной, всѣ нынѣшнія губерніи Московскую, Ярославскую, Костромскую, и части Новгородской и Нижегородской; а средняя Волга, отъ Углича до впаденія въ нее рѣки Ветлуги, вся протекала ужъ по московскимъ землямъ. По Волгѣ же, да по Окѣ, шла съ давнихъ временъ вся судовая торговля Россіи изъ-за Новгорода, отъ Балтійскаго моря въ Азію, и обратно. Иванъ Даниловичъ устроилъ въ Мологѣ большую ярмонку; а какъ онъ всю землю свою постарался очистить отъ разбойниковъ, и по рѣкамъ учинилъ стражу, чтобъ не грабили товаровъ тамъ проходившихъ, и вездѣ устроилъ правильный судъ, а дѣла свои съ татарами велъ такъ, что они не показывались въ его владѣніяхъ, и была при немъ на Руси „тишина великая",—то въ земли его стало переходить много народу изъ другихъ княжествъ; и народъ сталъ богатѣть отъ промысловъ и торговли; а самъ московскій князь сдѣлался черезъ то еще богаче и сильнѣе другихъ князей. И начали переѣзжать къ нему отъ другихъ князей самые знатные и умные бояре, и дѣлались ему помощниками, и вмѣстѣ съ нимъ стали думать тайную думу какъ избавиться отъ Орды. И умеръ Иванъ Даниловичъ Калита (въ 1340 г.), а дума его не умерла при сынѣ его Симеонѣ Гордомъ. Симеонъ уже сталъ именоваться великимъ княземъ всея Русіи, и гордо держалъ себя съ князьями и татарами. Можетъ быть и готовился онъ нанести ордѣ рѣшительный ударъ, какъ вдругъ, въ 1353 году, пришла въ Россію страшная моровая язва, извѣстная подъ именемъ черной смерти; цѣлыя области опустѣли; въ нѣкоторыхъ горо-

дахъ не осталось ни одного человѣка,—и самъ великій князь Симеонъ, во цвѣтѣ лѣтъ и мужества, заразился ею и умеръ. Но умирая, передалъ престолъ брату Ивану Ивановичу, и писалъ ему въ своемъ завѣщаніи: „слушайся старыхъ бояръ, они отцу нашему и намъ добра всегда хотѣли, слушайся затѣмъ, чтобъ и—*свѣча не погасла*“. А что разумѣлъ онъ подъ этою притчей, чтобы свѣча не погасла? А свѣча тутъ значитъ то дѣло, что задумалъ Иванъ Даниловичъ съ митрополитомъ Петромъ, и думу свою вложилъ въ сердце своимъ боярамъ, то есть освобожденіе отъ Татаръ.

„Не погасла свѣча“ при двоихъ сыновьяхъ Ивана Даниловича, одинъ за другимъ княжившихъ въ Москвѣ, ни даже при малолѣтнемъ внукѣ его Димитріѣ Ивановичѣ. Димитрій послѣ отца остался младенцемъ: но именемъ его управляли Русью бояре московскіе и главное св. митрополитъ Алексѣй. Они занимались дѣлами и въ Орду ѣздили; но былъ тогда еще святый мужъ, который удалясь отъ міра сего, въ глубинѣ лѣса дремучаго, въ тяжкихъ веригахъ передъ Господомъ подвизался, да благословитъ Богъ святое дѣло въ Москвѣ затѣянное, и строгою жизнію своею подавалъ христіанамъ примѣръ, какъ удостоиться милости Господней. И по тропинкамъ къ обители св. Троицы, имъ построенной, частенько пробирались къ нему князья и бояре — укрѣпиться духомъ и посовѣтоваться о дѣлахъ; по всей Руси шла молва о его святой жизни и о чудесахъ, прославившихъ его и при жизни; ученики его разошлись по всѣмъ концамъ Руси, даже до далекой Перми, разнесли славу о его благочестіи и мудрости, и толпы народу валили къ его обители послушать его поученія. Мужъ этотъ былъ св. Сергій, изъ ростовскихъ бояръ. Особеннымъ другомъ его былъ двоюродный братъ великаго князя Димитрія Ивановича, Владиміръ Андреевичъ, который во всей жизни своей поступалъ по его совѣту, даже отказался отъ престола послѣ Димитрія, чтобы престолъ московскій переходилъ въ одномъ семействѣ отъ отца къ сыну, и не было бы смуты и спора за наслѣдство. Къ Троицѣ прорубили потомъ ужъ большую дорогу, и со всякимъ важнымъ дѣломъ ѣздили изъ Москвы за совѣтомъ и

благословеніемъ къ Сергію; онъ мирилъ враждующихъ, обуздывалъ строптивыхъ, и можно сказать, сіялъ мудростью и святостью на всю Русь, живилъ ее своимъ духомъ и обнималъ ее всю своимъ умомъ. Никогда въ русской землѣ не проявлялось столько благочестія; никогда ни прежде, ни послѣ, не построилось столько монастырей какъ въ это время—отъ Петра митрополита, и при Алексѣѣ. Русь словно постомъ и молитвою готовилась къ чему-то великому. Митрополитъ Алексѣй питалъ великую дружбу къ Сергію, и самъ, при жизни своей былъ прославленъ многими чудесами, изъ которыхъ самое великое было изліченіе три года болѣвшей глазами ханской жены Тайдулы. Самъ ханъ писалъ къ московскому князю: „слышалъ я, что у васъ въ Москвѣ есть такой служитель Божій, который о чемъ Бога ни попроситъ, Богъ все даетъ ему. Отпусти его ко мнѣ, и если онъ исцѣлитъ любимую жену мою, то будетъ у меня съ вами міръ; если же не отпустишь, прійду войною“... Смутился св. Алексѣй. „Дѣло это превыше силъ моихъ“, говорилъ онъ; но помолился Богу и отправился въ Орду. Тайдула ожидала его съ нетерпѣніемъ, и разъ, когда ужъ св. Алексѣй двинулся въ путь, видѣла она во снѣ приближающагося къ ней какого-то мужа, одѣтаго въ такія одежды, въ какія одѣвались русскіе священники, только великолѣпнѣе. Она запомнила эти одежды и велѣла такія изготовить. Пріѣхалъ Алексѣй и сталъ посѣщать болящую, и лечить ее, горячо молиться Богу и кропить болящую святой водою. Богъ не оставилъ его молитвы—и жена ханова прозрѣла. Святитель прославилъ чудо Господне, а Тайдула въ благодарность подарила ему изготовленныя ею ризы и перстень, и мѣсто принадлежавшее ей въ Москвѣ, на которомъ потомъ Алексѣй построилъ обитель въ честь архангела Михаила...

Эти то святые мужи съ боярами московскими и наставляли юнаго Димитрія, какъ управлять ему государствомъ, и были ему вѣрными помощниками, когда онъ пришелъ уже въ возрастъ.

И вотъ черезъ сорокъ лѣтъ по смерти Ивана Даниловича Калиты, пришлось въ первый разъ испытать Россіи, готова ли она

помѣряться съ татарами, испытать, много ли накопилось въ ней силы; пришлось провѣрить—такая ли же она, какъ была за полтораста лѣтъ передъ тѣмъ, когда въ первый разъ пришли татары и порознь разбили ея храбрыхъ князей и храбрыя ихъ дружины. Тутъ передъ глазами всей Россіи пришлось въ первый разъ оцѣнить, правое ли дѣло затѣялъ Иванъ Даниловичъ съ митрополитомъ Петромъ, начавъ подбирать земли русскія въ однѣ руки... Это испытаніе приключилось по случаю страшнаго нашествія Мамаева съ несмѣтной силой татарской. Теперь разскажу я вамъ, какъ это все было.

Дѣло въ томъ, что, по мѣрѣ того какъ въ московскомъ княжествѣ силы прибывало оттого, что прибывало порядка, въ Ордѣ ея убывало оттого, что тамъ росъ безпорядокъ. Коли умиралъ какой-нибудь ханъ, тотчасъ начиналась страшная рѣзня: послѣ одного хана Бербидека, сынъ его напримѣръ, зарѣзалъ своихъ 12 братьевъ, да и самъ былъ убитъ. Московскіе князья пользовались этими смутами и выторговывали, чтобъ дани платить меньше; а случалось, что и по три года совсѣмъ не давали дани. Но ко времени Димитрія Ивановича въ Ордѣ появился умный и грозный Мамай и всю Орду забралъ въ свои руки. Послалъ онъ рать на Россію, требуя дани какъ при первыхъ ханахъ; но Димитрій разбилъ эту рать на рѣкѣ Вожѣ. И какъ прибѣжали къ Мамаю разбитые его мурзы, онъ какъ звѣрь разъярился. „Ахъ вы холопы татарскіе,—кричалъ онъ,—видно забыли времена Батыевы: вотъ я вамъ ихъ напомню! Камня на камнѣ не оставлю, въ конецъ истреблю русскій народъ, чтобъ и слуху объ немъ на землѣ не было“. И сталъ онъ собирать большое войско; пригналъ, кромѣ своихъ, и армянъ, и черкесовъ, и всякихъ другихъ азіатовъ, и всѣмъ говорилъ: „потрудимся немного, а ужъ всѣ разбогатѣемъ отъ русскаго золота“. Готовился онъ къ войнѣ тихо; въ Москвѣ и не знали, какъ онъ перевалилъ за Волгу, и потомъ за Донъ, и подходилъ уже къ землѣ рязанской.

Въ нынѣшней рязанской губерніи тогда былъ свой князь, по имени Олегъ. Княжество его тогда подходило одной стороной къ

степямъ донскимъ: откуда и шли Татары; другой стороной подходило оно къ Литвѣ, а рѣкой Окой отдѣлялось отъ княжества московскаго. Мамай подговорилъ и Литву присоединиться къ нему, чтобъ подѣлить московское государство. Рязанскій князь, находясь въ серединѣ между тремя силами, не зналъ, что ему дѣлтаь, чтобы спастись. Онъ послалъ сказать и Мамаю и Литвѣ, что будетъ на ихъ сторонѣ, да и Димитрія увѣдомилъ, что идетъ на него страшная орда татарская, и что идетъ она тихо, поджидая Литвы.

Извѣстіе это не могло не всполошить Москвы. Но тамъ давно ужь словно ждали чего-нибудь такого: всѣ давно ужь чувствовали, что нѣтъ-нѣтъ, а прійдется расчитаться съ Ордою, и казалось для того силы ужъ понакопилось довольно. Отъ этого великій князь тотчасъ принялъ рѣшеніе — не дожидать татаръ; напротивъ положилъ — не пустить ихъ въ свои земли, а скорѣе идти имъ на встрѣчу въ степи, и не дать соединиться съ Литвою. И вотъ поскакали гонцы отъ Димитрія, и въ Новгородъ, и въ Псковъ, и къ тверскому князю, и къ подручнымъ князьямъ, и по городамъ, и по боярскимъ вотчинамъ, и по всѣмъ деревнямъ, чтобы всѣ, кто годенъ на службу, выходили бы постоять за землю русскую, за вѣру православную. Тогда еще не было такой арміи какъ теперь; теперь Государь отдастъ по телеграфу приказъ, и приказъ въ ту же минуту получится въ каждомъ полку, бьютъ тревогу, и полки готовые, обученные и вооруженные тотчасъ же выступаютъ въ походъ; гдѣ летятъ на подводахъ, гдѣ по желѣзной дорогѣ. Но въ тѣ времена такихъ полковъ солдатскихъ не было. Отъ князей раздавались боярамъ и дворянамъ помѣстья съ тѣмъ, чтобы они изъ крестьянъ и всякихъ людей выбирали бы молодцовъ, обучали бы ихъ ратному дѣлу, пріучали бы ихъ къ оружію и къ пѣшему и къ конному строю; и какъ получатъ гонца, тотчасъ бы забирали хлѣба и шли бы на сборное мѣсто. И по городамъ былъ такой же урядъ: тамъ сидѣли княжескіе воеводы. Огнестрѣльнаго оружія, ружей и пушекъ тогда тоже еще не было, а сражались копьями, мечами, саблями, рогатинами, палицами и пускали изъ луковъ стрѣлы.

Когда соберутся такимъ образомъ отряды по областямъ, тогда большой бояринъ или подручный князь ведетъ свое войско или въ Москву, или куда великимъ княземъ указано. Тутъ ужь ихъ расписываютъ по полкамъ: кому быть въ большомъ полку, кому въ передовомъ, въ правой или лѣвой рукѣ. Конница отдѣльно, пѣхота отдѣльно. Дорогъ большихъ въ тѣ времена еще было мало и были плохи, а больше все ходили на стругахъ по рѣкамъ, конница шла берегомъ; зимою шли по льду. На сей разъ войску великій князь велѣлъ собираться въ Коломнѣ.

Такъ по слову великаго князя Димитрія Ивановича ударили въ набатъ по всему его государству, возгласили въ церквахъ, что часъ пришелъ, въ онь же Господь даруетъ спасеніе Руси отъ тяжелой неволи татарской; раздался стукъ оружія, потянулись къ Коломнѣ со всѣхъ сторонъ ополченія. Въ Москвѣ, на рѣкѣ—то и дѣло трубили трубы, возвѣщавшія проходъ дружинъ. Подходили на судахъ, подходили и пѣшіе и конные; благословлялъ ихъ и кропилъ святою водою митрополитъ Кипріянъ, и направлялись они къ Коломнѣ, куда между тѣмъ подходили и другія войска по Окѣ, и сверху и снизу. Урядивши все съ боярами и князьями, великій князь передъ отъѣздомъ на войну поѣхалъ благословиться на великій подвигъ къ Сергію: все-таки ему страшно было, чтобы въ случаѣ неудачи, не потерять бы того, надъ чѣмъ трудились его отецъ, дядя и дѣдъ. Но Сергій словомъ своимъ утѣшилъ колебанія его души, и предрекъ ему побѣду; пригласилъ на трапезу, и далъ ему отъ себя двоихъ мужей, уже схимы пріявшихъ: Александра Пересвѣта и Андрея Ослабю. Они въ міру были знаменитые витязи; преподобный повелѣлъ имъ снова надѣть бранные доспѣхи, и нашилъ кресты на схимы ихъ, сказавъ: „сіе будетъ вамъ крѣпче всякихъ шеломовъ“.

Съѣздивъ къ Сергію, Димитрій простился съ семействомъ своимъ и поѣхалъ въ Коломну, куда уже собралось 150,000 войска. Это было войско только его государства, да подручныхъ ему князей; ни тверской князь, ни Псковъ, ни Новгородъ не прислали

ему помощи. Псковичи и новгородцы отговаривались потомъ, что все равно, не поспѣли бы. За то пришли два племянника литовскаго князя съ крѣпкой дружиной полоцкой и брянской; хотя и были они родомъ литвины, но были православные и кажется были женаты на русскихъ княжнахъ. 20 августа Димитрій выступилъ изъ Коломны. Шли Окой до рѣки Лопасны и повернули къ Дону; 6 сентября подошли къ Дону, а 7-го перешли его и стали близъ рѣчки Непрядвы на отлогихъ высотахъ, откуда открывалось обширное поле Куликово. Несмѣтная рать татарская уже видна была съ другой стороны поля, гдѣ возвышалась гора: на горѣ стоялъ самъ Мамай. Великій князь ѣздилъ по полкамъ, устроивалъ ихъ, указалъ гдѣ стоять большому полку, гдѣ сторожевому; а двоюроднаго брата и вѣрнаго друга своего Владиміра Андреевича, князя серпуховскаго, поставилъ скрытно за лѣсомъ въ засадѣ, наказывая ему ударить въ тылъ татарамъ, когда они начнутъ одолѣвать. Любо было смотрѣть Димитрію на свое воинство. Весело вѣяли знамена; князья, бояре и воеводы стояли при полкахъ своихъ или, устроивая ихъ, носились на лихихъ коняхъ съ золоченой сбруей, на богатыхъ сѣдлахъ, имѣя на головахъ золотые и серебряные шлемы, желѣзныя кольчуги на груди. Ратники, готовясь къ бою, всѣ какъ бы идя къ святому причастію, одѣли бѣлыя рубахи и лучшія одежды: всѣ рады были за Христа и святую Русь испить чашу смертную—и вотъ въ этотъ же часъ подоспѣлъ отъ св. Сергія посланецъ инокъ и привезъ отъ него Димитрію просвиру и благословеніе войску, склонились знамена, сняли шеломы воины, перекрестились, и шопотъ молитвы побѣжалъ по рядамъ.

Наступила ночь. Воины прилегли на ночлегъ. Ночь эта приходилась на Рождество Богородицы, была тихая, звѣздная; только съ одной стороны неба подымалась мгла, предвѣщавшая на утро туманъ. Великая была эта ночь: много потомъ разсказывалось чуднаго, что подъ покровомъ ея совершилось. Димитрій, удалясь въ шатеръ свой, то молился, то высылалъ сдѣлать какое нибудь распоряженіе. Ему не спалось: очень онъ чувствовалъ, что зав-

трашній день онъ одинъ въ отвѣтѣ за судьбы Россіи... Не спалось и многимъ ратнымъ людямъ и военачальникамъ. Былъ между прочими у Димитрія знаменитый бояринъ; пришелъ онъ къ нему изъ южной Руси съ Волыни; именемъ Боброкъ. Ночью онъ поѣхалъ по рядамъ, и въ полночь заѣхалъ къ великому князю, видя у него свѣтъ. Боброкъ понималъ его безпокойство и хотѣлъ сообщить ему свои кой-какія добрыя примѣты о завтрашнемъ днѣ. Онъ пригласилъ князя сѣсть на коня и поѣхать съ нимъ. Сѣли они на коней, выѣхали изъ лагеря и поскакали по полю Куликову: на серединѣ между русскихъ и татарскихъ полковъ Боброкъ остановился. „Слушай, и скажи, что ты услышишь на татарской сторонѣ“, сказалъ онъ князю. Прислушался великій князь и отвѣчалъ: „Слышу стукъ и кликъ, словно базаръ идетъ; слышу еще, словно волки воютъ и птицы летаютъ, вороны каркаютъ и орлы клегчутъ“.—„Послушай теперь на русскую сторону“, сказалъ Боброкъ. Димитрій послушалъ и сказалъ: „Тишина великая, только отъ огней словно зарево“. —„Знаменья добрыя, объяснилъ Боброкъ; вотъ что это значитъ: что волки воютъ и птицы степныя въ непривычную пору всполошились: значитъ чуютъ добычу, быть великому побоищу. Шумъ со стороны татаръ—значитъ нестроеніе, тишина съ нашей стороны порядокъ и благодать Божія въ сердцахъ людей; а гдѣ благодать Божія, тамъ и побѣда... Есть у меня и другія примѣты и по нимъ выходитъ, что будетъ тебѣ на врага одолѣніе, но много падетъ воинства христіанскаго...“

Разъѣхались они по своимъ шатрамъ; воины спали въ полѣ. Иноки Сергіевы, подъ открытомъ небомъ, всю ночь стояли на молитвѣ надъ спящимъ лагеремъ. Но не всѣмъ воинамъ спалось. Съ нѣкоторыми приключилось нѣчто такое, что они, потолковавъ съ товарищами, рѣшили прямо пойти къ великому князю и объявить ему. И докладываютъ Димитрію, что трое ратниковъ пришли къ нему за очень важнымъ дѣломъ; и велѣлъ ихъ допустить великій князь. И сталъ одинъ разсказывать: „Меня зовутъ Ѳома Коцюгей; стоялъ я въ сторожевыхъ противъ татарскаго стана, и было мнѣ видѣнье:

отъ восточной стороны, вижу я, идетъ словно воинство великое; вдругъ на это воинство съ полуденной стороны идутъ два свѣтлые юноши, въ доспѣхахъ воинскихъ и съ мечами; и начали они воинство это рубить и словно восклицали: кто вамъ велѣлъ погубляти отечество наше? И кого изрубили, а прочихъ отогнали. — А мы, сталъ разсказывать другой,—прилегли было; и вдругъ я взглянулъ на небо и вижу, что въ воздухѣ, со стороны степи, идетъ словно великое множество черныхъ эѳіоповъ, на коняхъ и на колесницахъ, и вдругъ появился словно въ святительскихъ ризахъ мужъ съ огненнымъ жезломъ въ рукѣ, и тоже словно воскликнулъ: „Почто пришли вы погублять стадо мое“, и устремился на нихъ съ жезломъ своимъ—и всѣхъ ихъ разогналъ. Я толкнулъ товарища, онъ тоже увидалъ, и сказалъ мнѣ: это никто иной, какъ угодникъ Божій святый Петръ митрополитъ. И оба мы испугались, и пока толковали, подходитъ намъ Ѳома Коцюгей и разсказалъ, что ему привидѣлось. Мы и положили о такомъ дѣлѣ прямо пойти и доложить тебѣ“. И выслушалъ ихъ великій князь, и перекрестился и сказалъ: „Пращуру моему св. Александру Невскому помогли побѣдить шведскую рать святые угодники Божіи, убіенные нечестивымъ Святополкомъ, благовѣрные князья святые Борисъ и Глѣбъ; не они ли подвиглись и нынѣ намъ на спасеніе? А святый Петръ митрополитъ неусыпно молится за Русь передъ престоломъ Всевышняго. Помолимся и мы имъ, братья, чтобы помогли они намъ въ сей великій день. Ступайте теперь съ Богомъ, отдохните, и никому не разсказывайте, что видѣли“.

Прошла таинственная ночь. Жаркая утренняя молитва укрѣпила духъ воиновъ; всѣ стали по своимъ мѣстамъ. Но густой осенній туманъ покрывалъ поле. Димитрій взъѣзжалъ на холмы, но тщетно сквозь туманъ старался оглядѣть войско свое и поле, гдѣ должна была рѣшиться судьба дня. Въ девятомъ часу утра потянулъ наконецъ вѣтерокъ, проглянуло солнце, и сквозь уносящійся клубами туманъ, открылось Димитрію на далекое пространство сверкающее оружіемъ, въ порядкѣ, съ распущенными знаме-

нами стоящее, его воинство. Туманъ совсѣмъ разсѣялся, и увидѣлъ великій князь, что съ противуположной стороны на горѣ стоитъ высокій шатеръ Мамаевъ. Словно чудовищная птица подняла свою голову и смотритъ на русскую рать и широко развернула свои темныя крылья: это была рать татарская, которая, какъ тѣнь отъ тучи подвигалась на полѣ Куликовомъ на русское войско. Казалось Димитрію, что полкамъ татарскимъ и конца нѣтъ, и что они вдвое многочисленнѣе русскихъ... Двинулись и наши; обѣ рати начали становиться одна противъ другой. Великій князь ѣздилъ по полкамъ, увѣщевалъ воиновъ постоять за землю русскую, за вѣру православную. „Памятуйте, братцы, говорилъ онъ, теперь вся Русь за насъ молится; святые угодники и чудотворцы россійскіе надъ нами бодрствуютъ, а преподобный Сергій, прислалъ намъ вчера же предрѣченіе побѣды“... Ужь нѣсколько коней притомилъ онъ, и пересаживался на свѣжаго. Онъ былъ высокаго роста, тученъ тѣломъ, лицо имѣлъ открытое, черные волосы и окладистую черную бороду. Наконецъ подъѣхалъ онъ къ ставкѣ своей, гдѣ стояло большое великокняжеское черное знамя; и стали бояре и воеводы уговаривать его остаться тутъ въ безопасномъ мѣстѣ, за густыми рядами войска. „Нѣтъ, отвѣчалъ Димитрій,—я хочу быть впереди, а если вы опасаетесь, что войско, не видя меня подъ чернымъ знаменемъ, усумнится, то пусть одѣнетъ кто-нибудь изъ васъ мои великокняжескія одежды, и станетъ въ серединѣ полковъ, подъ моимъ чернымъ знаменемъ: пускай войска и принимаютъ его за меня; меня же не удерживайте; на мнѣ былъ починъ, мнѣ и отвѣтъ за все дѣло. Мнѣ и биться въ передовыхъ“. И вызвалъ онъ своего любимаго боярина Бренка и сказалъ ему: „Ты, Бренокъ, всегда твердъ и спокоенъ; я же горячъ; ты пожалуй и лучше меня съумѣешь распорядиться когда пойдетъ свалка“. И надѣлъ онъ на Бренка, своего боярина, свои одежды, а самъ переодѣвшись простымъ воиномъ, въ желѣзномъ шлемѣ, въ кованыхъ латахъ, отправился въ передовую дружину.

Войска между тѣмъ стояли ужъ близко другъ противъ друга.

Изъ татарскихъ полковъ выѣхалъ огромнаго роста богатырь, широкій въ плечахъ и свирѣпаго вида; ѣздилъ онъ и насмѣхался надъ русскими полками, вызывая на единоборство охотниковъ и глумясь, что никто не осмѣливается. И увидалъ его Сергіевъ инокъ Пересвѣтъ. „Не смущайтесь, братцы,—крикнулъ онъ своимъ—великъ Богъ нашъ и велика крѣпость Его! перевѣдаюсь-ко я съ нечестивцемъ“, сказалъ онъ, и понесся на него на конѣ своемъ,—самъ тоже высокаго роста, въ желѣзныхъ доспѣхахъ, имѣя на шлемѣ своемъ черную схиму съ нашитымъ на ней рукою святаго Сергія, бѣлымъ крестомъ. Разъѣхались они на коняхъ, и потомъ понеслись другъ на друга: ударъ былъ такъ силенъ, что оба пали мертвые, а равно и кони ихъ.

Тогда Димитрій сказалъ: „сіе мѣсто буди намъ гробъ за имя Христово и за вѣру христіанскую—впередъ!“ И полки наши бросились на татаръ, и все заволновалось поле Куликово; и густая пыль поднялась надъ всемъ полемъ и скрыла то страшное, что на немъ происходило...

Двоюродный братъ Димитріевъ Владиміръ Андреевичъ да воевода Боброкъ, тотъ самый, что ночью пріѣхалъ къ великому князю, стояли въ засадѣ въ скрытомъ мѣстѣ за лѣсомъ, и смотрѣли на битву; пыль закрывала передъ ними поле и не позволяла видѣть, кто одолѣваетъ; слышали только, отдаленный гулъ сѣчи, словно реветъ невидимое море, стонъ стоитъ въ воздухѣ, а земля гудитъ. Жутко имъ было. Прошелъ второй и третій часъ; стало Владиміру примѣтно, что татарская сила словно все впередъ подается, и бой все углубляется въ нашу сторону. „Что же, братъ, по пусту стоимъ мы, сказалъ наконецъ Владиміръ Боброку; пожалуй, намъ и помогать будетъ не кому, какъ всѣ наши полягутъ мертвые“. Въ это время потянулъ имъ въ лицо вѣтеръ съ поля битвы и понесъ густую пыль имъ въ глаза. „Погоди еще“, отвѣчалъ Боброкъ. Не хотѣлъ онъ ударить, потому что изъ-за пыли нельзя было вѣрно разсмотрѣть, гдѣ наши, гдѣ татары. Пожалуй бы ринулись на удачу, наткнулись бы на своихъ. Но вотъ, въ три часа вѣтеръ по-

дулъ въ тылъ нашей засадѣ и попріоткрылъ передъ Владиміромъ и Боброкомъ завѣсу пыли. Глянулъ Боброкъ и кликнулъ: „Ну, князь, теперь насталъ часъ! Съ Богомъ теперь, братцы!“ и съ крикомъ весь отрядъ кинулся въ свалку.

Татары—къ тому часу, почти совсѣмъ ужъ одолѣли нашу рать и вдругъ увидѣвъ свѣжіе полки, выходящіе изъ за лѣсу и съ горъ на нихъ несущіеся, подумали, что „вотъ оно главное-то войско русское! дали намъ русскіе поутомиться, а сами лучшихъ князей и воеводъ спрятали да берегли, и теперь выпускаютъ на насъ, когда ужь мы устали, когда кони наши и руки наши уже оцѣпенѣли, и оружіе иступилось“... И стали они кидать мечи и копья, и побѣжали назадъ. Ободрились наши, и присоединились къ Владимірову отряду, налегли на татаръ, и давай рубить бѣгущихъ. Увидѣлъ съ возвышенія Мамай, что дрогнули силы его и что въ полѣ Куликовомъ, словно волна назадъ отхлынула и быстро-быстро на него самого несется, самъ поскорѣй сѣлъ на коня, и шатеръ свой бросилъ, и побѣжалъ. Князь Владиміръ съ Боброкомъ, со всѣми своими полками скачутъ, и бьютъ, и рубятъ; встрѣтилась рѣка Меча, бросились татары вплавь и многое множество ихъ потонуло отъ страха великаго и русскихъ мечей.

Тутъ на рѣкѣ Мечѣ остановили коней своихъ Владиміръ и Боброкъ и повернули полки назадъ; видѣли, что сила татарская яко снѣгъ растаяла, яко дымъ разсѣялась, захотѣли посмотрѣть, что сталось съ главнымъ войскомъ русскимъ. Направились они къ ставкѣ великокняжеской; ѣхали по трупамъ: на десять верстъ лежали мертвые и раненые. Сперва встрѣчались все тѣла татарскія, потомъ татарскія и русскія; что дальше, то гуще — гдѣ рядами, словно сѣно скошенное, гдѣ кучами, какъ копны, и конскіе и человѣческіе трупы; смѣшались тѣла христіанскія съ тѣлами татарскими, и кровь христіанская смѣшалась съ татарскою. Испуганные кони безъ всадниковъ носились по полю; стенали раненые и молили о помощи. Видно, что тѣсно было поле Куликово, и негдѣ было развернуться обоимъ воинствамъ, рубились и рѣзались зло,

въ тѣснотѣ и давкѣ. Пробрался наконецъ Владиміръ съ своей дружиной къ ставкѣ великокняжеской; тутъ, видно, бой былъ упорный: черное знамя лежитъ подрублено, подъ нимъ изрубленный же, въ великокняжескихъ доспѣхахъ лежитъ бояринъ Бренокъ. А самого великаго князя нѣтъ нигдѣ. Сталъ Владиміръ „на костяхъ“, и приказалъ трубить въ трубы. Громко раздались трубы въ умолкшемъ полѣ Куликовомъ, и стали со всѣхъ сторонъ подходить оставшіеся въ живыхъ ратники, и кучками, и по одиночкѣ, и цѣлые, и раненые, кто могъ ходить. Но великаго князя не было. Стали разспрашивать воиновъ: одни говорили, что видѣли, какъ подъ нимъ былъ убитъ конь, и онъ садился на другого; кто говорилъ, что это онъ пересаживался ужь на третьяго коня; иной сказывалъ, что видѣлъ его раненаго въ трупахъ; другой говорилъ: „я видѣлъ какъ на него напало четверо татаръ, онъ бился, и побѣжалъ. Я бросился къ нему на помощь, да на самого меня наскочило трое татаръ“. Приказалъ Владиміръ вездѣ искать его, и самъ поѣхалъ. И вотъ два костромича Ѳедоръ Морозовъ да Ѳедоръ же Холоповъ нашли его при опушкѣ лѣса, лежащимъ подъ только-что срубленнымъ деревомъ. Латы его всѣ были изсѣчены, избиты и измяты, весь онъ былъ кровью обрызганъ, но самъ еще живъ, только въ безпамятствѣ: видно нашли его на полѣ въ безчувствіи какіе нибудь воины, приняли за убитаго, и по обычаю до сихъ поръ сохраняющемуся, срубили дерево и прикрыли князя его вѣтвями. И должно быть сами спасители его потомъ убиты были, потому что никто не могъ разсказать, какъ Димитрій въ обморокѣ могъ очутиться подъ прикрытіемъ: но не разъ, должно быть, Димитрій молился потомъ за своихъ безвѣстныхъ спасителей.

Окликнулъ Владиміръ и привелъ въ чувство Димитрія, своего возлюбленнаго двоюроднаго брата: „Братъ милый! на насъ милость Господня, мы побѣдили“! — „Кто говоритъ мнѣ?“ томнымъ голосомъ спросилъ Димитрій, и очнувшись увидѣлъ радостныя лица воиновъ, поднялся на ноги, обнялъ брата и возблагодарилъ

Господа за побѣду. Ранъ на немъ не оказалось; должно быть онъ былъ ошеломленъ сильнымъ ударомъ въ голову. И поѣхалъ обозрѣвать поле Куликово и отыскивать, нѣтъ ли еще живыхъ между мертвыми. Нашли тѣло Пересвѣта подлѣ богатыря татарскаго; нашли восемь князей бѣлозерскихъ; всѣ лежали убитые другъ подлѣ друга... и много другихъ князей и бояръ, и когда стали считать живыхъ, изо всего войска насчитали только 40,000. Поплакавъ надъ павшими, великій князь сказалъ живымъ: „Господа и отцы, и братія, и чада мои! Благодарю васъ ото всей земли, что столько потрудились и славно послужили ей. Если дастъ Богъ мнѣ быть на моей отчинѣ на великомъ княженьѣ, на Москвѣ, всѣхъ одарю васъ и пожалую. А теперь похоронимте братьевъ нашихъ, пріявшихъ на полѣ семъ вѣнцы мученическіе“. И простоялъ Димитрій тамъ на полѣ Куликовомъ еще восемь дней, пока разбирали тѣла убитыхъ. И отслуживъ наконецъ по всѣмъ панихиду, поднялся онъ домой, въ Москву. Въ Коломнѣ епископъ, духовенство, всѣ люди встрѣтили его съ крестами и иконами; по дорогѣ вездѣ высыпалъ ему на встрѣчу народъ и со слезами называлъ его спасителемъ земли русской; въ Москвѣ такая же встрѣча ожидала его и брата его Владиміра Андреевича, и все воинство: со всѣхъ церквей ударили колокола, далеко за городъ вышли митрополитъ Кипріанъ со всѣмъ св. соборомъ, семейства княжескія, народъ, жены и дѣти... Митрополиту Алексѣю, не суждено было видѣть этого торжества, къ пріуготовленію котораго много потрудился и онъ: онъ преставился въ 1378 г., за два года до нашествія Мамая, въ глубокой старости, 78 лѣтъ, пробывъ 24 года на митрополичьей каѳедрѣ. Уже чувствуя приближеніе кончины, онъ отслужилъ литургію, причастился святыхъ даровъ о великомъ князѣ, о великихъ князьяхъ и боярахъ, о воинствѣ и всѣхъ православныхъ христіанахъ помолился, далъ всѣмъ послѣднее цѣлованіе и, угасъ. Вступивъ въ Москву, Димитрій прямо направился въ Успенскій соборъ, поклониться иконѣ Успенія Божіей Матери, писанной митрополитомъ Петромъ, и гробамъ святителей Петра и

Алексѣя. Потомъ тотчасъ поѣхалъ къ Сергію, и одарилъ монастырь вотчинами, и возвратясь въ Москву, задалъ пиръ всѣмъ своимъ сподвижникамъ. Веселіе было великое. Всѣ славили Бога и Димитрія Ивановича, и, приравнивая его къ Александру Невскому, назвали его Донскимъ, какъ того Невскимъ, а брата его Владиміра Андреевича — Храбрымъ. Такъ за ними эти прозвища и остались на послѣдующія времена. Такое же пированіе пошло и по всему московскому государству: вездѣ чествовали возвратившихся въ живыхъ ратниковъ, какъ побѣдителей. Плакали по убіеннымъ, не утѣшались тѣмъ, что всѣ они приняли вѣнцы мученическіе. Одинъ ратникъ разсказывалъ, что онъ во время битвы, когда татары ломили главныя силы наши, впалъ яко бы въ изступленіе, и видѣлъ безчисленное множество вѣнцовъ съ неба сходящихъ на убіенныхъ христіанъ. И было тогда установлено на вѣчныя времена праздновать память сложившихъ животъ свой на Куликовомъ полѣ, въ Дмитровскую субботу. Очнулась русская земля и, высоко поднялъ голову народъ по всей державѣ московскаго великаго княжества, впервые ощутивъ свою силу и почуявъ на себѣ благословеніе Божіе.

Но съ пораженіемъ Мамая, еще не кончились наши бѣды отъ татаръ. Азія не вдругъ согласилась выпустить изъ рукъ своихъ Русь. И сама то Русь еще не вошла во всю свою силу: въ роковую годину—Рязань ей измѣнила, Тверь, Псковъ и Новгородъ не прислали помощи. Азія еще разъ при Донскомъ, да два раза при сынѣ его высылала изъ внутри себя страшныя орды, страшныхъ завоевателей: Тохтамыша, Эдигея и Тамерлана, изъ коихъ первые двое подходили подъ самую Москву и жгли ее; Тамерланъ же подходилъ только къ рязанской землѣ, и повернулъ назадъ, устрашенный, какъ говорятъ наши лѣтописи, видѣніемъ. Это было уже при сынѣ Димитрія Донскаго. Вдругъ пришла вѣсть, что идетъ на насъ свирѣпый завоеватель, что ужъ онъ покорилъ чуть не всю Азію, сокрушилъ турецкаго султана Баязета и возитъ его вездѣ съ собою въ желѣзной клѣткѣ; и что идетъ онъ на насъ въ

страшныхъ силахъ, со всѣми покоренными имъ народами... Переполохъ былъ великій; войско не собрано; оставалось только прибѣгнуть къ помощи небесной,—и послали во Владиміръ перенести въ Москву икону Владимірской Божіей Матери. И въ лѣтописяхъ нашихъ записано, что въ ночь на вшествіе ея въ Москву, Тамерланъ, стоявшій тогда въ Ельцѣ, увидѣлъ сонъ: видѣлъ онъ великую гору, и шли съ горы святители и грозили ему златыми жезлами; своими, а надъ ними въ воздухѣ, въ сіяніи, стоитъ благолѣпая жена въ багряныхъ ризахъ и тоже гнѣвно грозитъ ему... И по утру, страшный завоеватель до сихъ поръ не вѣдавшій преградъ въ пути своемъ,—повернулъ назадъ отъ предѣловъ россійскихъ, въ степи. Окончательно избавились мы отъ грозы татарской только при правнукѣ Димитрія Донскаго, Иванѣ III Васильевичѣ, но при немъ уже почти вся русская земля на сѣверѣ была собрана подъ его руку—и Тверь, и Новгородъ, да скоро потомъ и Псковъ и Рязань.

II.

ВЗЯТІЕ ТУРКАМИ КОНСТАНТИНОПОЛЯ.

Взятіе турками Константинополя.

Изстари, какъ только крестилась русская земля, у насъ тотчасъ установились самыя дружескія сношенія со всѣми православными царствами—съ царствомъ Болгарскимъ, Сербскимъ, и особенно съ царствомъ Греческимъ. Болгары и Сербы — того-же славянскаго племени, какъ и Русскіе; языкъ ихъ и теперь мало чѣмъ отличенъ отъ нашего церковнаго. Они крестились за сто лѣтъ прежде Руси, а потому у нихъ много священныхъ и историческихъ книгъ давно ужь было переложено на славянскій языкъ—и книги эти переходили и къ намъ. Изъ этихъ-же Болгаръ и Сербовъ были поставлены первые наши священники, да и потомъ ихъ всегда много приходило на Русь, и многіе изъ нихъ выбирались у насъ и въ митрополиты. На руси всегда знали, что въ тѣхъ земляхъ дѣлается; тамошнія событія всегда записывались въ наши лѣтописи рядомъ съ нашими и съ греческими, и читались и заучивались грамотными людьми. Словомъ сказать, эти народы жили съ нами въ самой тѣсной связи, а церкви ихъ, т. е. церковь болгарская, сербская, да еще волошская (въ нынѣшней Молдавіи и Валахіи) и наша всѣ православныя, были между собою какъ сестры, — процвѣтшія, подъ сѣнью общей матери своей—церкви константинопольской.

Константинополь же, или иначе Царьградъ, былъ для всего Востока какъ бы великою столицею, откуда исходилъ свѣтъ всякой

премудрости и въ дѣлахъ вѣры, и во всякой наукѣ. Онъ у всѣхъ считался священнымъ городомъ, потому что и заложенъ-то былъ своимъ строителемъ, римскимъ Императоромъ Константиномъ Великимъ, на освященной землѣ, въ знаменье окончательной побѣды христіанства надъ древнимъ язычествомъ. До Константина Великаго римскіе императоры, еще язычники, жили въ Римѣ, въ Италіи, и это считается первый Римъ. Разсказываютъ, что когда Константинъ Великій крестился, то во снѣ онъ слышалъ гласъ, дабы построилъ онъ новый Римъ, на мѣстѣ близъ древняго городка Византіи. Мѣсто это было прекраснѣйшее, на семи холмахъ: тамъ росли высокіе кипарисы и круглый годъ цвѣли розаны; небо всегда ясное, воздухъ теплый; а выходило это мѣсто на проходъ изъ Мраморнаго моря въ Черное, такъ что къ нему со всѣхъ сторонъ могли приходить корабли. Константинъ Великій заложилъ стѣны съ башнями, рвами и воротами, построилъ дворцы и храмы Божіи, приглашалъ и вельможъ своихъ строить чудныя палаты,— и въ короткое время, на семъ прекраснѣйшемъ, благословенномъ мѣстѣ, выстроился великолѣпный городъ, куда собраны были рѣдкости и диковинки со всего свѣта, особенно же предметы священные для христіанъ. Во храмы свезены были и хранились Нерукотворенный ликъ Спасителя на полотенцѣ, поясъ и ризы Богоматери, и части отъ древа Креста Господня, найденаго въ Іерусалимѣ матерью Константина Великаго Св. царицею Еленою, и столбъ, къ которому привязанъ былъ Господь Іисусъ Христосъ, когда біенъ былъ, и всякія орудія, которыми мучимы были первые исповѣдники Христовы, и цѣпи, коими прикованы были въ темницахъ, и одръ желѣзный, на коемъ были сожигаемы. Въ теченіи времени наполнялись храмы многими чудными иконами, мощами и гробницами святыхъ мужей и самого царя Константина и матери его Елены, Іоанна Златоуста, Григорія Богослова, Аѳанасія Великаго и другихъ. Благочестивые странники всякаго языка и племени стремились въ Константиновъ градъ, и цѣлыя недѣли проводили въ осмотрѣ богатствъ, святынь и чудесъ его, и въ изумленіи про-

звали его Царьградомъ. Русскихъ много всегда туда пріѣзжало и приходило—и по торговымъ дѣламъ, и по посольскимъ, и особенно по благочестію. Многіе Русскіе тамъ и жили, многіе постригались въ греческихъ монастыряхъ для прохожденія суроваго житія тамошнихъ монаховъ, особенно на Святой Горѣ Аѳонской не подалеку отъ Константинополя; у Русскихъ тамъ былъ, и теперь есть, свой русскій монастырь Св. Пантелеймона, и содержался на приношенія изъ Руси. Не помня себя отъ изумленія, обходили наши путники зданія города; дивились красотѣ его постройки и мѣста, выходящаго на два моря; дивились пышности и блеску царскаго двора; присутствовали при духовныхъ и придворныхъ церемоніяхъ; на церемоніяхъ этихъ видали императора во всемъ его царскомъ облаченіи и взирали на него какъ на первѣйшаго во всемъ мірѣ человѣка, Богоизбраннаго поборника и защитника Святой церкви. Они свободно допускаемы были къ Патріарху, и принявъ его благословеніе, выходили отъ него, славя его ласковое вниманіе къ нимъ, простымъ людямъ. Но болѣе всего ихъ приводилъ въ радостный священный трепетъ—храмъ Св. Софіи Премудрости Божіей, о которомъ еще посланные великимъ княземъ Владиміромъ бояре говорили, что „когда они стояли въ немъ, то не знали, на землѣ или на небѣ они находятся, и что тамъ Богъ явно съ людьми пребываетъ“. Таковъ вышелъ этотъ новый городъ, сіявшій мраморомъ и золотомъ, построенный Константиномъ Великимъ, называемый Новымъ Римомъ, или Вторымъ Римомъ, или по имени строителя—Константинополемъ, т. е. Константиновымъ градомъ, или по красотѣ и святости его—Царьградомъ, или наконецъ отъ прежде бывшаго около него мѣста—Византіей. Таковъ онъ былъ, что люди словно не находили ему довольно звучнаго и достойнаго имени, и надавали ему нѣсколько именъ, одно красивѣе другаго.

И вотъ, въ теченіи времени, все хуже и хуже стали приходить въ Москву вѣсти изъ греческой земли, и изъ сербской, и изъ волошской — вѣсти о томъ, что ихъ все болѣе и болѣе тѣснятъ Турки. Вдругъ въ 1382 году пришло извѣстіе, пріѣхали и съ

плачемъ разсказывали въ Москвѣ сербскіе люди, что царству ихъ пришла конечная гибель; что славный царь сербскій Лазарь поднялся всею землею на Турковъ, и былъ разбитъ турецкимъ султаномъ Амуратомъ. Оба воинства сошлись на равнинѣ, называемой Коссово поле. У царя Лазаря былъ храбрый воевода, именемъ Милошъ, лѣтами еще младъ, но уже столь знаменитъ и славенъ, что стали завидовать многіе царедворцы, старые воеводы. Они — наканунѣ самой битвы и шепнули царю Лазарю за ужиномъ, что Милошъ хочетъ передаться Туркамъ. Слухъ дошелъ до Милоша, и вотъ на что онъ рѣшился: ночью ушелъ онъ изъ своего стана, прошелъ въ турецкій лагерь, и сказалъ, что онъ славный воевода Милошъ, и что желаетъ измѣнить своему царю и служить турецкому султану, а для того, молъ, хочетъ его видѣть. Рано утромъ его провели къ Амурату. Оба войска уже стояли другъ противъ друга, и готовы были броситься въ бой. Милошъ, допущенный передъ очи султана, объявилъ, что имѣетъ нѣчто сообщить ему тайно. Султанъ велѣлъ всѣмъ отойти. Тогда Милошъ вдругъ обнажилъ свой мечъ, и вонзилъ его прямо въ сердце Султану. Видя это, Турки тотчасъ изрубили въ куски безстрашнаго слугу царя Лазаря. Но кровь его не принесла пользы Сербамъ. Турки тотчасъ провозгласили султаномъ Амуратова сына Баязета, и одолѣли Сербовъ. Царь Лазарь былъ убитъ; почти все войско его пало; царство Сербское покорено Турками, а на Коссовомъ полѣ они сложили изъ срубленныхъ головъ сербскихъ высокій столбъ.

За симъ пришла вѣсть о такомъ же паденіи и разрушеніи царства Болгарскаго.

Потомъ пошли извѣстія, что то тотъ, то другой султанъ подступалъ къ самому Царьграду, и что императоръ съ трудомъ отъ нихъ отбивается. Потомъ пришло въ Москву приглашеніе отъ папы римскаго, на соборъ для соединенія церквей Восточной и Западной, съ обѣщаніемъ, что если это соединеніе воспослѣдуетъ, то папа двинетъ всѣхъ европейскихъ королей противъ Турокъ. Отъ насъ поѣхалъ митрополитъ Исидоръ, родомъ Грекъ, и ему данъ

былъ наказъ не подписывать на соборѣ ничего противнаго православію. Соборъ состоялся въ городѣ Флоренціи, въ Италіи. Многіе Греки согласились признать верховенство папы надъ вселенской церковью. Вернулся въ Москву митрополитъ Исидоръ, сталъ служить обѣдню въ Успенскомъ соборѣ, возвѣстилъ торжественно, что отнынѣ рушилось средостѣніе между двумя церквами,—что отнынѣ только въ христіанствѣ стало едино стадо и единъ пастырь; а кто же этотъ пастырь—оказалось, когда Исидоръ вдругъ началъ вмѣсто вселенскихъ патріарховъ на эктеньѣ поминать римскаго папу. Государемъ въ Москвѣ былъ въ то время внукъ Димитрія Донскаго Василій Васильевичъ Темный; онъ былъ въ то время слѣпъ,—но одинъ замѣтилъ Исидорову новость и указалъ духовенству. Всѣ ужаснулись. Оказалось, что Исидоръ на соборѣ подписалъ соединеніе церквей совсѣмъ въ томъ смыслѣ, какъ хотѣли папы. Великій князь назвалъ его не пастыремъ, а волкомъ, велѣлъ посадить подъ стражу въ Чудовъ монастырь, созвать свой соборъ и судить отступника. Исидоръ однако бѣжалъ изъ тюрьмы. Въ Константинополѣ тоже вышла смута изъ за этого флорентійскаго собора. Пріѣхали туда епископы, подписавшіе соединеніе. Народъ встрѣтилъ ихъ крикомъ: „вѣру продали!“ Сдѣлался бунтъ. Собранъ былъ соборъ—и проклялъ измѣнниковъ.

Таково было колебаніе и потрясеніе въ Цареградской церкви и во всемъ греческомъ царствѣ, со всѣхъ сторонъ тѣснимомъ Турками. Наконецъ въ 1453 году по Р. Х., т. е. слишкомъ за 400 лѣтъ до нашего времени, разнеслась по всему восточному православному христіанству страшная вѣсть, что Царьградъ взятъ Турками,—что султанъ турецкій Магометъ II сѣлъ на престолѣ греческихъ императоровъ,—что храмы Константинопольскіе (самый храмъ Св. Софіи) обращены въ мусульманскія мечети. Вѣсть эта приводила всѣхъ въ оцѣпенѣніе. Куда теперь обратить очи? Гдѣ тотъ свѣтъ истинной вѣры, который сіялъ столько вѣковъ въ Царьградѣ на поученіе и радость вселенной—и на обличеніе и посрамленіе враговъ Церкви? Что же теперь будетъ въ христіанствѣ, ко-

гда поплѣнена и поругана та Церковь, которая премудростью своихъ великихъ учителей—Іоанна Златоуста, Григорія Богослова, Василія Великаго и многихъ другихъ,—просвѣщала всѣ другія православныя церкви и была живою хранительницей святыхъ апостольскихъ преданій? Плакали люди въ пустыняхъ, плакали во храмахъ, когда пастыри объявили прихожанамъ о страшномъ событіи. Расходились по домамъ люди и толковали, что это не начало-ли свѣтапреставленія? И словно стадо разсѣянное пошли скитальцами Греки во всѣ земли, по всему міру, и вездѣ около нихъ сбирались люди, и всѣмъ они разсказывали жалостную повѣсть о взятіи Царьграда, и всѣ ихъ слушали съ воздыханіемъ и слезами. Многое множество этихъ Грековъ, а съ ними и Болгаръ и Сербовъ, потянулось къ Москвѣ—и изъ Москвы по русскимъ городамъ и обителямъ; вездѣ былъ имъ братскій пріемъ и посильная милостыня. Страданія ихъ церкви и жалкая судьба ихъ царствъ, родственныхъ нашему, придавали въ глазахъ русскихъ людей особую святость этимъ путникамъ: многіе изъ нихъ были въ своей странѣ великіе стратиги, философы и имѣли высокій духовный санъ, и всего лишились и едва жизнь спасли, и теперь питаются только подаяніемъ, а многое множество ихъ братій влачитъ дни свои въ неволѣ. Всѣ эти бѣдствія были понятнѣе на Руси, чѣмъ гдѣ либо, потому что всѣ эти изгнанники одной съ нами вѣры—и потому еще, что въ рѣдкомъ русскомъ-то семействѣ не оплакивали кого нибудь изъ своихъ близкихъ, томящагося или умершаго въ неволѣ у татарскихъ хищниковъ; многіе и сами были выкуплены изъ рабства на обильныя приношенія, которыя собирались со всей Руси навыкупъ ордынскихъ плѣнниковъ. Самимъ на Руси было памятно, какъ Татары брали русскіе города,—какъ народъ и князья его сражалися и умирали въ бою съ невѣрными, — и всѣ распрашивали у Грековъ, какъ же у нихъ все это сдѣлалось?

И Греки разсказывали:

„У нашего Императора Константина Палеолога было всего 8,000 воиновъ; съ ними онъ заперся въ Царьградѣ, и пять мѣсяцевъ

бился противъ 280,000 арміи султана. Надо вамъ знать, что городъ съ сухопутной стороны обведенъ высокими стѣнами съ башнями, а съ моря входъ въ его гавань запирался желѣзною цѣпью. Султанъ вдоль всѣхъ стѣнъ построилъ батареи и непрестанно, и днемъ и ночью, палилъ въ городъ каменными ядрами; только все, что онъ днемъ разобьетъ стѣнъ, то Греки успѣютъ ночью исправить. Палитъ онъ, палитъ, да вдругъ какъ ударятъ во всемъ лагерѣ въ бубны да въ барабаны, засвистятъ въ зурны и флейты, и съ кликомъ и воемъ, съ огнями и лѣстницами бросятся Турки на приступъ—и тутъ ужь Богъ знаетъ что́ дѣлается: съ высокихъ мѣстъ смотришь и видишь только, что пороховой дымъ какъ пелена лежитъ надъ стѣнами и городомъ, и въ этомъ дыму слышны только стукъ и трескъ оружія, крики воиновъ, плачъ и рыданіе женъ и дѣтей,—и съ турецкой стороны—зурны, флейты и барабаны, а съ греческой, изъ города, звонъ колоколовъ съ церквей, гдѣ не прерывалась божественная служба. Богъ все миловалъ: пять мѣсяцевъ сряду Греки, хоть и мало ихъ было, да отбивали приступы. Султанъ сонъ потерялъ отъ досады. И подкатилъ онъ къ городу, на 60 волахъ, огромную пушку вѣсомъ въ 1,900 пудовъ, длиною въ 4 сажени; ее заряжали каменнымъ ядромъ въ 36 пудовъ; ядро за четыре версты попадало въ цѣль—и когда падало на землю, то пробивало яму слишкомъ въ два аршина глубины. И стрѣлять изъ нея можно было только семь разъ въ день, а то она слишкомъ накалялась—и надобно было послѣ выстрѣла тотчасъ смазывать нутро ея бычачьимъ саломъ. Другія пушки, а ихъ было около двухъ сотъ, тоже были тяжелыя; ихъ везли по 40 воловъ. Изъ этихъ-то пушекъ громили стѣны. Видя, что и это не беретъ, Магометъ началъ думать, какъ бы ему въ самый городъ, т. е. въ самую гавань Царьградскую ввести свои корабли, и съ двухъ сторонъ палить; а какъ входъ въ гавань съ моря былъ запертъ желѣзною цѣпью, то онъ придумалъ перетащить корабли въ гавань по суху, съ внутренней ея стороны, настлавши досокъ и смазывая ихъ жиромъ. Это и исполнилъ онъ ночью—и тогда ужь съ двухъ

сторонъ открылъ огонь. Часть стѣны наконецъ упала. Турки ворвались въ городъ—и началась рѣзня отчаянная. Одолѣли невѣрные и разсыпались по городу, пошли рѣзать и грабить, оскверняли храмы, ломали утварь церковную, сдирали иконы и топтали ихъ ногами. Султанъ самъ на бѣломъ конѣ въѣхалъ въ городъ и прямо къ Св. Софіи; туда ворвались ужь Турки и шла рѣзня; Султанъ вошелъ во храмъ, распахнулъ царскія врата, вошелъ въ алтарь и сѣлъ на престолъ потурецки, то есть поджавши ноги; съ престола велѣлъ прекратить рѣзню, вычищать храмъ—и своимъ муллamъ отнынѣ служить въ немъ службу Магомету. Первымъ дѣломъ, онъ потребовалъ къ себѣ императора. Но императора нигдѣ не было. Онъ бился какъ храбрый ратникъ; не задолго передъ тѣмъ, покрытый кровью, подъѣхалъ онъ къ Св. Софіи, вошелъ во храмъ, наполненный старцами, женами и дѣтьми и многимъ духовенствомъ; палъ передъ алтаремъ, покаялся, простился съ патріархомъ и съ царицею, поклонился на всѣ четыре стороны до земли, прося простить ему прегрѣшенія его и обиды, буде кого онъ обидѣлъ,— и сказалъ при этомъ: „простите православные христіане! видно часъ мой пришелъ—испить за народъ мой чашу искупленія. Ежели Турки возьмутъ меня живого въ плѣнъ, то и весь народъ попадетъ въ вѣчное къ нимъ рабство; если же буду убитъ на бою, то хоть султанъ и сядетъ на престолъ мой, но Богъ цареву жертву приметъ— и вѣчнаго рабства народу не будетъ, Господь воздвигнетъ мстителя за кровь мою.“ Засимъ онъ причастился Св. Таинъ и пошелъ изъ церкви, сѣлъ на коня и опять поскакалъ на битву. Султану сказали, что видѣли императора біющимся съ Турками во вратахъ градскихъ, и что онъ убитъ. Султанъ велѣлъ отыскать его тѣло. Стали разбирать тѣла и нашли тѣло царево, только безъ головы, и признали его только по царскимъ украшеніямъ на сандаліяхъ, или на башмакахъ. Султанъ велѣлъ отыскать непремѣнно голову. Срубленныхъ головъ между тѣлами валялось множество—и греческихъ, и турецкихъ; стали ихъ подбирать, обмывать, наконецъ нашли. Султанъ призвалъ плѣнныхъ греческихъ бояръ и сказалъ, чтобъ они

разсмотрѣли—точно-ли это царева голова. Они со страхомъ и слезами отвѣчали: „она и есть глава царева“. Самъ султанъ содрогнулся, облобызалъ голову и послалъ ее къ патріарху. Патріархъ, положилъ ее въ золотой и серебряный ковчежецъ, и тайно ночью похоронилъ подъ престоломъ Св. Софіи“.

Много страшнаго и чудеснаго разсказывали Греки. Говорили, между прочимъ, что „въ ночь передъ послѣднимъ, трехдневнымъ боемъ, на 21-е Мая, на память строителя града Св. царя Константина и матери его Елены, весь городъ вдругъ освѣтился словно заревомъ. Думали, что пожаръ. Увидали, что свѣтъ выходитъ изъ верхнихъ оконъ Софійскаго храма, обнявъ собою весь куполъ,— что все пламя потомъ, слившись вмѣстѣ, превратилось въ невыразимый свѣтъ, и этотъ свѣтъ поднялся на небо—и словно растворились двери небесныя, и пріяли свѣтъ и опять затворились. Спрошенные о томъ, что это значитъ, патріахъ и архіерей объявили, что этотъ свѣтъ — благодать Божія, и съ нею ангелъ Господень данный Богомъ на соблюденіе святой церкви сей и на сохраненіе граду сему, въ сію нощь отошедшая на небо, такъ какъ Богъ, по грѣхамъ нашимъ, предаетъ нынѣ градъ сей въ руки враговъ“.

Въ Москву къ великому князю стали постоянно пріѣзжать знатные и ученые изъ Грековъ, и Сербовъ, и Болгаръ. Наши государи принимали ихъ въ своихъ покояхъ слезно и участно, и приглашали ихъ къ столу своему, и вмѣстѣ съ своими боярами разспрашивали, и разсуждали подробѣне, отчего и какъ все это случилось. Греки такъ имъ объясняли дѣло: „всѣмъ вамъ вѣдомо, государи, что съ изначала, когда Господь нашъ Іисусъ Христосъ разослалъ Св. Апостоловъ по всей землѣ проповѣдывать слово Свое, повелѣлъ Онъ всѣмъ церквамъ быть въ любви и общеніи одна съ другою, и въ случаѣ какихъ неустройствъ собираться на вселенскіе соборы, и соборнѣ постановлять догматы вѣры, высматривать и утверждать правое ученіе. И такъ продолжалося въ церкви вселенской до тѣхъ поръ, пока папа римскій не вздумалъ поставить себя выше соборовъ; самъ онъ нарекъ себя намѣстни-

комъ Іисуса Христа — и сталъ требовать, чтобы вся вселенская церковь признала его главою и повелителемъ. И церкви— британская, и гальская, и германская, и испанская покорились ему, и овладѣлъ онъ въ этихъ странахъ двумя третями земель, и чрезъ легатовъ своихъ началъ повелѣвать самими тамошними королями. Желая власть свою надъ ними укрѣпить и имѣть вѣрѣ своей защитника, а себѣ покорнаго слугу, онъ одного изъ нѣмецкихъ королей вѣнчалъ императорскимъ вѣнцомъ и нарекъ римскимъ императоромъ, и сказалъ ему: „будь ты мнѣ правою рукою, и приведи ты подъ власть мою всю землю". Накинулись они на славянскія царства, исповѣдывавшія греческую вѣру по книгамъ Св. Кирилла и Меѳодія,—и гдѣ кознями, гдѣ кровопролитіемъ успѣли отторгнуть отъ единыя православныя вселенскія церкви, въ свое стадо, изъ общей единой семьи славянской, Чеховъ, Моравянъ и Поляковъ. Но мечъ папы и змѣиная хитрость его сокрушались о вѣрныхъ отеческой церкви Сербовъ, Болгаръ, Грековъ и Русскихъ. И оттого возненавидѣли папы все восточное христіанство! И какихъ бѣдъ они ему ни причинили! Когда проявился Магометъ, и пошли мусульмане огнемъ и мечомъ обращать всѣ народы къ его вѣрѣ, и взяли святой градъ Ерусалимъ, гдѣ находится Гробъ Господень и ополчилось противъ нихъ все христіанство,—папы воспользовались бѣдствіями греческаго народа и захватили Константинополь, шестьдесятъ лѣтъ держали его въ рукахъ своихъ, и учредили тамъ свою латинскую имперію, и были намъ хуже Турковъ —потому что Турки все таки позволяютъ намъ вѣру нашу исповѣдывать, а латиняне всѣхъ силою приводили къ папѣ! Завели они также рыцарей и велѣли имъ огнемъ и мечемъ распространять латинскую вѣру и въ вашихъ старорусскихъ земляхъ, у Латышей и Эстовъ, у Литовцевъ, и у васъ Русскихъ, называя васъ дикими русскими язычниками! Нашимъ законнымъ императорамъ удалось таки отнять опять Царьградъ и выгнать Латинянъ, а у васъ—сами вы знаете— ваши Князья Св. Александръ Невскій и многіе другіе оборонили отъ рыцарей природную-то Русскую землю!"

„Грѣхъ нашъ великій въ томъ и есть,—продолжали бесѣдовать Греки, — что мы, Греки, больше возлюбили жизнь спокойную и праздную, въ роскоши и удовольствіяхъ и въ праздныхъ толкованіяхъ, чѣмъ труды воинскіе; вмѣсто того чтобы самимъ крѣпко биться съ латинянами — вызвали мы Турокъ защищать насъ отъ враговъ нашихъ. Турки пришли и поселилися въ нашихъ земляхъ; латиняне и стали ихъ наускивать на насъ, думая, что какъ потѣснятъ насъ Турки, мы поневолѣ къ папѣ же обратимся за помощью. Турки покорили Болгарію, Сербію, и отъ Греческой имперіи остались только городъ Константинополь, да Морея, да нѣсколько острововъ. Папы стали къ намъ засылать, будто насъ жалѣютъ, и объявили намъ, что они пошлютъ всѣхъ королей своихъ намъ на выручку, но что для этого намъ надо отъ своей вѣры отказаться и признать власть римскаго первосвященника. Для этого они собрали соборъ въ городѣ Флоренціи въ Италіи, куда и отъ васъ ѣздилъ митрополитъ Исидоръ. Нѣкоторые изъ нашихъ вельможъ и даже духовныхъ согласились было и подписали соединеніе, но народъ и слышать не хотѣлъ объ измѣнѣ вѣрѣ, а тѣмъ паче—покойный императоръ Константинъ Палеологъ; всѣ мы, уже подъ пушками Магомета, говорили: „Лучше Турки, чѣмъ латины!..“ Взяли Турки Царьградъ—папы и думаютъ, что ужь теперь то насъ, православныхъ, сломятъ, и говорятъ и пишутъ намъ: „видите-ли вы, неразумные Греки, до чего довело васъ ваше упорство—не признавать папу верховнымъ главою всего христіанства! За этотъ-то грѣхъ васъ Богъ и наказуетъ! Смотрите и сами судите, гдѣ очевидная благодать Божія: мы богаты, а вы въ нищетѣ и безъ куска хлѣба; мы повелѣваемъ народами, и короли земные служатъ намъ,—вы стали рабами поганыхъ; наши храмы и дворцы украшаются мраморомъ и золотомъ, рѣзьбою и письмомъ,—ваши храмы ободраны и поруганы, негдѣ вамъ и помолиться то! Ужели не видите, что Богъ во гнѣвѣ отвратилъ отъ васъ лице Свое?! Обратитесь къ намъ, покайтесь, откажитесь отъ своей вѣры, признайте власть папы—папа и проститъ васъ, и пошлетъ ко-

ролей своихъ выгнать Турковъ изъ вашей земли, и будете вы спасены". Но и въ неволѣ и въ бѣдствіи, мы отвѣчаемъ папѣ: „судьбы Господни неисповѣдимы. По грѣхамъ нашимъ Богъ посылаетъ на насъ испытаніе и тяжкую кару; но мы согласны скорѣе претерпѣть всяческія муки отъ Турокъ, чѣмъ душу погубить, отъ истинной вѣры отречься—и признать тебя, смертнаго человѣка, земнымъ богомъ. Богъ нашъ на небесахъ; здѣсь на землѣ установилъ Онъ свою апостольскую церковь, во главу ея поставивши не смертнаго человѣка, а Сына Своего Іисуса Христа, и Духомъ Своимъ Святымъ въ церкви пребывая и животворя ее, и таинственно волю Свою объявляя въ постановленіяхъ Св. соборовъ. Человѣкъ ты еси—и смертенъ, и шатокъ, и погрѣшимъ; Духъ-же Святый, въ церкви пребывающій, вѣченъ и незыблемъ и премудрости исполненъ".

„Таково-то, государи, несчастное положеніе наше", говорили Греки. „И на кого упованіе свое возложимъ? И къ кому въ скорби своей прибѣгнемъ? Кто возстановитъ святые храмы наши? Кто возстановитъ тронъ Константиновъ и державу его исторгнетъ изъ рукъ нечестивыхъ? Кто снова освятитъ храмъ Софіи — и снова огласитъ его ангельское пѣніе и послышатся въ немъ словеса Бога живаго?"

И слушали наши государи, и князья, и бояре, и митрополитъ и епископы—и сердце у нихъ разрывалось отъ жалости. И рвалось ретивое на защиту православія; но окидывая умственнымъ взглядомъ дѣла свои, видѣли, что Московское государство само еще подъ властью Татаръ, а другая половина Руси во власти у латинянъ, у Литвы и Польши; да если бы и пойдти Русскимъ отбивать Царьградъ для Грековъ, то пришлось бы въ одно время воевать и съ Турками, и съ латинянами, которые не потерпятъ, чтобъ православіе опять возсіяло на востокѣ... „Ничѣмъ-то мы вамъ пособить не можемъ,—съ горестью говорили наши Грекамъ,—остается только всѣмъ покориться волѣ Божіей, крѣпко стоять въ вѣрѣ и

ожидать часа, когда Господь воздвигнетъ мстителя за неправды на враговъ имени Его".

„Богъ даетъ крѣпость мышцѣ и младенцевъ умудряетъ,—отвѣчали Греки; — а наша вся надежда только на васъ, государи, и на единовѣрный намъ русскій народъ. У насъ въ нашихъ старинныхъ книгахъ вотъ что́ записано: когда Св. Константинъ Великій избралъ мѣсто для постройки Царьграда, вдругъ изъ норы выползъ великій змій—и на змія ниспалъ съ неба орелъ, и подхватилъ змія и унесъ на высоту, а змій вкругъ него обвился. Они скрылись изъ глазъ; но скоро орелъ опять показался и упалъ на то же мѣсто, ибо змій сталъ его душить и одолѣвать; увидавши это, подбѣжали люди и змія убили, а орла освободили. Мудрецы тогда же объяснили, что орелъ есть знаменіе христіанское, а змій—мусульманское,—и значитъ, что мусульманство одолѣетъ христіанъ, но потомъ и христіане побѣдятъ его. Теперь половина пророчества исполнилась: змій одолѣлъ орла. Сбудется и вторая половина: прійдутъ люди и убьютъ змія. Какіе же это будутъ люди? Охъ, государи, есть объ этомъ и другое у насъ пророчество, а записано оно уже пятьсотъ лѣтъ тому назадъ,—что прійдетъ русскій родъ и купно со строителями града побѣдитъ измаильтянъ, и приметъ Царьградъ, и воцарится тамъ... На великія дѣла блюдетъ Божій промыслъ—великій русскій народъ".

— „Аминь! да будетъ воля Господня!" говорили наши государи, и князья, и бояре, и митрополитъ, и епископы—и осѣняли чело свое крестнымъ знаменіемъ, чистосердечно и безкорыстенно отдавая себя водительству святаго промысла Божія.

III.

МОСКВА — ТРЕТІЙ РИМЪ.

Москва—Третій Римъ.

А промыселъ Божій въ то время уже явно оказывался надъ Москвою. Тамъ уже начинали прозрѣвать, что труды великихъ подвижниковъ за землю русскую скоро имѣютъ получить свою мзду; явно было, что данничеству ордынскому скоро прійдетъ конецъ. Въ Москвѣ великимъ княземъ былъ въ то время внукъ Димитрія Донскаго, Василій Васильевичъ Темный. При немъ былъ и соборъ Флорентійскій, и взятіе Турками Царьграда. Много этотъ князь потерпѣлъ несчастій на вѣку своемъ: дядя и двоюродные братья отнимали у него престолъ—даже выкололи ему глаза, отчего онъ и прозванъ Темнымъ; попался онъ и въ плѣнъ къ Татарамъ и былъ выкупленъ за дорогую цѣну пожертвованіемъ бояръ и народа. Но несчастіе не заставило его отступить отъ пути, указаннаго предками; съ помощью старыхъ бояръ своихъ онъ побѣдилъ враговъ и скрѣпилъ государство еще сильнѣе. Утѣшеніе великое доставлялъ ему выроставшій при немъ сынъ его, Иванъ. Слѣпецъ прозиралъ духомъ великую будущность сына. Будущность эта была ему предсказана, когда Иванъ былъ еще отрокомъ. Пріѣзжалъ въ Москву ходатаемъ за буйныхъ своихъ согражданъ одинъ изъ святыхъ мужей Новгородскихъ, архіепископъ Іона. Во время бесѣды его съ великимъ княземъ о дѣлахъ Руси, вдругъ входитъ въ горницу сынъ и наслѣдникъ Васильевъ, Иванъ. Святитель

взглянулъ на него и сказалъ: „вотъ кому Богъ пошлетъ свободу отъ власти ордынской!“ и потомъ долго еще въ молчаніи глядѣлъ на отрока, на разумныя его очи, и вдругъ закрылъ лицо свое руками, заплакалъ и произнесъ: „отрокъ же сей приведетъ и мою родину, великій Новгородъ, подъ свою руку!“

Василій Темный умеръ. Ему наслѣдовалъ этотъ Иванъ. Двадцать лѣтъ прошло со взятія Турками Царьграда. Въ это время, уже опомнившись отъ перваго удара, Греки — даже тѣ, которые понадѣялись было на папу и подписали соединеніе вѣръ,—увидѣли, что спасеніе ихъ можетъ выйдти только изъ самого православія; а какъ изъ православныхъ государствъ въ то время очевидно возвышалось одно государство православное, именно—московское, то на Москву и обратились съ надеждой очи всего Востока. Завязались у Грековъ тѣснѣйшія сношенія съ Москвою. Патріархъ греческой церкви самъ не могъ переѣхать въ Москву: ему нужно было бодрствовать за свою паству въ отечествѣ; онъ и благословилъ россійскому духовенству самому соборнѣ выбирать себѣ митрополита. Но званіе защитника церкви — лежавшее, по преемству отъ Св. Константина Великаго, на греческихъ царяхъ, — Греки хотѣли, согласно древнимъ пророчествамъ, передать торжественно и по всѣмъ правамъ государю московскому. Дѣло это они устроили такъ: многіе изъ знатныхъ Грековъ проживали въ Римѣ—и по наружности признали папу. Они и, главное, грекъ кардиналъ Виссаріонъ стали папѣ внушать мысль, что съ великимъ княземъ московскимъ можно обдѣлать разомъ два дѣла: и обратить его въ католичество, и получить помощь на Турокъ; для этого постараться женить его на племянницѣ послѣдняго греческаго императора, Константина Палеолога, Софьѣ, которая въ приданое принесла бы ему свои права на престолъ Константиновъ, а какъ ревностная католичка—обратила бы самого въ католичество; онъ, молъ, противъ женской прелести и ея хитрости не устоитъ. Папа (который не могъ сладить со своими королями, чтобы дружно обратить ихъ на Турокъ) съ радостью ухватился за эту мысль и послалъ въ

Москву сватомъ Грека же, Георгія. Это сватовство, какъ сказано въ нашей лѣтописи, Иванъ Васильевичъ взялъ въ мысль, и, поговоривъ съ митрополитомъ и боярами, отправилъ въ Римъ своего посланца, Итальянца, принявшаго въ Москвѣ православіе, Ивана Фрязина, смотрѣть невѣсту и для переговоровъ. Иванъ Фрязинъ наговорилъ папѣ обѣщаній съ три короба, и повезъ невѣсту. „Ну, дочь моя,—говорилъ, отпуская ее, папа,—послужи святому престолу Римскому, и будешь ты великая изъ женъ, если еретическаго царя Ивана приведешь въ римскую вѣру". Невѣсту провожалъ папскій кардиналъ и хотѣлъ вступить въ Москву торжественно въ своей красной мантіи, со всей своей свитой, и чтобъ впереди его несли большой латинскій крестъ. Онъ намѣревался и вѣнчать жениха съ невѣстой по своему. Но за нѣсколько верстъ до Москвы, крестъ ему велѣли спрятать; невѣста, какъ вступила въ Москву, такъ и объявила, что никогда и не измѣняла православію,—и въ тотъ же день былъ обвѣнчана съ Иваномъ Васильевичемъ, въ Успенскомъ Соборѣ, митрополитомъ. Кардиналъ началъ было разговоръ о вѣрѣ; но, когда митрополитъ Филиппъ изложилъ ему всю римскую неправду, онъ замолчалъ, сказавъ, что нужныхъ книгъ съ собой не взялъ, не ждалъ спора,—такъ какъ Иванъ Фрязинъ говорилъ въ Римѣ, что здѣсь всѣ согласны на соединеніе вѣръ. Ему сказано было, что вольно-жъ былъ вѣрить; Фрязинъ вралъ отъ своего лица, и никакихъ грамотъ съ собой о томъ не имѣлъ; за это, молъ, великій князь прогонитъ его съ очей своихъ. И точно великій князь прогналъ его, но не надолго,—потомъ опять принялъ на службу. Кардиналъ съ тѣмъ и уѣхалъ. Папа римскій остался ни причемъ.

Иванъ же Васильевичъ, какъ женился на греческой царевнѣ, такъ и принялъ на себя всѣ права ея предковъ: и облаченіе императорское, и гербъ византійскихъ императоровъ—двуглаваго орла, и въ грамотахъ своихъ къ иностраннымъ государямъ сталъ именоваться царемъ и императоромъ. При дворѣ своемъ завелъ онъ царскіе обычаи и чины, какъ было у греческихъ царей; иностранныхъ пословъ сталъ принимать—сидя на престолѣ, въ порфирѣ,

въ шапкѣ древняго великаго императора греческаго Константина Мономаха, въ бармахъ его, со скипетромъ въ рукѣ. Всѣ эти регаліи—были Софьино приданое и привезены ею. Утверждая себѣ наслѣдника, онъ уже торжественно вѣнчалъ его на царство, какъ вѣнчались греческіе цари. Явно было, что какъ сказалъ нѣкогда великій князь Симеонъ Гордый, новая „свѣча“ зажжена была въ Москвѣ.

Съ этой поры все въ ней пошло измѣняться, самый наружный видъ ея: Иванъ III Васильевичъ засталъ ее деревянную, а оставилъ каменную, златоглавую; было на что́, еще издали, подъѣзжая къ ней, перекреститься русскому люду! Онъ построилъ высокія каменныя стѣны съ башнями и стрѣльницами, Успенскій Соборъ, каменный вмѣсто обветшавшаго деревяннаго, соборы Архангельскій и Благовѣщенскій, каменный дворецъ, Грановитую Палату для торжественныхъ собраній и пріемовъ, и многіе храмы, все изъ камня. Для всякаго дѣла сталъ выписывать изъ-за границы разныхъ мастеровъ, Итальянцевъ и Грековъ, пушкарей, литейщиковъ, строителей и всякихъ художниковъ.

Во всѣхъ своихъ дѣлахъ великій князь сталъ рѣшительнѣе; первое, онъ привелъ подъ свою руку Великій Новгородъ и его обширныя земли, т. е. всю Новгородскую, Олонецкую, Петербургскую и Архангельскую губерніи. Всѣ эти земли занялъ и заселилъ Новгородъ изстари, поставилъ тамъ города и селенья и державствовалъ надъ всею этою страною. Горды были Новгородцы своимъ державствомъ и богатствомъ, ибо они-то собственно изстари заправляли чуть не всей торговлей въ Россіи: въ низовыхъ городахъ закупали хлѣбъ, оттуда же получали товары азіятскіе; со своихъ владѣній и изъ Сибири получали мѣха, и продовали нѣмецкимъ купцамъ, и посылали сами корабли за-море—черезъ Волховъ, Ладожское озеро, Неву. Нѣмецкіе товары Новгородцы развозили по Россіи. Но отъ этой торговли разбогатѣли только важнѣйшіе купцы въ Новгородѣ и назвалися боярами: вся земля была ихняя; города, которые они ставили, они называли своими пригородами, держали крѣпко—и все на свою только пользу, словомъ: изъ всѣхъ

своихъ земель, какъ говорится, выжимали сокъ. Эти богачи заправляли въ новгородскихъ земляхъ всѣмъ: сами судили судъ—и тѣснили свои пригороды и весь сельскій или черный людъ. Управлялись они сходкой, по старинному *вѣче*: ударятъ въ вѣчевой колоколъ—и всѣ должны собираться на Ярославовъ дворъ. И приходятъ богачи со своими нахлѣбниками и кормяжниками. Пойдетъ несогласіе, крикъ, драка; которая сторона одолѣетъ, давай топить противниковъ въ Волховѣ, съ мосту. По мѣрѣ того, какъ стали усиливаться съ одной стороны московское государство, а съ другой—литовское, новгородская держава очутилась вдругъ между двумя сильными сосѣдями. Поняли Новгородцы, что имъ не устоять, и вышло между ними раздѣленіе: богачи-купцы, бояре захотѣли податься Литвѣ, гдѣ панамъ было житье привольное—короля они ни въ грошъ не ставили, а простой народъ тѣснили, имѣли даже право казнить смертію,—такой порядокъ нравился богачамъ купцамъ, боярамъ новгородскимъ—и желательно было имъ завести и у себя; но черный людъ новгородскій на это не соглашался, и лучше хотѣлъ совсѣмъ отойдти подъ государя московскаго, у котораго судъ равный для всѣхъ—и для большихъ, и для малыхъ людей. Иванъ Васильевичъ ужь одинъ разъ усмирялъ Новгородцевъ, замышлявшихъ измѣну, и поднялся теперь, чтобы окончательно присоединить Новгородъ къ московскому государству, потому что понималъ—если бы да успѣла Литва захватить новгородскія земли, то и православію тамъ бы пришелъ конецъ, и Поляки стали бы пановать надъ русскимъ народомъ. Онъ собралъ войско, но крови проливать не желая, окружилъ войскомъ Новгородъ, и заперъ всѣ у него входы и выходы; самъ сталъ подлѣ, на Городищѣ, и ждалъ. Попались какъ въ западню Новгородцы—и пошла у нихъ сумятица; звонятъ въ вѣчевой колоколъ, собираются, кричатъ; одни кричатъ: хотимъ государя московскаго! другіе: хотимъ Казиміра литовскаго! Изъ-за словъ—драка, гвалтъ, топятъ противниковъ въ Волховѣ; въ дѣла путаются и богачихи-боярыни, и бабы. А великій князь стоитъ на Городищѣ, все знаетъ, что въ Новгородѣ дѣлается, — молчитъ

и смотритъ. Вотъ, наконецъ стали у Новгородцевъ истощаться запасы. Начали они пересылаться съ Иваномъ Васильевичемъ и спрашивать: чего онъ хочетъ? „Сами знаете“, отвѣчаетъ онъ. Въ Новгородѣ наконецъ сдѣлался голодъ, и они порѣшили бить челомъ государю, чтобы онъ принялъ Новгородъ на всю свою волю. Государь и велѣлъ быть Новгороду какъ другимъ русскимъ городамъ; вѣче уничтожено; колоколъ снятъ, отвезенъ въ Москву и повѣшенъ тамъ на колокольнѣ звонить за одно со всѣми русскими колоколами. Вся держава новгородская присоединена къ московскому государству.

Также рѣшительнѣе Иванъ Васильевичъ сталъ поступать и съ Ордою. Разсказываютъ, что Софья Ѳомимишна постоянно твердила ему: „не для того, молъ, вышла я за тебя замужъ, чтобъ ты меня и дѣтей моихъ сдѣлалъ татарскими данниками“. Иванъ Васильевичъ на ея горячность усмѣхался и молчалъ, а дани въ Орду не посылалъ. У хана было подворье на Москвѣ—царь это подворье занялъ подъ церковь. Ханъ Ахматъ прислалъ наконецъ пословъ съ грозной рѣчью. По старому обычаю, послы, входя въ Москву, несли изображеніе хана, по татарски басма, которому князья русскіе должны были кланяться. Иванъ Васильевичъ вышелъ со всѣмъ дворомъ своимъ на встрѣчу посламъ, взялъ изъ рукъ ихъ эту басму—и вдругъ къ ихъ ужасу изломалъ ее, бросилъ на землю и растопталъ ногами, а пословъ велѣлъ казнить кромѣ одного, которому сказалъ: „ступай, разскажи хану, что́ сдѣлалъ я съ его басмою и послами. Тоже будетъ и съ нимъ, если онъ не оставитъ меня въ покоѣ“. Ханъ потомъ пришелъ съ войскомъ и сталъ на рѣкѣ Угрѣ. Иванъ Васильевичъ и тутъ не хотѣлъ положиться на военную удачу: тянулъ время, передвигалъ то туда, то сюда свое войско; а самъ отправилъ внизъ по Волгѣ другое войско подъ самую столицу ханскую, Сарай, и ждалъ вѣстей. Такъ прошла вся осень. Въ войскѣ русскомъ и не знали тайной посылки другаго отряда подъ Сарай—и роптали; роптали и въ Москвѣ; стыдили великаго князя примѣромъ прадѣда его Димитрія Донскаго, называли его „бѣгуномъ“ и писали къ нему укорительныя письма.

Иванъ Васильевичъ на все молчалъ. Вдругъ Ахматъ услыхалъ, что Русскіе сожгли его столицу,— и побѣжалъ. Великій князь съ торжествомъ въѣхалъ въ Москву, и устыдилъ всѣхъ, которые въ немъ усумнились, и самъ посмѣялся надъ ними. Побѣда не стоила ему ни единой капли крови. Вотъ какъ онъ умѣлъ обдѣлывать великія дѣла. Ахматъ потомъ въ Ордѣ былъ убитъ своими же. Золотая Орда распалась на части.

И вотъ такой-то государь царствовалъ въ Московской Руси сорокъ три года (1462—1505). До него и князья московскіе, начиная отъ Ивана Даниловича Калиты, и народъ московскій, словно молча, но понимая другъ друга, трудились надъ освобожденіемъ отъ Татаръ; и въ этой молчаливой работѣ, въ этой тайнѣ, которую знали всѣ, но и другъ другу не высказывали, — чувствовали свою силу и свое превосходство надъ жителями прочихъ русскихъ областей, которые жили сами по себѣ, и объ общемъ дѣлѣ не помышляли, и тяготы его не несли, каковы были, напримѣръ, Новгородцы. Теперь дѣло было сдѣлано. Отъ Орды Русь была свободна; народъ русскій, единый по крови, по вѣрѣ и языку, имѣлъ вмѣсто многихъ князей одного государя. Удачи, побѣды и великій умъ Ивана III еще болѣе возвысили мнѣніе Русскихъ о самихъ себѣ и о величіи своего государя. Когда же палъ Царьградъ и съ нимъ прирожденный защитникъ православія—царь греческій, и Иванъ Васильевичъ женился на греческой царевнѣ, то на него перешло вмѣстѣ съ царскимъ вѣнцомъ и царскими регаліями и законное званіе, права и обязанности великаго и единаго поборника истинной вѣры, тогда русскіе люди съ гордостью стали говорить: „государи наши во всемъ свѣтѣ единые браздодержатели святыхъ Божіихъ престоловъ! Чистое православное ученіе только въ богоспасаемомъ градѣ Москвѣ удержалось и паче солнца свѣтится! Два Рима пали, третій стоитъ (т. е. Москва), а четвертому не быть“.

И не одни русскіе люди разумѣли такъ. Съ паденіемъ Орды, при Иванѣ III Васильевичѣ, передъ очами всего міра словно вдругъ спала завѣса, скрывавшая доселѣ въ тишинѣ созрѣвавшее

государство Московское — одно изъ православныхъ государствъ свободное отъ чуждаго ига. И къ престолу Московскихъ государей понеслись мольбы и вопли о защитѣ со всѣхъ православныхъ земель, стенавшихъ подъ игомъ мусульманскимъ и подъ гнетомъ латинскимъ. Эти жалобы и вопли ясно указывали, какое значеніе въ мірѣ получаетъ Россія, что дѣлать московскимъ государямъ и на какой подвигъ направить имъ отнынѣ силы своего народа, у котораго подъ игомъ татарскимъ глубоко запечатлѣлась въ сердцѣ великая заповѣдь — стоять за своихъ и пострадать за Христа.

Покончивъ внутреннія дѣла свои, въ этомъ-то разумѣ и началъ дѣйствовать Иванъ III Васильевичъ, а потомъ и сынъ его Василій Ивановичъ, царствовавшій послѣ него двадцать восемь лѣтъ (1505—1533). Они начали сами наступать на Татаръ, отбивать у нихъ земли, строить на этихъ земляхъ крѣпости. Въ Литовской Руси, гдѣ народъ былъ русскій и православный, а король—католикъ, стали желать чтобы опять соединиться подъ одну природную державу; Иванъ III и сынъ его, именуясь государями всея Руси, начали требовать древней своей отчины — Кіева и всѣхъ русскихъ земель, подпавшихъ подъ власть Литвы и Польши во времена татарскаго владычества. Иванъ Васильевичъ успѣлъ отвоевать Сѣверскую землю, а сынъ его Василій Ивановичъ—Смоленскъ. Смоленскъ защищалъ храбрый литовскій воевода Сологубъ, и два раза отбилъ нашъ приступъ. Когда великій князь открылъ въ третій разъ пальбу, жители закричали со стѣнъ, чтобы государь прекратилъ огонь; Государь велѣлъ перестать стрѣлять, и Смоляне, князья и бояре смоленскіе, весь народъ, старцы и юноши, матери и дѣвицы, иноки и инокини, всѣ предводимые епископомъ и духовенствомъ, съ хоругвями и крестами, вышли изъ города со свѣтлыми очами, со многою любовью, на встрѣчу Великому князю. Всѣ тотчасъ смѣшалися съ московскими людьми, здоровались, обнимались и цѣловались, какъ единокровные и единовѣрные братья, послѣ долгой разлуки сошедшіеся. Кликъ радости не умолкалъ, и провожалъ великаго князя при вшествіи его въ городъ, прямо къ со-

бору Пречистыя Богоматери; тамъ совершенъ былъ молебенъ: протодіаконъ возгласилъ многолѣтіе природному государю; многолѣтіе повторили хоромъ епископъ со всѣмъ духовенствомъ, оба клироса, послѣ чего епископъ, благословивъ крестомъ Великаго Князя, сказалъ ему: „Божіею милостію радуйся и здравствуй, православный царь, великій князь всея Руси, самодержецъ на своей отчинѣ и дѣдинѣ, градѣ Смоленскѣ, на многая лѣта". И снова въ церкви пролилися слезы радости, и снова пошло цѣлованіе и обниманіе...

Иванъ III Васильевичъ и сынъ его Василій дѣйствовали тихо и осторожно; употребляли силу ужь тогда когда дѣло напередъ умомъ подготовили. Они, можно сказать, срывали только зрѣлый плодъ. Но не таковъ былъ сынъ Васильевъ Иванъ IV Васильевичъ Грозный: оставшись послѣ отца малолѣтнимъ, какъ только вошелъ въ возрастъ, онъ,—наставляемый умнымъ и ревностнымъ ко благу Россіи митрополитомъ Макаріемъ и духовникомъ своимъ, попомъ Сильвестромъ,—горячѣе отца и дѣда принялъ къ сердцу долгъ свой и какъ государя всея Руси, и какъ христіанскаго православнаго царя, порфиророднаго помазанника Божія, избраннаго Богомъ для совершенія таинственныхъ судебъ Его, подобно судіямъ и царямъ ветхозавѣтнаго Израиля, и великимъ византійскимъ императорамъ, которыхъ кровь, по бабкѣ его Софьѣ, текла и въ немъ. Начатое отцомъ и дѣдомъ его дѣло, онъ двинулъ впередъ со всею горячностью своей вѣры—и все при немъ совершенное было такъ мудро задумано, что не нарушилось во всѣ послѣдующія смутныя времена; чего довершить неудалось ему—довершено было Петромъ Великимъ и Екатериною II; а многое при немъ заведенное, послѣ разныхъ шатаній и переворотовъ въ теченіи времени,—возобновляется у насъ только нынѣ, конечно въ лучшемъ видѣ.

IV.

ЦАРЬ
Иванъ Васильевичъ Грозный.

ПОКОРЕНІЕ КАЗАНИ И АСТРАХАНИ.

Царь Иванъ Васильевичъ Грозный. Покореніе Казани и Астрахани.

По кончинѣ родителя своего, Иванъ IV Васильевичъ остался на престолѣ младенцемъ по четвертому году, на рукахъ бояръ и матери своей, правительницы Елены, дочери русскаго выходца изъ Литвы, Михаила Глинскаго. Восьми лѣтъ онъ лишился и матери. Во все его малолѣтство правили бояре. И Димитрій Донской въ малолѣтствѣ получилъ престолъ, и за него тоже управляли бояре. Но бояре при малолѣтствѣ Ивана Васильевича уже не походили на тѣхъ старыхъ московскихъ бояръ, воспитанныхъ въ дѣлахъ Иваномъ Калитою и сыномъ его Симеономъ Гордымъ, и святителями Алексѣемъ и преподобнымъ Сергіемъ. Когда уничтожены были удѣлы, бывшіе удѣльные князья, или ихъ дѣти и внуки, поступили на службу великаго князя, и заняли по знатности своей да и по родству съ нимъ—мѣста выше старыхъ бояръ, и понемногу оттѣснили ихъ отъ двора и отъ высшихъ должностей. Тѣ разъѣхались большею частью по деревнямъ и несли тяжелую ратную службу, и, надо сказать, эти земскіе бояре и дворяне доблестно и честно сослужили свою службу царямъ и Россіи наравнѣ со всѣмъ народомъ русскимъ. Новые же бояре, заступившіе ихъ мѣсто при дворѣ, все не могли забыть, что отцы и дѣды ихъ были прежде вольные князья неслужилые,—и думали, что если ужь нельзя имъ воротить отцовскихъ

удѣловъ, то нельзя-ли, по крайности, устроиться имъ такъ на Москвѣ, какъ устроились русскіе же князья, одного съ ними корени въ Литвѣ, или паны въ Польшѣ; эти литовскіе князья и польскіе паны владѣли огромными землями и городами, жили у себя во владѣніяхъ какъ особые царьки; король въ земли ихъ не вступался; они дѣлали, что́ хотѣли съ подвластнымъ имъ народомъ, даже смертью казнили. При малолѣтствѣ Ивана Васильевича, бояре и въ Москвѣ захватили всю власть; при дворахъ своихъ завели, какъ и въ Литвѣ, огромное число челядинцевъ, кормежниковъ и нахлѣбниковъ, которые сновали въ народѣ, расхваливали своихъ „кормильцевъ“, распускали про недруговъ ихъ дурные слухи, мутили народъ и подымали его на бунтъ, когда того требовалось этимъ кормильцамъ,—и народъ кидался на дворы ихъ недруговъ, и жегъ ихъ и грабилъ. Когда кто изъ этихъ вельможъ назначался намѣстникомъ въ какой нибудь городъ, они увозили съ собою всю свою сволочь, раздавали ей мѣста—и такъ тѣснили и обирали жителей, что цѣлыя волости пустѣли, люди разбѣгались. Въ Москвѣ же эти верховные бояре враждовали другъ съ другомъ за первенство, убивали, отравляли, замучивали другъ друга въ пыткахъ, ссылали въ ссылку, грабили домы и деревни тѣхъ, кого одолѣютъ. Обиженные — если имъ удавалось уйти — отъѣзжали въ Литву, въ Крымъ, подымали короля и хана на Россію, сами въ ихъ войскахъ ходили раззорять отечество. Одинъ изъ такихъ перебѣжчиковъ, Семенъ Бѣльскій, нѣсколько лѣтъ жившій въ Крыму, даже хвастался, что три раза подымалъ Ногайцевъ и Крымцевъ на Россію. Не останавливались они и передъ самомъ митрополита: каждой партіи хотѣлось имѣть митрополита изъ своихъ сторонниковъ; которые были имъ неугодны, тѣхъ сводили съ престола: такъ свергли они, одного за другимъ, двоихъ митрополитовъ—Даніила и Іоасафа. Въ спорѣ съ митрополитомъ Макаріемъ одинъ изъ бояръ, Головинъ, наступивъ на его мантію, изорвалъ ее, въ знакъ презрѣнія, ногами. Говорятъ, и Елену, мать царя, они опоили ядомъ, и дядей его замучили. Объ воспитаніи царя они не заботились; обходились

съ нимъ грубо; царь самъ потомъ вспоминалъ: „мы, бывало, съ братомъ Юрьемъ играемъ, а князь Иванъ Шуйскій развалится на лавкѣ и ногу положитъ на постель отца моего“... Старались потакать всякому его дѣтскому желанію, пріучали его травить кошекъ, собакъ, людей, бросать ихъ внизъ съ высокаго крыльца или изъ оконъ; когда онъ подросъ, ночью цѣлой ватагой сами они или ихъ дѣти садились на коней и скакали по Москвѣ, творя всякія безчинства... Чуть кто полюбится юному царю, другимъ дѣлалось завидно—и его, въ глазахъ царя, убивали или ссылали; на просьбы, на слезы, на испугъ ребенка не смотрѣли. „Въ такихъ то злокозненныхъ боярскихъ обычаяхъ и небреженіи“ — какъ говорилъ потомъ самъ царь—возрасталъ онъ въ дѣтствѣ, и по мѣрѣ того, какъ возрасталъ, самъ выходилъ такимъ же какъ всѣ его окружающіе, и, достигши четырнадцати лѣтъ, началъ дѣлать съ ними то, чему изъ ихъ же примѣра научился,—началъ казнить то того, то другаго, кто ему не понравится.

Но рядомъ съ этими безнравственными и свирѣпыми боярами, очевидно, подлѣ юноши-царя находился кто-то, старавшійся насадить въ душѣ его страхъ Божій и просвѣтить его разумъ наукою: царь зналъ отлично Священное Писаніе, исторію церковную, римскую и русскую, и творенія Отцовъ Церкви; мастеръ былъ писать и говорить рѣчи. Ни отъ кого изъ древнихъ нашихъ царей не осталось столько сочиненій; при пріемѣ пословъ, или когда онъ давалъ наказы своимъ посланникамъ или воеводамъ, въ горницѣ всегда сидѣлъ писарь и записывалъ его рѣчи. Былъ подлѣ него кто-то, внушавшій ему великое понятіе о долгѣ христіанскаго царя передъ Богомъ, значеніе русскаго государя для всего православія. По всей вѣроятности, этотъ невѣдомый сѣятель добра въ юной и пламенной душѣ Іоанна былъ митрополитъ Макарій. Онъ же вѣроятно внушилъ царю, когда ему исполнилось семнадцать лѣтъ, мысль вѣнчаться торжественно на царство и вступить въ бракъ. 16-го Января 1547 года совершилось вѣнчаніе, а 3-го Февраля была свадьба царя съ Анастасіей изъ рода Романо-

выхъ, стараго боярскаго рода временъ Димитрія Донскаго. Торжественность обряда вѣнчанія и напоминаніе при этомъ царственныхъ обязанностей не могли не оставить впечатлѣнія на юнаго царя; бракъ съ прекрасной и кроткой царицей Анастасіей долженъ былъ омерзить ему прежнія его утѣхи. Но тутъ случилось еще одно событіе, глубоко потрясшее его душу. Черезъ два мѣсяца послѣ свадьбы, Апрѣля 12, сдѣлался въ Москвѣ страшный пожаръ, отъ котораго между прочимъ взорвало вспыхнувшимъ порохомъ стрѣльницу и часть стѣны въ Кремлѣ; черезъ нѣсколько дней, 20-го Апрѣля, новый пожаръ въ нынѣшней Яузской части; наконецъ Іюня 24-го налетѣла на Москву страшная буря съ громомъ и молніей, отъ которой Москва загорѣлась разомъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ,—и скоро, при самомъ сильномъ вѣтрѣ, словно огненное море разлилось по всему городу. Государь съ царицею едва спасся на Воробьевы Горы. Митрополитъ Макарій чуть не задохся въ Успенскомъ соборѣ: его спустили на веревкѣ изъ тайника къ Москвѣ рѣкѣ; онъ упалъ и расшибся.

Съ Воробьевыхъ горъ, при раскатахъ грома, при блескѣ молніи, трепещущій царь смотрѣлъ на пожираемую пламенемъ свою столицу. На другой или на третій день, когда огонь утихъ, онъ ѣздилъ провѣдать болящаго митрополита, посѣтилъ пожарище, гдѣ бѣдные погорѣльцы посреди дымящихся развалинъ, съ воплями и слезами бродили, отыскивая своихъ пропавшихъ безъ вѣсти близкихъ, или свое имущество,—и не находили даже мѣста, гдѣ стояли ихъ домы. На огромномъ пепелищѣ города торчали только почернѣлыя каменныя трубы, да обгорѣвшія каменныя церкви. Около двухъ тысячъ народу сгорѣло... Нѣкоторыми боярами пущены были слухи, будто городъ подожгли бояре, князья Глинскіе; толпа кинулась отыскивать мнимыхъ виновниковъ; убили боярина Глинскаго, дядю царскаго... „Все сіе навелъ Богъ на насъ грѣховъ ради нашихъ, ибо множество согрѣшили и беззаконствовали... Богъ же праведнымъ Своимъ судомъ приводитъ насъ на покаяніе“... Вотъ что отовсюду, отъ митрополита и іереевъ и ото всего народа, устра-

шеннаго бѣдствіемъ, и ото всѣхъ сокрушившихся о потерѣ достоянія своего и своихъ родныхъ и близкихъ въ пламени,—слышалъ царь, и больше всѣхъ устрашился и сокрушился духомъ, ибо въ бѣдствіи народа видѣлъ, по Писанію, кару Господню за свои прегрѣшенія: „и вниде страхъ въ душу мою,—говорилъ онъ потомъ,—и трепетъ въ кости мои, и смирился духъ мой, и позналъ я свои согрѣшенія“. Онъ далъ обѣтъ покаяться и стать другимъ человѣкомъ; наложилъ на себя постъ и молитву; потомъ созвалъ святителей и покаялся въ грѣхахъ своихъ, причастился Св. Таинъ. Но прощенія святителей ему казалось еще мало. Онъ объявилъ по всѣмъ городамъ, чтобы съѣхались въ Москву отовсюду выборные люди. Когда они съѣхались, онъ въ воскресный день велѣлъ всѣмъ собраться на лобное мѣсто въ Москвѣ; послѣ обѣдни вышелъ изъ Кремля, сопровождаемый боярами, митрополитомъ и духовенствомъ съ крестами и хоругвями. Отслужили молебенъ, послѣ чего царь обратился къ митрополиту и во всеуслышаніе говорилъ ему: „молю тебя, святый владыко, будь мнѣ помощникомъ. Знаю, что ты дѣлъ благихъ и любви желатель. Я остался—ты знаешь, владыко,—послѣ отца своего четырехъ лѣтъ, а послѣ матери—осьми. Не стало родителей моихъ, чтобы пещись обо мнѣ, а сильные мои бояре и вельможи обо мнѣ не радѣли, а самовластвовали, саны и почести похищали именемъ моимъ, творили всякія корысти и обиды—и никто имъ не возбранялъ: я словно былъ глухъ и не слышалъ, и—ради юности моей и пустоты—не имѣлъ въ устахъ моихъ на нихъ обличенія. О, неправедные лихоимцы! неправедные судьи и хищники! какой отвѣтъ теперь дадите намъ за слезы, которые вы исторгли? Я же чистъ отъ пролитой нами крови. Ожидайте воздаянія своего!“

Потомъ поклонился царь на всѣ четыре стороны и сказалъ народу: „люди Божіи и Богомъ намъ порученные! взываю къ вашей вѣрѣ къ Богу, къ любви вашей къ намъ. Всѣхъ раззореній вашихъ, всѣхъ неправдъ бояръ моихъ въ лѣта моей юности, теперь исправить уже невозможно. Молю васъ, простите другъ другу

всѣ вражды ваши! Простимте всѣ другъ другу обиды наши! Отнынѣ, на сколько Богъ дастъ мнѣ силы, самъ я буду вамъ судія и оборона, буду неправды исправлять и отнятое возвращать". За симъ онъ указалъ на одного молодаго человѣка, по имени Алексѣя Адашева, съ которымъ сблизился послѣ пожара,—и велѣлъ ему принимать всѣ челобитныя отъ бѣдныхъ и обиженныхъ, и разсматривать вмѣстѣ съ царемъ. И всѣ выборные, и всѣ люди московскіе, и митрополитъ Макарій со всѣмъ священнымъ соборомъ, и князья и бояре, слышавшіе такія слова изъ устъ юноши-царя, сердцемъ умилилися, и на испрашиваемое царемъ прощеніе сладкія слезы радости испущали, и молили Господа, да отпуститъ Онъ всѣмъ согрѣшенія ихъ и помилуетъ. И слыша сіе юноша-царь самъ проливалъ слезы, и радовался о всеобщемъ прощеніи—и по юношеской горячности своей, въ веселіи сердца, думалъ, что отнынѣ наступаетъ во всей державѣ его вѣчный миръ и любовь, какъ подобаетъ быть въ христіанскомъ царствѣ; въ ознаменованіе сего, тутъ же простилъ всѣхъ—какіе были виновные передъ нимъ бояре, съ тѣмъ, чтобы ужь о прошломъ и помину не было. И съ великой радостью и многими слезами разошлись съ Лобнаго мѣста люди московскіе, и разъѣхались выборные по домамъ и разсказывали вездѣ чему были свидѣтелями, — и радостью и свѣтлыми надеждами исполнилася Русская земля, будучи вся за едину душу съ царемъ своемъ.

Съ сего времени, т. е. съ 1547 года, до самой кончины царицы Анастасіи, въ 1560 году, въ теченіе тринадцати лѣтъ совершились великія дѣла царствованія Ивана IV Васильевича. Про это время его лѣтописцы говорятъ: „царю нашему обычай таковъ: начало его премудрости—страхъ Господень; оставилъ онъ всѣ забавы, и только тщится порученныя ему отъ Бога царства соблюсти, и устроить, и оборонить отъ всѣхъ иновѣрныхъ басурманъ и латынянъ; ничего иного у него на умѣ нѣтъ — какъ только о избавленіи единородныхъ нашихъ братій, православныхъ христіанъ, просто сказать, только законъ Христовъ и ратныя дѣла. Любовь

же его, ко всѣмъ сущимъ подъ рукою его, къ вельможамъ, и къ среднимъ, и къ младшимъ, — ко всѣмъ ровная: по достоянію всѣхъ любитъ, всѣхъ жалуетъ, ни единаго забвеннымъ видѣть отъ жалованія своего не хочетъ... дабы во страшное второе пришествіе Христово, когда послышитъ гласъ: „ты еси царь правды?“, могъ бы безъ стыда отвѣчать: „азъ есмь—и вотъ люди; которыхъ ты мнѣ далъ, Господи!“

У царя Ивана Васильевича былъ еще родной братъ, Юрій, и двоюродный—Владиміръ Андреевичъ. Обоихъ онъ вскорѣ послѣ пожара женилъ; перваго помѣстилъ жить въ одномъ дворцѣ съ собою, и три юныя четы были почти неразлучны. При нихъ постоянно находился еще Алексѣй Адашевъ, тотъ юный другъ царевъ, котораго государь возвысилъ изъ незнатныхъ людей за добрый нравъ, и приблизилъ къ себѣ, поручивъ ему принимать и разсматривать съ царемъ всѣ подаваемыя на его имя просьбы; домашнимъ наставникомъ при всей этой царственной молодежи былъ Благовѣщенскаго собора протопопъ Сильвестръ, мужъ строгій нравомъ и мудрый въ совѣтахъ, а главнымъ руководителемъ царя, какъ видно по всѣмъ дѣламъ, тогда имъ совершеннымъ, былъ митрополитъ Макарій.

И вотъ какъ разсуждали тогда въ царской думѣ, что́ надобно было дѣлать, чтобы московскому государству достигнуть той высоты, на которую ставили его и гласъ всего угнетеннаго восточнаго православія и собственное его положеніе между двумя враждебными ему силами—дикой Азіей и римскимъ папой, повелѣвавшимъ всѣми почти европейскими королями и уже употреблявшимъ тогда всѣ усилія—чтобы отторгнуть отъ отеческой вѣры и подчинить себѣ всю Литовскую Русь. Нужно было прежде всего внутри государства завести порядокъ управленія и судъ; по прежнему положенію въ города посылали намѣстниковъ изъ Москвы: оказывалось, что эти намѣстники только грабятъ жителей—и потому ихъ рѣшено отмѣнить, а пусть города и волости сами выбираютъ изъ земства присяжныхъ излюбленныхъ людей, которые бы судили по правдѣ, и

крестъ бы на томъ цѣловали; и подати и оброки бы сбирали и въ Москву отвозили, и отъ разбоевъ бы оберегали, и воровъ бы ловили; гдѣ же будутъ какіе царскіе чиновники, то чтобы и при нихъ находились выборные отъ земства довѣренные люди и смотрѣли бы, чтобы они все дѣлали по правдѣ и по закону. А чтобы люди знали—какъ въ какомъ случаѣ поступить, для того надобно написать законы; почему и былъ собранъ земскій соборъ изъ выборныхъ людей со всего государства въ 1549 году, и на немъ изданъ *Судебникъ*, т. е. законы гражданскіе; потомъ для исправленія дѣлъ церковныхъ, созванъ былъ другой соборъ святителей, въ 1551 году, и какіе на немъ установлены законы, тѣ написали въ другой книгѣ, которая называется *Стоглавъ*, по числу ста статей, въ ней заключающихся. Кромѣ того разсуждали въ Москвѣ, что много у насъ всякаго богатства—и хлѣба, и льну, и пеньки, и лѣсу, и звѣря, и рыбы, и въ землѣ всякихъ рудъ; но все это сырье мы обработывать не умѣемъ; нѣтъ у насъ ни ремеслъ, ни искусствъ; всякое цѣнное издѣліе надо получать изъ-за границы. А потому, надобно изъ Европы выписать знающихъ людей, чтобы у насъ у самихъ завести всякое дѣло. Выискался въ Москвѣ нѣмецъ Іоаннъ Шлитте, которому дали денегъ и письмо къ нѣмецкому императору Карлу Пятому, чтобы онъ дозволилъ ему, Шлитте, нанять всякихъ людей изъ нѣмцевъ, заводить у насъ всякія мастерства. Шлитте въ 1547 же году отправился въ нѣмецкую землю, но чѣмъ кончилось его посольство, я разскажу послѣ.

Главное же, чѣмъ юный царь хотѣлъ заслужить вины юности своей и исполнить долгъ христіанскаго государя,—была брань съ врагами имени Христова—Татарами, которые не давали намъ покою и по паденіи Золотой Орды.

Золотая Орда, по смерти Ахмата, какъ разрубленный на части змѣй, у котораго ожила каждая часть, распалась на нѣсколько царствъ: Казанское, Астраханское, Крымское, Ногайскія Орды и Царство Сибирское. Всѣ эти орды главное промышляли грабежемъ. Особенно насъ безпокоили Крымъ и Казань. Ханъ крым-

скій получалъ подарки отъ Московскаго и отъ Литовскаго государства, чтобъ только не приходилъ съ ордой своей грабить, и жечь, и уводить плѣнниковъ. Да и съ подарками на него нечего было надѣяться; дары онъ отъ насъ бралъ, а все стращалъ: „не укроетесь отъ меня за своими стѣнами — крѣпостями, дремучими лѣсами“. И въ самомъ дѣлѣ безпрестанно нападалъ, жегъ даже нѣсколько разъ Москву. За подарками присылали пословъ и ногайскіе князья. И всѣ эти послы, и крымскіе, и ногайскіе, были чудные: ѣдетъ посланникъ въ Москву, и гонитъ табунъ лошадей а какъ пріѣдетъ—то ходитъ къ боярамъ и царю о посольскихъ дѣлахъ говорить, то сидитъ на конной площади, самъ лошадей продаетъ. Солонъ былъ намъ этотъ ханъ, но все таки отъ него отдѣляла насъ степь, и Московскіе государи устроили по всему рубежу крѣпости, заставы и разъѣзды, и содержали тамъ войско. А прямо пойдти и истребить его было тогда еще нельзя, и походъ степью труденъ, пока до Перекопа доберешься, да и самъ крымскій ханъ былъ подручникъ турецкому султану, и султанъ за него бы вступился; а султанъ ужь и такъ разнюхивалъ пути въ Россію, пытался завладѣть Астраханью, чтобъ оттуда Волгой добраться и до Москвы. Казань же была къ намъ ближе и была еще несноснѣе. Грабители казанскіе господствовали на Волгѣ, разбойничали даже подъ Костромой, разбивали обозы и караваны нашихъ купцовъ, портили всю нашу торговлю съ Азіей,—не говоря ужь о томъ, что въ Казани, какъ и въ Крыму, сотни тысячъ русскихъ невольниковъ, воровски взятыхъ, томились въ рабствѣ. Царь Иванъ Васильевичъ рѣшился прежде всего покончить съ Казанью. Два похода были неудачны. Одинъ походъ былъ на другой же годъ (1548) послѣ пожара. Пошли зимой изъ Нижняго по льду, по Волгѣ. Но полились дожди, настала оттепель. Много пушекъ провалилось въ продушинахъ съ людьми и лошадьми. Царь долженъ былъ оставить предпріятіе и возвратился въ Москву, съ великими слезами, что не сподобилъ Богъ ему поратовать противъ враговъ христіанства. Черезъ два послѣ того года (въ 1550) пошли во

второй походъ, тоже зимой; расположились къ осадѣ Казани. Опять пошли дожди; порохъ подмокъ, стрѣлять нельзя было; разлились ручьи; надо было снимать осаду. Но походъ этотъ обошелся не безъ пользы. На устьѣ Свіяги поставили городъ Свіяжскъ, много безпокоившій Казанцевъ и очень много послужившій въ третьемъ нашемъ походѣ.

Наконецъ, еще черезъ два года, въ 1552 году рѣшили идти подъ Казань лѣтомъ. Собрано было 150,000 войска. Царь выступилъ самъ изъ Коломны Іюля 3-го, 1552 года. Войска шли тремя путями. Волгой сплавляли запасы, пушки, порохъ, всякіе снаряды и тяжести. Часть войска съ царемъ пошла на Владиміръ, а другая—черезъ Рязань, къ Сурѣ. Походъ былъ веселый. Пищи было обиліе. Въ чистыхъ поляхъ лоси словно сами выходили стадами на убой. Гуси и бѣлыя лебеди стадами плавали въ тихихъ заводяхъ; рѣки кишѣли рыбою. Шли словно не въ походъ, а на охоту, и на привалахъ и ночлегахъ жарили добычу какъ для пира. Жители—Русскіе, Мордва, Мещера, Черемиса подвозили хлѣба и съ любопытствомъ разглядывали войска, бояръ, юнаго царя. Казанцы тоже готовились принять гостей, и писали государю: „ждемъ васъ на пиръ: не въ первый разъ бѣжать вамъ со срамомъ отъ нашего юрта“. 30,000 заперлись въ своемъ крѣпкомъ городѣ съ высокими каменными мечетями, башнями и съ толстыми, дубовыми и земляными стѣнами; остальное же войско и всю свою конницу поставили за лѣсомъ, подъ начальствомъ своего хитраго князя Епанчи, и условились съ нимъ, какъ скоро они выставятъ на башнѣ знамя и станутъ махать имъ, то это значитъ, что Русскіе идутъ на приступъ — и чтобъ Епанча ударилъ на нихъ съ тыла. Распорядясь такъ, они смѣло поджидали нашихъ— и вотъ 23-го августа увидѣли при восходѣ солнца, что русскіе полки, съ музыкой и распущенными знаменами, между которыми выше и шире всѣхъ развивалась царская хоругвь съ изображеніемъ Іисуса Христа, подходятъ къ городу и растягиваются, чтобы обложить его съ разныхъ сторонъ. Какъ только увидали себя лицомъ къ

лицу обѣ силы,—и русская, и татарская,— въ тотъ же день перевѣдались между собою въ кровавой схваткѣ, и съ перваго раза поняли, что дѣло пойдетъ на упоръ съ обѣихъ сторонъ. Царь съ воеводами и со своимъ розмысломъ, — то есть нѣмцемъ-инженеромъ, умѣвшимъ вести подкопы въ землѣ, чтобы порохомъ взрывать башни и стѣны,—всѣ первые два дня не сходилъ съ коня, высматривая мѣста, гдѣ ставить пушки, откуда приступать къ городу, и куда вести подкопы. На четвертый день, 27 августа, наши открыли огонь изъ 150 пушекъ. Казанцы отвѣчали тѣмъ же, и начался почти непрерывный, остервенѣлый бой. Больше всѣхъ донималъ нашихъ хитрый князь Епанча. Наши осаждали Казань, а онъ словно насъ держалъ въ осадѣ. Наши не пускали въ Казань хлѣба, а онъ отбивалъ хлѣбъ, который везли къ намъ, и являлся всегда тамъ, гдѣ его меньше всего ожидали. Чтобъ его истребить— пришлось отрядить противъ него половину войска. Царь думалъ сначала, что жаждой принудитъ Казанцевъ сдаться, потому что Казань стоитъ на горѣ—и отъ воды не близко; онъ и перерѣзалъ всѣ ихъ пути къ Казанкѣ и къ рѣкѣ Булаку, но видитъ, что они все держатся. Узнали, что у нихъ около городской стѣны, въ одномъ мѣстѣ есть родникъ, куда они ходятъ подземнымъ путемъ и берутъ воду. Царь приказалъ подъ этотъ ходъ подвести подкопъ. Десять дней рылись въ землѣ, и вдругъ рабочіе услыхали надъ собой голоса и шаги. Накатили въ этомъ мѣстѣ одиннадцать бочекъ пороху и зажгли фитиль: послѣдовалъ взрывъ — и часть стѣны и тайникъ полетѣли на воздухъ. Но Казанцы не уныли духомъ, принялись въ самомъ городѣ рыть колодезь; дорылись таки до воды; вода оказалась мутная и вонючая, но они пили ее черезъ силу, пухли и болѣли, но не сдавались. Русскіе били въ стѣны изъ пушекъ и таранами, кидали огромные камни, выстроили великіе туры или подвижныя башни, придвинули ихъ къ стѣнамъ, и съ нихъ стрѣляли въ городъ на улицы, изъ пищалей и луковъ. Но ничто не помогало. Чуть не каждый день высыпали Казанцы густыми толпами то изъ тѣхъ, то изъ этихъ воротъ, и завязывалась

жестокая сѣча, такъ что войско наше потомилось таки довольно. Къ тому же пошли дожди; всѣ мѣста, гдѣ оно стояло, обратились въ болота, и одинъ разъ налетѣла такая буря, что много судовъ нашихъ потопила на Волгѣ, сорвала палатки воиновъ и даже царскій шатеръ. Стали говорить, что это неспроста, что это дѣйствіе нечистой силы, что у Казанцевъ есть кудесники: что при восходѣ солнца разные старики и бабы выходятъ на стѣны, кривляются и вопятъ страшнымъ голосомъ, и одеждами своими машутъ на русскій лагерь, этимъ наклпкаютъ вѣтеръ и облака и изъ нихъ дождь льется рѣкою... Царь повелѣлъ послать на перекладныхъ въ Москву привезти крестъ съ частицами отъ древа креста Господня, и съ нимъ вокругъ всего нашего лагеря сдѣлать крестный ходъ съ иконами и кропить св. водою. Наступили красные дни. Войско ободрилось, видя что Богъ, не токмо въ ничто обратилъ чары сатанинскія, но и многимъ благочестивымъ мужамъ въ сонномъ видѣніи возвѣщалъ скорое паденіе царства басурманскаго. Самъ царь во снѣ слышалъ—яко бы изъ Казани—звонъ знакомаго ему большаго колокола Симонова монастыря.

Время между тѣмъ уже подходило къ октябрю. Дѣло замѣшкалось оттого, что все ждали, когда будутъ готовы подкопы. Наконецъ къ 1-му числу октября розмыслъ или инженеръ государевъ, объявилъ, что готовы два подкопа подъ главныя башни казанскія. Царь тотчасъ объявилъ по войску, чтобы всѣ причастились и исповѣдались, ибо приближается день, въ онь же пити всѣмъ общую чашу; приказалъ, чтобы въ ночь на 2-е число все было готово, и какъ черезъ два часа по восходѣ солнца взорвутъ подкопы, то чтобы со всѣхъ сторонъ кидались на приступъ. Самъ Царь въ эту ночь въ своей походной церкви велѣлъ служить раньше заутреню. Вдругъ, главный воевода, князь Михайло Ивановичъ Воротынскій, присылаетъ ему сказать, что 45 бочекъ пороху ужь въ подкопѣ, что Казанцы свѣдали о нашемъ дѣлѣ, и что нельзя терять ни минуты. Царь велѣлъ выстроиться полкамъ какъ можно тише, а самъ остался дослушать заутреню. Діаконъ читалъ Евангеліе и

едва произнесъ: „да будетъ едино стадо и единъ пастырь“ — вдругъ грянулъ громъ, земля затряслась. Царь бросился къ выходу изъ шатра, и видитъ: заря сіяетъ на небѣ, небо чисто и ясно; полки русскіе, словно притаясь, стоятъ передъ стѣнами казанскими и въ тишинѣ дожидаются знака,—а надъ Казанью стоитъ темный высокій столбъ дыму, вверху освѣщаемый розовыми лучами восходящаго солнца,—и глыбы земли, обломки башенъ и стѣнъ, люди, бревна, поднятые силою взрыва, падаютъ изъ этого дымнаго столба со страшной высоты, на городъ... Служба прервалась было, но царь велѣлъ доканчивать и вернулся на свое мѣсто. Діаконъ сталъ читать на эктеніи молитву о царѣ — и какъ только произнесъ: „и покорити подъ нозѣ его всякаго врага и супостата“,—раздался новый ударъ, взорвало другой подкопъ, еще грознѣе перваго. Вслѣдъ затѣмъ раздался крикъ всего русскаго войска: „съ нами Богъ“; Царь вышелъ еще изъ шатра, и видѣлъ какъ полки кинулись къ проломамъ, — къ стѣнамъ; они ставятъ лѣстницы, а на стѣнахъ вдругъ высыпали головы татарскія, и видно было, что тамъ все задвигалось: наши лѣзутъ на стѣны, а Татары льютъ на нихъ изъ тагановъ горящую смолу и скатываютъ бревны; въ проломахъ, на грудахъ земли и камней, въ страшной давкѣ — и конные и пѣшіе уже втискиваются въ городъ... Царь вернулся опять въ церковь, жарко молилъ о побѣдѣ; прибѣжалъ къ нему посланецъ отъ князя Воротынскаго, со словами: „государь, пора тебѣ ѣхать, полки ждутъ тебя“. Царь отвѣчалъ: „какъ отслушаемъ всю службу, то и совершенную милость отъ Христа получимъ“. Воротынскій прислалъ вторично. Служба кончилась. Царь причастился Св. Таинъ, одѣлъ доспѣхи, сѣлъ на коня и поскакалъ со своимъ полкомъ: русскія знамена ужь развѣвались на стѣнахъ Казани.

Свирѣпый бой шелъ въ самомъ городѣ. Толпы татаръ, тѣснимыя уже извнутри города, по трупамъ взлѣзли въ одномъ мѣстѣ на стѣну, замахали и завопили Русскимъ: „погодите стрѣлять! пока стояло наше царство и городъ нашъ, мы бились за него и за

царя нашего. Теперь выдаемъ вамъ царя своего жива и здрава; ведите его къ вашему царю, а мы выйдемъ въ широкое поле испить съ вами послѣднюю чашу". И выдали своего царя, и вдругъ стали прыгать со стѣнъ, хотѣли пробиться къ лѣсу, и всѣ пали, но много положивъ и нашихъ.

Царь въѣхалъ въ городъ, по кровавой улицѣ, съ которой для того поприбрали трупы, и тутъ въ городѣ его поразило неожиданное зрѣлище: его встрѣтила толпа русскихъ, только что освобожденныхъ плѣнниковъ, изъ которыхъ нѣкоторые многіе годы томились въ неволѣ казанской. Увидѣвъ государя, блѣдные, худые, едва прикрытые, они кинулись на колѣни, и кричали: „отецъ ты нашъ! избавитель ты нашъ! изъ ада ты насъ вывелъ! для насъ, сиротъ своихъ, головы своей не пощадилъ!" Царь велѣлъ ихъ отвести въ свой станъ и кормить со своего стола. На другой день городъ былъ очищенъ отъ труповъ; царь, духовенство, войско торжественно вступили въ Казань: духовенство, впереди шло съ церковными хоругвями и крестами; обошли стѣны, кропили святою водой—и выбравъ мѣсто для постройки соборнаго храма, водрузили на немъ крестъ. Храмъ порѣшено строить во имя Благовѣщенія: да послужитъ сіе первое наше завоеваніе благою вѣстію послѣдующихъ... Воротясь же въ Москву, государь, въ память взятія Казанскаго, построилъ въ Москвѣ Покровскій соборъ, что̀ нынче называется *Василіемъ Блаженнымъ:* на этомъ мѣстѣ прежде было кладбище, на которомъ похороненъ былъ и этотъ блаженный.

Такъ совершилось покореніе Русскими одного изъ царствъ Магомета... Но не однимъ оружіемъ побѣдила Россія Казанцевъ и въ теченіи времени сдѣлала изъ нихъ себѣ дружественный, мирный, трудолюбивый народъ: водрузивъ въ Казани знамя Христово и учредивъ тамъ новую, казанскую эпархію, и отправляя управлять ею св. Гурія, Царь предписалъ ему такъ поступить съ мусульманами: „которые татары захотятъ креститься волею, а не отъ неволи,—тѣхъ велѣть крестить и лучшихъ держать при себѣ,

поучать закону христіанскому и покоить; и всѣхъ приходящихъ съ челобитьемъ приводить къ христіанскому закону, причемъ разговаривать съ ними кротко, тихо, съ умиленіемъ, а не жестоко и не со страхомъ"... Этотъ наказъ былъ выполненъ св. Гуріемъ и его преемниками, какъ нельзя лучше: очень скоро нѣсколько тысячъ магометанъ и язычниковъ обратились въ христіанство. Царь Казанскій потомъ съ семействомъ своимъ просилъ креститься въ Москвѣ, присягнулъ Россіи и получилъ отъ Государя помѣстья.

По паденіи Казанскаго царства не могло долго держаться и Астраханское. Царь спустилъ по Волгѣ двухъ воеводъ съ войскомъ, и они безъ большихъ хлопотъ заняли Астрахань. Вся Волга была уже въ нашихъ рукахъ, и въ Москву явились посланники отъ персидскаго шаха, отъ бухарскаго и хивинскаго хановъ и другихъ закаспійскихъ народовъ, чтобъ уговориться на счетъ торговли съ Москвой. Доставивъ теперь торговымъ людямъ прямой доступъ къ Азіи и берега Каспійскіе, Иванъ Васильевичъ хотѣлъ открыть такой же доступъ и къ Балтійскому морю и овладѣть всѣмъ теченіемъ Западной Двины. Съ этой цѣлью начата была имъ война ливонская; Царь взялъ всю Ливонію, рыцари объявили свой орденъ кончившимся и поддались Польшѣ. На бѣду нашу, въ Польшѣ въ это время случился храбрый и умный король Стефанъ Баторій— и война, тянувшаяся двадцать лѣтъ, кончилась неудачно: потерею всѣхъ нашихъ завоеваній въ Ливоніи. Но объ этомъ я разскажу послѣ, а теперь докончу только о третьемъ татарскомъ царствѣ, доставшемся Ивану Васильевичу ужь подъ конецъ его жизни—о царствѣ Сибирскомъ.

V.

ЗАВОЕВАНІЕ СИБИРИ.

Завоеваніе Сибири.

Когда вся Волга досталась въ наши руки, государи московскіе должны были заботиться, чтобы по ней плаваніе для торговыхъ каравановъ было безопасное. По Волгѣ и по Дону и при татарахъ еще жило довольно много русскихъ людей, выходившихъ селиться въ степь по этимъ рѣкамъ и далѣе даже въ Кавказскія горы, на рѣку Терекъ. Хотя эти люди не перерывали своихъ связей съ далекой родиной, крѣпко держались вѣры отеческой и русскихъ обычаевъ, и называли себя людьми государевыми, вольными казаками,—однако государи московскіе, за дальностью, управлять ими и промышлять объ нихъ не могли. На жалобы разныхъ татарскихъ хановъ, что казаки ихъ грабятъ, изъ Москвы частенько отвѣчали, „что степь велика—и государямъ за казаками смотрѣть не можно“. Сами же казаки, своей постоянною войною съ татарами не мало намъ приносили пользы постоянно тревожа Казань и Астрахань. Когда же эти царства были взяты, на Волгѣ, по старой памяти, продолжали собираться въ шайки разные гулящіе люди—и изъ Россіи, и изъ казаковъ, и нападать безъ разбору на всѣ суда, идущія по Волгѣ. Напрасно государь приказывалъ изъ Москвы, чтобъ они надъ государевой казной и торговыми людьми никакого воровства не чинили. Вольница не унималась; атаманы ея разгуливали по Волгѣ и по Каспійскому морю,

словно сами какіе цари морскіе, и царскаго приказа не слушались. Число ватагъ все расло и расло. Нѣкоторые атаманы сдѣлались грозою для судоходовъ. Между прочими особенно страшно для нихъ сдѣлалось имя атамана Ермака Тимофѣича.

Такъ-то некрасиво встрѣчается намъ въ первый разъ имя Ермака, знаменитаго покорителя Сибири. Кто-же былъ этотъ Ермакъ? и откуда онъ взялся? и какъ это случилось, что имя прежняго разбойника—теперь съ благодарностью и уваженіемъ поминается всѣми на святой Руси?

Есть извѣстіе, что дѣдъ Ермака, по имени Аѳанасій Григорьевичъ Аленинъ, былъ посадскій человѣкъ города Суздаля; жилъ тамъ въ великой скудости, переѣхалъ потомъ во Владиміръ съ двумя сыновьями, Родіономъ и Тимофѣемъ, и промышлялъ извозомъ; нанимался иногда возить и разбойниковъ въ Муромскихъ лѣсахъ, да вмѣстѣ съ ними и попалъ въ тюрьму; изъ тюрьмы потомъ бѣжалъ въ Юрьевъ Повольскій, гдѣ и умеръ, а дѣти его переѣхали жить на рѣку Чусовую, въ нынѣшнюю Пермскую губернію, въ вотчины именитыхъ людей Строгановыхъ.

Строгановы были важные и умные люди. Они выпросили себѣ у государя пустопорожнія земли между рѣками Камой и Чусовой, около Уральскихъ горъ, для того что тамъ удобно варить соль— и всякой руды много. Царь далъ имъ земли съ тѣмъ, чтобъ ужь они сами тамъ всѣмъ распоряжались: и народъ селили-бы, и городки-бы строили, и ружья и пушки имѣли-бы, и ратныхъ людей, и сами-бы оборонялись отъ сосѣднихъ дикихъ народцевъ.

И Строгановы начали устраивать этотъ край — и вели дѣло умно, и за всякой своей нуждой сами переписывались съ царемъ. Вотъ у нихъ-то и поселились сказанные выходцы, Родіонъ съ Тимофѣемъ, и родились у нихъ дѣти; между прочими у Тимофѣя былъ сынъ Василій.

Этотъ Василій былъ удалой малый; красавецъ собой; роста средняго; волосы имѣлъ темные, бороду—черную; былъ силенъ и рѣчистъ. Онъ ходилъ на стругахъ по Волгѣ и Камѣ, и когда былъ еще кашеваромъ въ своей артели, товарищи придали ему прозвище Ермакъ, что́ означаетъ таганъ артельный. Но не ужился Ермакъ у Строгановыхъ: тѣсно ему было жить въ работникахъ, захотѣлось поискать своей долюшки. Манила его жизнь удалая, Волга-матушка-широкое раздольице. Тамъ погуливаютъ люди вольные, казаки государевы, ходятъ—высоко держатъ голову, славой своей и казной похваляются, съ басурманами сражаются за вѣру христіанскую. Пошелъ къ нимъ Ермакъ, да скоро и въ атаманы попалъ. Что тутъ было имъ по Волгѣ подѣлано, сколько годовъ тутъ было погулено, много-ли на душу грѣха было принято,—доподлинно неизвѣстно. Видно только, что или не совсѣмъ воромъ и разбойникомъ считалъ себя Ермакъ, или можетъ-быть хотѣлъ заслужить милость царскую,—только, когда разъ взбунтовались черемиса и казанскіе татары, и царь посылалъ на нихъ воеводъ своихъ—Ермакъ со своею шайкою ходилъ воеводамъ помочь, царю послужить. Угомонили бунтовщиковъ—отплылъ онъ опять разгуливать по Волгѣ матушкѣ, по морю Хвалынскому. Громче прежняго купцы хивинскіе, бухарскіе, персидскіе и наши стали жаловаться, что на Волгѣ отъ воровства и шалостей способа нѣтъ. Строже прежняго стали грозить изъ Москвы. Наконецъ стряслась бѣда важная. Ѣхалъ въ Москву персидскій посланникъ. Ермаковы люди во хмѣлю и задрали людей посланниковыхъ. Вышла драка, руки расходились, самъ посланникъ былъ убитъ. Тутъ грозный царь опалился, послалъ воеводъ наказать царскихъ ослушниковъ, очистить Волгу отъ разбоевъ. Пришлось волжскимъ удальцамъ противъ царя воевать. Воеводы разбили ихъ огромное скопище. Которыхъ разбойниковъ изловили, которыхъ загнали въ степь, въ море. Ермакъ же, чуть заслышалъ о приходѣ воеводъ, скрылся невѣдомо куда. Объявлено было, что гдѣ только окажутся главные атаманы, тѣхъ брать, вязать и вѣшать безъ всякаго разговора. Въ ихъ числѣ изъ са-

мыхъ главныхъ поименованы—и Ермакъ Тимофѣичъ, и товарищъ его Иванъ Кольцо.

Плохо пришлось Ермаку Тимофѣевичу. Пробрался онъ въ мѣста прикамскія съ разбитой своей шайкою, съ худой своей славушкой. Напала на него лютая тоска. Вотъ она куда завела воля вольная, удаль молодецкая: вышелъ на Волгу добрымъ молодцомъ, вернулся царскимъ ослушникомъ! Никуда показаться нельзя: по Волгѣ ходить—все ворами слыть, въ Казань, въ Астрахань пойти — быть повѣшену! Ужь нашелъ же ты, Ермакъ, свою долюшку, шатался-мотался по чисту полю, да по синю морю, и выслужилъ награду царскую: всего два столбика съ перекладинкой—на ней петелька шелковая. Все то теперь Ермаку опротивѣло. Хотя бы все бросить, да въ монастырь пойти. Надо сказать, что Ермакъ не походилъ на другихъ атамановъ: церковь почиталъ и въ шайкѣ своей держалъ порядокъ, и злодѣйства не допускалъ, и за всякое дѣло нехристіанское виновныхъ въ мѣшокъ съ каменьями зашивалъ, да въ воду опускалъ. Повѣдалъ, видно, свою кручину Ермакъ Тимофѣевичъ своимъ родичамъ: тѣ поговорили Строгоновымъ, а Строгановы были умные старики; руки имъ были надобны. Согласились они Ермаку въ бѣдѣ помочь. И послали къ нему ласковую грамоту съ такими рѣчами: „чѣмъ мотаться тебѣ по бѣлу свѣту, ты бы, Ермакъ Тимофѣевичъ, послужилъ честнымъ людямъ, а у насъ про тебя дѣло нашлось бы. Пожаловалъ намъ государь земли за Угорскимъ камнемъ, по рѣкамъ по Тагилю и по Тоболу, а мы бы тамъ острожки поставили, чтобы на государевы земли сибирскимъ народцамъ, остякамъ и вогуламъ, а тѣмъ паче сибирскому царю, татарину Кучуму, путь перехватили; которые народцы царю покорность изъявятъ, съ тѣхъ бы мы дани принимали и къ царю бы отсылали; а какіе купцы пойдутъ, тѣхъ бы мы оберегали. И ты бы, Ермакъ Тимофѣевичъ, намъ это дѣло справлялъ; ты бы набралъ вольныхъ людей, охотниковъ, а мы бы тебѣ все нужное дали; послужилъ бы ты царю вѣрой правдою, и заслужилъ бы прежніе грѣхи свои“.

Какъ получилъ эту грамоту Ермакъ Тимофѣевичъ, созвалъ онъ казацкій кругъ и вышелъ къ нему со свѣтлымъ лицомъ, и велѣлъ передъ всѣми читать грамоту. „Кто хочетъ, братцы, со мной иди; кто не хочетъ — тому воля вольная. А ужь я вамъ не товарищъ. Кто же со мной пойдетъ, тотъ на словѣ крѣпко стой, чтобъ ужь воровства и пакости за нами не водилось". И всѣ его любимые товарищи, храбрые эсаулы—Иванъ Кольцо, да Иванъ Гроза, Яковъ Михайловъ, Никита Панъ, Матвѣй Мещерякъ—всѣ возрадовались: „намъ безъ тебя, Ермакъ Тимофѣевичъ, все равно пропадать. Куда ты, туда и мы. За тебя головы свои положить согласны". И набралось съ ними еще пятьсотъ сорокъ человѣкъ. И пошли они въ Чусовые городки, и приняли ихъ именитые люди Строгановы съ великою честью. И стали снаряжать за Югорскій камень; дали отъ себя еще триста человѣкъ ратныхъ людей, и Литвы, и Нѣмцевъ, и Татаръ, и Русскихъ; снабдили ихъ одежей, и запасами, и воинскими доспѣхами, и ружьями и маленькими пушечками; свинцу и пороху дали вдоволь, да шесть поповъ, да вожаковъ и переводчиковъ, и проводили ихъ съ молебномъ на судахъ въ дальній путь, въ неизвѣстную землю Сибирскую.

Шелъ Ермакъ по рѣкѣ по Чусовой, потомъ по Серебряной, перетащился волокомъ въ Жаравлю рѣку; тамъ построилъ легкія лодочки-коломенки, поплылъ Жаравлей рѣкой въ Тагиль рѣку; изъ Тагиля вошелъ въ Туру рѣку... Сторона была пустынная, тишина глубокая, ясное время стояло, сентябрь мѣсяцъ. Шли казаки скоро и весело. По рѣкамъ птицы, по берегамъ звѣря—великое множество. Какъ выстрѣлятъ изъ ружья—все всполошится, выстрѣлъ-то по пустыннымъ мѣстамъ далеко перекатывается, чуть ли не на всю Сибирь. Лодочки идутъ, казаки пѣсни поютъ: эхъ, сторона-то богатая!.. Только рѣдко-рѣдко гдѣ пашеньки попадутся; рѣдко-рѣдко гдѣ выглянутъ люди дикіе и прочь побѣгутъ. Только вотъ глядятъ казаки — словно войско стоитъ. Войско зашевелилося: аль встрѣчать идетъ непрошеныхъ гостей? Вышли казаки на берегъ, да какъ грянули изъ ружей—все войеко попадало. Засмѣялись ка-

заки, пошли ходить между лежащими, стали искать ихъ набольшаго. Чуть начнутъ сибирцы подымать головы, опять кто нибудь выстрѣлитъ—и тѣ опять носомъ уткнутся въ землю. Нашли наконецъ набольшаго; оказалось, что войско велъ сибирскаго царя Кучума мурза Таузакъ. Ермакъ обошелся съ ними ласково, угощалъ и выспрашивалъ про царя Кучума и про мурзъ его и улановъ, и гдѣ его столица, и сколько у него силы, и далеко ли и какъ идти туда, — отпустилъ его домой. Мурза прибѣжалъ къ Кучуму и на всѣхъ нагналъ страхъ своими разсказами: „такіе, молъ, идутъ люди, роду русскаго, какихъ и не видано; сами сильные, а когда стрѣльнутъ изъ луковъ своихъ, то изъ конца дымъ и огнь исходитъ и громко голкнетъ, аки громъ на небеси; стрѣлъ исходящихъ не видать, а уязвляютъ ранами и смертью побиваютъ, и защититься отъ нихъ никакими ратными збруями не можно; ни куяки, ни панцыри, ни кольчуги наши не держатъ, все пробиваетъ на вылетъ". Это ихъ такъ ружейная пальба перепугала. Ружья-то они еще не видывали, — и у насъ оно недавно завелось, при томъ же царѣ Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ. Пушки-то были и до него.

Царь Кучумъ переполошился, а съ нимъ и мурзы, и муллы его и князьки, и шаманы сибирскіе. Собрались на совѣтъ. Шаманы говорили, что съ этими людьми приходитъ гибель Кучумову царству; что въ воздухѣ, надъ самой Кучумовой столицей, всѣ видѣли городъ, а въ этомъ городѣ — каменныя башни, на башняхъ висятъ колокола, а на верху кресты; что, извѣстно, такіе города— русскіе, и показываются они теперь на небѣ, и, того гляди, сойдутъ на сибирскую землю, и вся сибирская страна наполнится русскими людьми и русскими городами. Кучумъ, будучи мусульманиномъ, хоть и презиралъ шамановъ, но побаивался ихъ; говорилъ, что они врутъ, а самъ разспрашивалъ объ огненной пальбѣ. Нашлись, которые видали ружье въ Перми и у Строгановыхъ, и говорили, что отъ грома его вреда не дѣлается никакого, а прошибаетъ только пулька,—что, все равно, и стрѣла вѣдь ранитъ смертельно. Понялъ-ли, не понялъ-ли Кучумъ, только тотчасъ повѣстилъ, чтобы

самоскорѣйше подымались и шли къ нему всѣ подвластные ему мурзы и уланы, и татары, и остяки, и другіе сибирцы. Самъ онъ заперся въ главномъ своемъ юртѣ, въ городкѣ, называемомъ Сибирь или Искеръ; а сыну своему или племяннику, доподлинно неизвѣстно, по имени Мегметъ-Кулу назначилъ идти съ большою ратью на Ермака, и чтобъ онъ старался уничтожить Русскихъ; „если-жь паче чаянія, не возьмешь силой, то тревожь и истребляй ихъ всѣми мѣрами, а главное старайся заманить ихъ на Иртышъ: тамъ же мы устроимъ засаду и всѣхъ перебьемъ ихъ навѣрное“. Этотъ Мегметъ-Кулъ считался самымъ славнымъ сибирскихъ странъ богатыремъ: великанъ ростомъ, силы непомѣрной, онъ въ своихъ золотыхъ одеждахъ, отороченныхъ соболями, въ чешуйчатыхъ латахъ на груди и въ золотомъ шлемѣ съ орлиными крыльями, далеко видѣнъ былъ и между своею татарскою конницей, а тѣмъ паче надъ малорослыми сибирцами, съ головы до ногъ одѣтыми въ звѣриныя шкуры.

Мегметъ-Кулъ сталъ на Тоболѣ рѣкѣ, между Тавдою и Иртышемъ, и дожидалъ нашихъ, стараясь главное объяснить своему войску про ружейную стрѣльбу, чтобы ея не боялись; молилъ стоять крѣпко, потому что по сибирскимъ правамъ, кто побѣдитъ, того и земля будетъ и люди. Провѣдавъ, что казаки недалеко отъ него высадились, послалъ онъ на нихъ впередъ свою конницу, а вслѣдъ за ней и пѣшее войско съ копьями и стрѣлами. Казаки встрѣтили ихъ выстрѣлами изъ пушечекъ и ружей. Тѣ было дрогнули, но скоро опомнились, особенно татары; да и сибирцы ужь не падали отъ грома, а только разбѣгутся, да опять скучатся и стрѣляютъ изъ луковъ. Казаки кинулись на нихъ въ рукопашъ; сѣча была зла; но, видя паденіе многихъ своихъ, войска Мегметъ-Куловы не выдержали и побѣжали. У нашихъ тоже были и убитые, и раненые. Ермакъ поплылъ дальше, внизъ по Тоболу, спѣша на Иртышъ, гдѣ Кучумовъ юртъ. Дорогой былъ еще бой: разбили казаки Кучумова мурзу Карачу и взяли его юртъ и богатую добычу—золота, припасовъ, меду,—и перетащили все на свои коломенки.

Разсказываютъ, что юртъ этотъ взяли они хитростью. Понадѣлали чучелъ изъ соломы, надѣли на нихъ кафтаны и шапки,— и привязали въ лодкахъ, оставивъ при нихъ малое число людей, а сами тайно высадились на берегъ. Подошли лодки и стали противъ юрта. Высыпали татары на берегъ, и стали пускать стрѣлы. Стрѣляютъ и дивуются, какіе это люди русскіе—крѣпкіе: стрѣлъ въ нихъ что̀ въ снопики налѣплено, а они всѣ невредимы стоятъ. Настоящіе же казаки тѣмъ временемъ зашли татарамъ въ тылъ, и вдругъ толкнули изъ ружей. Такъ юртъ и взяли.

Мегметъ-Кулъ между тѣмъ не терялъ казаковъ изъ виду, по высокому берегу въ нѣкоторомъ разстояніи провожая ихъ своею конницею; гдѣ рѣка съуживается между горъ, онъ засядетъ на горахъ за кустами, и сыплетъ внизъ на плывущихъ стрѣлы и камни. При впаденіи Тобола въ Иртышъ, Ермакъ счелъ наконецъ за нужное отдѣлаться отъ своихъ провожатыхъ, причалилъ къ берегу, храбро напалъ на нихъ и заставилъ бѣжать. Убитыхъ тутъ у насъ не было, но почти всѣ казаки были уже ранены. Многіе стали призадумываться. Нужно было хоть гдѣ нибудь остановиться отдохнуть; исходилъ второй мѣсяцъ ихъ похода, наступало 22-е Октября. Войдя въ Иртышъ, Ермакъ повернулъ внизъ по рѣкѣ; казаки скоро увидали какое-то старое городище, удобное для привала, и, не встрѣчая на всемъ Иртышѣ непріятеля, расположились въ городищѣ. Но это то и была устроенная Кучумомъ засада. На это то городище Кучумъ и разсчитывалъ. Онъ велѣлъ заблаговременно совсѣмъ его очистить и оставить пустымъ. Близь же него стоитъ высокая гора Чувашева; на этой горѣ расположился самъ Кучумъ съ половиной своего войска; а другую половину, подъ начальствомъ Мегметъ-Кула, укрылъ онъ съ другой стороны городища, сдѣлавъ для того нарочно засѣку, и обведя ее валомъ. Завидя казаковъ, Татары притаились въ своихъ мѣстахъ. Казаки же ужь вечеромъ подплыли къ городищу, стали пищу варить и готовить себѣ ночлегъ, какъ вдругъ замѣчаютъ, что въ засѣкѣ людей —видимо-невидимо; свѣдавъ, что и на Чувашевой горѣ стоитъ самъ

Кучумъ, и что они окружены всей его силой,—они, усталые и раненые, вдругъ впали въ страхъ и отчаяніе, собирались въ круги и требовали, чтобы ночью же садиться на суда и ѣхать назадъ. Есаулы стали было уговаривать, а имъ отвѣчали: „да вы посмотрите: ихъ, вѣдь, нехристей — тьмы, а мы всѣ на перечетъ. Сколько товарищей уже похоронили! Понесла насъ нелегкая, по невѣдомымъ рѣкамъ—ужли-жь затѣмъ, чтобъ берега утыкать крестами надъ казацкими могилами? Погуляли, страху задали, добычи понабрали, пора и честь знать, домой поворотить, чего еще дожидаться?“ Слыша такія рѣчи пріуныли и есаулы, и старшіе по Ермакѣ атаманы, его помощники—Иванъ Кольцо да Иванъ Гроза. Ермакъ одинъ сидѣлъ поодаль, поглядывалъ на засѣку Мегметъ-Кулову и на круги своихъ казаковъ—и очень хорошо зналъ, о чемъ тамъ дѣло идетъ. Приходятъ и говорятъ ему Иванъ Кольцо и Иванъ Гроза, что дѣло плохо, казаки бунтуются. „Пусть наговорятся, натѣшатся“, отвѣчалъ Ермакъ. И давши имъ наговориться, позвалъ онъ всѣхъ въ большой кругъ; вышелъ, поклонился и началъ рѣчь: „Что же, братцы, сказалъ онъ:—аль ужь и впрямь приходится намъ бѣжать?“ „Да ужь впередъ то, кажись некуды; всѣ пути перехвачены“, загуторили въ толпѣ. „Одно худо, продолжалъ Ермакъ:—время позднее, рѣки скоро станутъ, до дому не догребемъ, придется зимовать въ глуши—Богъ вѣсть гдѣ и Богъ вѣсть какъ. Пожалуй, въ такомъ мѣстѣ замерзнемъ, гдѣ ни Татарва проклятая, ни Сибирь ихъ немшоная, ни Чудь заблудящая не подумали—теплыхъ хоромъ намъ не поставили и хлѣба не напахали... Одно только мѣсто для зимовки доброе я знаю, это Кучумовъ юртъ, Сибирь городокъ... Стыдно вамъ, братцы, продолжалъ онъ съ негодованіемъ,—а еще казаки, православные христіане! какое помышленіе въ сердца свои попустили! усумнились въ помощи Господней! Что́ на Перми, да на Чусовой отъ этихъ поганыхъ нехристей церквей Божіихъ поругано да пожжено,—народу христіанскаго, русскаго, стариковъ и младенцевъ, помучено, да побито. Того ради Всемогущій Богъ мститъ имъ, окаяннымъ,

за кровь неповинную. Нешто мы воровать сюда пришли? Слава Тебѣ Господи, отъ воровства великій обѣтъ дали отстать, царю и честнымъ людямъ, и всему христіанству послужить пошли, и крестъ цѣловали. Вспомяните—какими слезами тогда плакали? Какіе обѣты выговаривали? Да всѣмъ намъ здѣсь помереть! а назадъ обратиться, страху ради и живота своего жалѣючи, намъ не можно: и срамъ и слова своего преступленіе! Ужь мы души свои Господу Богу заложили, и Его волею идемъ; а что насъ мало, непріятелей же множество,—то вѣдь не отъ многихъ воевъ побѣда бываетъ, но свыше отъ Бога помощь дается; можетъ и безпомощнымъ Богъ помочь; и насъ не покинетъ Онъ, видя сердца наши — чисты и дерзновенны; уповайте на Него твердо, и памятуйте, что дастъ Господь постоимъ крѣпко,— то и по смерти нашей память наша не оскудѣетъ въ сихъ странахъ, и слава объ ней пойдетъ во вѣки "

Не дали Ермаку дальше говорить; выходили впередъ атаманы и есаулы храбрые: Иванъ Кольцо да Иванъ Гроза, Мещерякъ Матвѣй, Никита Панъ, и другіе; всѣ говорили: „всѣ мы готовы умереть за святыя Божія церкви, за вѣру православную пострадать, царю послужить. Постоимъ всѣ до единаго противъ поганыхъ, твердо до крови и до самой смерти. Всѣ на томъ и стоимъ за одну душу."

„Такъ, такъ, заговорилъ казацкій кругъ, — ужь во всемъ на тебя, Ермакъ Тимофѣевичъ, полагаемся; ты, извѣстно, человѣкъ не намъ чета. Безъ тебя давно-бъ ужь намъ всѣмъ пропасть".

Похвалилъ Ермакъ такія рѣчи, и велѣлъ потомъ отслужить молебенокъ. И вынесли попы крестъ и Евангеліе, аналойчикъ поставили, засвѣтили свѣчечки... и ужь ночь сіяла всѣми своими звѣздами, когда казаки сторожей разставили, а сами полегли соснуть, крѣпкіе духомъ на завтрашніе подвиги.

И на утро, какъ только отъ солнца освѣтило блистаніемъ свѣтлыя облака, вывелъ Ермакъ свою дружину изъ городища и указалъ на засѣку. „Съ нами Богъ!" крикнули казаки яко едиными устами, дали залпъ и побѣжали на приступъ; Татары выпустили

тучу стрѣлъ. Многіе изъ нашихъ попадали, другіе замялися; видя то, Татары въ трехъ мѣстахъ разломали сами засѣку и кинулись всей аравою, думая взять множествомъ—и въ тѣснотѣ не дать стрѣлять изъ ружей. Тутъ то проявилась сила богатырская, бой пошелъ на жизнь и смерть; топоры и сабли въ ходъ пошли; дрались въ рукопашную, —на одного казака приходилось по десяти, по двадцати, по тридцати человѣкъ. Ермака Богъ хранилъ, а съ нимъ у всѣхъ удесятерялась сила: вездѣ поспѣвалъ онъ во время; отъ одного его вида толпа разбѣгалась... Но столбъ Кучумова царства, душа его войска—надломилась: палъ храбрый Мегметъ-Кулъ, раненый; едва успѣли отбить его, еле жива, и отвесть за Иртышъ. Разстроились его Татары и побѣжали; остяцкіе князьки, стоявшіе у Кучума, вмѣсто того, чтобы поддержать Татаръ, повернули коней и отвели войска во свояси. Остался Кучумъ одинъ на горѣ съ немногими приближенными, стоялъ какъ ошеломленный, горько заплакалъ и побѣжалъ. Добѣжалъ онъ до столицы своей, гдѣ царствовалъ сорокъ лѣтъ, захватилъ кое-что изъ сокровищъ и устремился на старости лѣтъ въ скитальческій путь, съ сокрушеніемъ промолвивши: „нѣтъ такой радости, которая бы потомъ не сложилась на печаль“. Скитаясь по степямъ, въ горѣ, онъ потомъ ослѣпъ.

Побѣда Ермака была полная, хотя досталась не дешево. Пятая часть всей дружины его, сто семь воиновъ полегло въ этомъ бою. Но Ермакъ не хотѣлъ терять времени и дать врагамъ опомниться. На другой же день пошелъ къ Кучумовой столицѣ: она была отъ Чувашевой горы всего въ шестнадцати верстахъ. Шли безъ боязни, но приблизясь къ городу, и не слыша оттуда ни голоса, не видя ни лица человѣческаго, усумнились—не кроется ли тутъ какое лукавство. Осторожно начали казаки входить въ городъ и увидѣли, что юртъ совсѣмъ пустъ. Видно было—люди пометались изъ него въ переполохѣ: все ихъ богатство тутъ валялось, золото, серебро, и каменья дорогіе, и ткани золотыя, и куньи и собольи мѣха, и всякія яства недоѣденныя. Увѣрясь, что лукавства никакого нѣтъ,

Ермакъ велѣлъ служить благодарственный молебенъ, съ крестами и святой водою обошелъ вокруга города, посвящая его истинному Богу, и поздравилъ товарищей съ доброй зимовкой.

Отдохнули наши молодцы, поустроились въ городѣ. Три дня прошли тихо и мирно. На четвертый день показались остяцкіе князьки, подъѣхали, выложили Ермаку богатые дары и запасовъ, и били челомъ принять отъ нихъ присягу на вѣрность. За ними стали приходить жители съ семьями своими, присягали Ермаку— и онъ приглашалъ всѣхъ ихъ жить по прежнему въ городѣ. Городъ опять наполнился людьми. Ермакъ скоро всѣмъ полюбился, всѣмъ подъ нимъ житье было безобидное. Въ дружинѣ его съ изначала заведенъ былъ порядокъ и послушаніе. Всякое дѣло студное наказывалось строго. Атаманы Иванъ Кольцо да Иванъ Гроза были у него помощниками. Все войско раздѣлялось на сотни; у каждой сотни было свое знамя, украшенное святыми образами; сотнями начальствовали есаулы. Подъ ними были пятидесятники и десятники. Туземцы стали даже радоваться, что избавились отъ Кучума. Кучумъ былъ въ той сторонѣ пришлый царь, родомъ Татаринъ; прежнихъ владѣтелей онъ побѣдилъ и самъ сѣлъ на ихъ мѣсто. Изъ дальнихъ улусовъ всю зиму на оленяхъ и собакахъ пріѣзжали остяцкіе и вогульскіе, и всякіе другіе сибирскіе владѣтели къ Ермаку, и тоже вступали въ подданство. Самъ Мегметъ-Кулъ, выздоровѣвшій отъ ранъ, попался въ плѣнъ; Ермакъ держалъ его подъ крѣпкою стражею, но честилъ и обходился съ нимъ дружески. Весною, какъ только прошли рѣки, Ермакъ пошелъ въ походъ внизъ по Иртышу до самой Оби—и гдѣ мирно, гдѣ боемъ привелъ всю страну подъ власть свою. Когда онъ возвращался назадъ, шествіе его было торжественно. На лодкахъ его играла музыка. У него были барабаны, сиповки, литавры и трубы. Казаки были одѣты въ праздничные кафтаны; все обшито было золотомъ. Жители выходили къ нему на встрѣчу, падали ницъ, выносили дары, куньи и собольи мѣха, просили его суда и славили его судъ... Обширныя земли были подвластны Ермаку; многіе на-

роды несли ему дань; вѣнецъ Кучумовъ былъ въ его рукахъ... Ермакъ могъ бы возложить его себѣ на голову... Всякой вольницы изъ Россіи, съ Волги и съ Дону, къ нему потянуло бы множество, и былъ бы онъ силенъ и славенъ, и повелѣвалъ бы народами... Такъ бы и сдѣлалъ иной — только не русскій человѣкъ.

Куда бы ни зашелъ русскій человѣкъ, какою бы славою ни возвеличился, или какую бы дурь на себя ни напустилъ — онъ только о святой Руси и думаетъ, и сердце его отъ нея не отрывается.

Принималъ Ермакъ эти почести — а думалъ о другомъ. Молча и подолгу поглядывалъ онъ въ ту сторонушку, гдѣ Русь православная: все то тамъ живетъ честной народъ... для него же тамъ, на великой Руси, поставлены, стоятъ-дожидаются — два столбика съ перекладинкой, на ней петелька шелковая... Хоть полсвѣтомъ завладѣй, все онъ тамъ — воровской казакъ, государевъ измѣнникъ. Такъ въ царскомъ указѣ объ немъ сказано, пятно на имячко его крестное положено: это то пятно и прожигало его душу, а смыть его могло тоже—только слово царское.

Воротился Ермакъ изъ похода, позвалъ попа, заперся въ своей земляночкѣ, караулъ поставилъ, чтобъ никто къ нему не входилъ, и велѣлъ попу писать. Самъ ходитъ по земляночкѣ, а попъ со словъ его пишетъ къ царю грамоту,—простую грамоту, гдѣ о себѣ Ермакъ ни слова не говоритъ, и ничего не указываетъ, что бы дѣлать государю. „Всемилостиваго, въ Троицѣ славимаго Бога изволеніемъ, Пречистыя Его Матери и Святыхъ Угодниковъ и Чудотворцевъ Россійскихъ заступничествомъ, и тебя Государя, Царя и Великаго Князя Іоанна Васильевича ко всещедрому Богу праведною молитвою и твоимъ государевымъ счастіемъ, царство Сибирское взяли и царя Кучума съ воями его побѣдили; и подъ твою высокую руку покорили многихъ живущихъ въ Сибири инородцевъ, Татаръ, Остяковъ и Вогуличей; и къ присягѣ ихъ привели, чтобы быть имъ подъ твоею государскою высокою рукою, до вѣку, покамѣсть Богъ изволитъ вселенной стояти; и чтобы имъ ясакъ да-

вати тебѣ, великому Государю, безпереводно. А на русскихъ людей имъ зла никакого не мыслить: а которые похотятъ въ твою службу государскую, и тѣмъ служить прямо; недругамъ твоимъ государевымъ ни въ чемъ не спускать, и самимъ не измѣнять; къ царю Кучуму и въ иныя орды и улусы не отъѣзжать, и во всѣмъ правомъ постоянствѣ стоять".

Велѣлъ онъ написать и другую грамоту—свои слова къ именитымъ людямъ Строгановымъ, увѣдомлялъ ихъ о дѣлахъ своихъ и просилъ переправить съ его грамотой посланца къ самому царю въ Москву. Написавши грамоты, позвалъ онъ атамановъ и есауловъ своихъ и спросилъ: „кому ѣхать въ Москву передъ грознаго царя, за воровскія дѣла отвѣтъ держать и бить челомъ царствомъ Сибирскимъ?"

„Кому же ѣхать, какъ не мнѣ," вызвался Иванъ Кольцо, Ермаковъ ближайшій другъ: „имя мое великому государю свѣдомо; въ царскомъ указѣ написано; велѣлъ меня сыскать великій государь: самъ приду, свою голову принесу, а отъ тебя дорогой подарочекъ".

Поѣхалъ Иванъ Кольцо съ пятьюдесятью казаками. Остались Ермакъ съ товарищами дожидать, что́ велитъ имъ сказать великій государь.

Иванъ Кольцо пріѣхалъ въ Москву въ самое печальное время. Только что заключенъ былъ съ Польшею миръ. По этому миру царь потерялъ всѣ свои завоеванія въ Ливонской землѣ, берега Балтійскаго моря, столь для Россіи необходимыя, и Полоцкъ, и другіе города. Мраченъ былъ грозный царь. Это былъ уже не тотъ красивый юноша, что ровно тридцать лѣтъ тому назадъ бралъ Казань. Онъ уже постарѣлъ и хворалъ, подозрѣвалъ, что окруженъ измѣною бояръ. Послѣ московскаго пожара, послѣ его покаянія и рѣчи на Лобномъ мѣстѣ, когда всѣ подданные его проливали слезы умиленія и простили всѣ другъ другу вины свои, — онъ думалъ что всѣ, вмѣстѣ съ нимъ, перемѣнились къ добру; и точно, приблизились къ нему тогда совѣтники умные и люди рат-

наго дѣла храбрые, которые славно казанскій походъ справили, и всѣ казались государю преданы и готовы служить ему не жалѣючи живота своего. Но по возвращеніи же изъ подъ Казани съ царемъ случилось событіе, дозволившее ему, такъ-сказать, заглянуть въ душу всѣхъ его окружавшихъ: онъ заболѣлъ огненною болѣзнію, то есть горячкою. Всѣ думали, что ужь онъ кончается; онъ самъ приготовился къ смерти и приказывалъ царство младенцу сыну своему. Но почти всѣ его вельможи и совѣтники не захотѣли присягать младенцу, боясь неурядицы при малолѣтнемъ царѣ, а выбирали на престолъ царскаго двоюроднаго брата Владиміра Андреевича, уже показавшаго умъ и храбрость при взятіи Казани. Три дня вокругъ постели умирающаго царя спорили, кричали и ругались. На царя уже никто не обращалъ вниманія, словно его тутъ не было. Жадные власти бояре словно сняли съ себя личины свои, выказали всѣ свои затаенныя желанія. Царь все слышалъ, все видѣлъ,— и вдругъ ему стало легче: онъ выздоровѣлъ, словно изъ мертвыхъ возсталъ. Ничего онъ не сказалъ, когда поправился; но подозрѣніе залегло въ его душу противу всѣхъ его окружавшихъ: онъ помнилъ, что каждый говорилъ и дѣлалъ въ то время, когда почиталъ царя почти умершимъ. Еще восемь лѣтъ таился онъ, пока жила первая супруга его, кроткая царица Анастасія, изъ роду Романовыхъ; ее онъ называлъ своею юницею, любилъ до безумія, чувствуя, что только подлѣ нея, какъ подъ крыломъ тихаго ангела, отдыхала уязвленная душа его и воспламенялась ко всему доброму и великому. Скончалась „юница“ его — и царь вдругъ почувствовалъ себя одинокимъ посреди людей, которые когда-то, при немъ, во время его болѣзни, поносили царицу и отвергали ее отъ соправительства малолѣтнему сыну. Все это вспомнилось ему еще живѣе при видѣ ея бездыханнаго трупа,—и, указывая на покойную, онъ, въ изступленіи горести, говорилъ боярамъ: „радуйтесь, радуйтесь, нѣтъ уже той, которую вы ненавидѣли! а за что вамъ неугодна была? За то ли, что Богъ, при ней, видя ея ангельскую кротость и чистоту голубиную, намъ славу и побѣду пода-

валъ, и со смертнаго одра насъ воздвигъ, сиротства ея жалѣючи?..“ У самыхъ лучшихъ людей есть всегда завистники; нашлось много и тутъ такихъ, которые думали воспользоваться горестью царя, чтобъ избавиться отъ супротивныхъ имъ,—и стали царю нашептывать, что Анастасія умерла отъ отравы... Мать царя тоже нѣкогда скончалась отъ яду... Царь повѣрилъ и рѣшилъ истребить враговъ своего рода: начались въ Москвѣ опалы и казни.... И жизнь самого царя пошла самая ужасная. Новые приближенные старались ему доказать, что только они ему вѣрны, и постоянно пугали его измѣной и лихими умыслами людей имъ неугодныхъ, дабы погубить ихъ; сами же льстили царю и тѣшили его, пробудили въ немъ привычки дѣтства его, — и онъ предался всѣмъ ихъ злокозненнымъ боярскимъ обычаямъ, къ которымъ навыкъ отъ юности своея... Правда, продолжалъ царь имя свое передъ иностранными государями честно и грозно держать, о державѣ россійской и о всемъ христіанствѣ радѣть; продолжалъ онъ давать посламъ своимъ мудрые наказы, и дивилъ умомъ и знаніями даже самыхъ хитрыхъ папскихъ посланныхъ, препираясь съ ними о вѣрѣ; не нарушилъ ничего изъ своего мудраго земскаго устроенія; по прежнему хотѣлъ правды, казнилъ лихоимцевъ; самъ какъ Соломонъ творилъ судъ народу, и народъ славилъ его судъ, — но тутъ же, при неудачѣ, вдругъ падалъ духомъ, пугался и готовъ былъ унижаться; вдругъ опалялся и губилъ по одному непонравившемуся ему взгляду, губилъ людей, цѣлые роды, города, гдѣ полагалъ измѣну. Чтя въ счастьѣ—милость къ себѣ Господню, а въ бѣдѣ—казнь за свои прегрѣшенія,—онъ постоянно самъ надъ собой произносилъ строгій судъ: въ сей жизни самъ непрестанно судилъ себя, помня образъ христіанскаго царя, какъ онъ долженъ быть, и какимъ онъ самъ цѣлыя тринадцать лѣтъ быть старался, — помня страшный отвѣтъ, который долженъ онъ дать Богу и за судьбу царства своего и всего христіанства, и за кровь имъ проліянную,—отвѣтъ какъ царя и какъ человѣка. Тогда, исчисляя всѣ свои прегрѣшенія, называя себя окаяннымъ, кровопійцею, чревоугодникомъ

и „псомъ смердящимъ“, онъ жаждалъ совсѣмъ оставить міръ, принять постриженіе и схиму; уѣзжалъ въ самые отдаленные монастыри; жилъ тамъ въ покаяніи, постѣ и молитвѣ; самъ писалъ имена имъ казненныхъ, и съ богатыми вкладами оставлялъ въ монастыряхъ для вѣчнаго поминовенія. Отъ душевныхъ мукъ своихъ онъ получилъ падучую болѣзнь... Несчастный конецъ Ливонской войны, разрушившій его великіе для Россіи замыслы, повергъ его въ скорбь, казалось, безъисходную. Вся Москва трепетала, словно передъ бурей...

И вдругъ докладываютъ царю, что пріѣхалъ гонецъ отъ Строгановыхъ и съ нимъ какіе-то казаки изъ Сибири.

Обыкновенно государь принималъ гонцовъ самъ, сидя на креслахъ, а кругомъ его по лавкамъ — бояре. Вводятъ Ивана Кольцо съ товарищами. Они пали передъ Государемъ на землю какъ преступники; Иванъ Кольцо положилъ себѣ на голову грамоту. Царь велѣлъ дьяку взять, распечатать и читать грамоту. Дьякъ прочелъ. Государь велѣлъ Ивану Кольцо встать, и все дѣло разсказать—и что они за люди. И повѣдалъ Кольцо, безъ утайки, всю правду истинную, что они тѣ самые воровскіе казаки, о которыхъ писано въ царскихъ указахъ, и какъ они пришли къ Строгановымъ, и какъ въ Сибирь пошли, и прочее. И объ Ермакѣ все доподлинно разсказалъ. Царь выспрашивалъ все до мелочи. Иванъ Васильевичъ не пропускалъ случая кольнуть бояръ своихъ измѣною нѣкоторыхъ изъ нихъ, и тутъ вышелъ ему поводъ сказать имъ: „вотъ вамъ примѣръ: и незнатнаго рода люди, простые казаки; я ихъ казнить велѣлъ—они же не побѣжали служить моимъ недругамъ, а пошли на меня же поработать, царство мнѣ покорили, чтобы я только снялъ съ нихъ вины ихъ старыя“. И, обратясь къ казакамъ, объявилъ, что всѣ вины ихъ онъ съ нихъ сымаетъ, и за службу жалуетъ великимъ своимъ государевымъ жалованьемъ. „А къ храброму воеводѣ нашему, заключилъ онъ,—князю Сибирскому Ермаку Тимофѣевичу, помощь пошлю и велю отписать къ нему мою царскую грамоту“. И допустилъ онъ казаковъ къ рукѣ,

и одарилъ ихъ, и велѣлъ ихъ продовольствовать съ царскаго стола. Потомъ всталъ съ креселъ—поднялись и бояре — и приказалъ государь тотчасъ же служить въ Успенскомъ соборѣ молебенъ, и по всей Москвѣ, и по всему царству звонить въ колокола и объявить народу, что Богъ въ милостяхъ своихъ къ нему не оскудѣваетъ, послалъ державѣ Россійской великое приращеніе: третье мусульманское царство—Сибирь покорилась скипетру христіанскаго царя. И великое было на Москвѣ ликованіе.

На помощь Ермаку отряженъ былъ князь Болховской и съ нимъ пятьсотъ стрѣльцовъ. Казакамъ царь послалъ денегъ, суконъ, камки; Ермаку — шубу съ своего плеча, двѣ брони, серебряный кубокъ, и въ милостивой грамотѣ своей, назвавъ его княземъ Сибирскимъ, поручилъ ему главное распоряженіе и начальство надо всею покоренною страною. Плѣннаго Мегметъ-Кула велѣлъ прислать въ Москву.

Радость казаковъ была неописанная, когда воротился Иванъ Кольцо съ царскими милостями. Но Ермаку не долго пришлось ими пользоваться. Онъ попалъ таки въ засаду къ Кучуму. Кучумъ распустилъ слухъ, что къ казакамъ идутъ бухарскіе купцы. Ермакъ вышелъ съ пятьюдесятью казаками имъ для прикрытія. Купцовъ на сказанномъ мѣстѣ не нашли и расположились на островкѣ, на Иртышѣ, ночевать. Ночь была бурная, вѣтеръ вылъ, рѣка шумѣла. Казаки спали богатырскимъ сномъ. Кучумъ переправился черезъ рукавъ рѣки, напалъ—и сонныхъ перерѣзалъ казаковъ. Ермакъ вскочилъ было на крики, бросился къ судамъ своимъ, отмахиваясь саблей, перепрыгивалъ съ лодки на лодку, оступился и упалъ въ бурную и глубокую рѣку; тяжелая царская броня была на немъ—и была причиной его гибели.

Какъ умеръ Ермакъ—тутъ-то и оказалось, что это былъ за человѣкъ. Стрѣльцы и казаки остались безъ него какъ безъ головы. Душа всего дѣла—исчезла. Иванъ Кольцо незадолго передъ тѣмъ былъ убитъ измѣною. Никита Панъ, Иванъ Гроза, тоже погибли. Оставшись какъ овцы безъ пастыря, казаки и стрѣльцы устраши-

750212

лись. Думали ужь только о томъ, какъ бы уйти въ Россію. Оставшійся въ живыхъ одинъ изъ Ермаковыхъ атамановъ, Матвѣй Мещерякъ, повелъ ихъ къ Строгановымъ...

Но ужь путь въ Сибирь былъ указанъ: царскія войска уже двигались туда. Мещерякъ встрѣтилъ ихъ на дорогѣ — и слѣпой Кучумъ не долго процарствовалъ въ занятой имъ вновь столицѣ своей, на казацкихъ могилахъ. Какъ сказалъ когда-то Ермакъ взбунтовавшимся казакамъ: „постоимъ крѣпко, и память наша не оскудѣетъ въ сихъ странахъ, и слава объ насъ пойдетъ во вѣки"—такъ и сбылось. Имя Ермака стоитъ надо всею Сибирскою страною, живетъ тамъ въ названіяхъ урочищъ, живетъ по всей Руси въ пѣсняхъ народныхъ. Оно съизмала любезно намъ всѣмъ и каждому, ибо знаменуетъ великаго, но при томъ чисто русскаго человѣка, который,—соединяя въ себѣ умъ, богатырскій духъ, могучую волю, съ дивной благостью душевной,—совершилъ, въ простотѣ сердца, великія дѣла, единственно для очистки совѣсти своей передъ царемъ и всѣмъ православнымъ людомъ, въ прославленіе имени русскаго и на возвеличеніе державы россійской.

Смерть Ермака приключилась въ одинъ годъ съ кончиною царя Ивана Васильевича Грознаго: въ 1584 году. Только царь скончался 18 Марта, а Ермакъ погибъ 5 Августа. Въ Тобольскомъ синодикѣ до сихъ поръ поминаются имена всѣхъ его казаковъ, первыхъ покорителей Сибири.

КОНЕЦЪ.

750212